

ОХОТНИКИ ЗА КОСТЯМИ

ТОМ 1

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Охотники за костями. Том 1

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)

Эриксон С.

Охотники за костями. Том 1 / С. Эриксон — «Эксмо»,
2006 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-04-095439-1

Восстание в Семи Городах подавлено, Ша'ик мертва, её сторонники бежали. Все — за исключением одного. Леоман Кистень с теми, кто выжил, движется к древнему городу И'гхатану, чтобы дать там последний бой Четырнадцатой армии под предводительством адъютанта Тавор. Некогда именно И'гхатан стал роковым городом для Малазанской империи: здесь погиб великий воитель Дассем Ультор, а имперские войска захлебнулись кровью. Теперь же Четырнадцатой армии предстоит переломить судьбу — или пасть под её ударами... Впрочем, противостояние малазанцев и бунтовщиков — лишь часть великой игры, которую ведут могущественные и древние силы. Увечный бог отныне владеет собственным Домом, Престол Тени готовит некий гамбит, из дальних морей являются причудливые корабли, несущие безжалостных тисте эдугов. Вечные скитальцы Икарий и Маппо сталкиваются с новыми тайнами прошлого, а Карса Орлонг решительно шагает навстречу своей судьбе. И мало кто понимает, что ставка в этой многоуровневой игре — существование не только отдельных игроков, но и всего мира...

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-04-095439-1

© Эриксон С., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Карты	7
Список персонажей	9
Охотники за костями	12
Пролог	13
Книга первая	24
Глава первая	25
Глава вторая	45
Глава третья	72
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Стивен Эриксон
Охотники за костями
Том 1
Сказание шестое из
Малазанской Книги Павших

*Посвящается Кортни Уэлчу.
Играй, играй, мой друг.*

* * *

Steven Erikson
The Bonehunters
Book Six of the Malazan Book of the Fallen

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2006 Steven Erikson. First published as the Bonehunters by Transworld Publishers

© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Благодарности

Благодарю обычный свой список подозреваемых, включая читателей первоначального варианта-черновика – Криса, Марка, Рика, Кортни и Билла Хантера, который оказал мне неоценимую помощь в разработке и полном описании вариантов Колоды Драконов – только, слушай, Билл, давай ты больше не будешь ходить много миль под проливным дождём, ладно? Спасибо Кэму Эссломону за тщательнейшую вычитку – рад, что хоть кто-то из нас разобрался с хронологией. Как всегда, благодарю вас, Клэр и Боуэн. Спасибо работникам бара «Italia» за то, что подсобили мне с ещё одной книгой – три повести и четыре романа, и ещё двадцать две тысячи чашек латте, вот это у нас с вами счёт вышел, да? Благодарю Стива, Пери и Росса Дональдсона за дружбу. А также Саймона Тэйлора, Патрика Уолша и Говарда Морхейма за отличную работу.

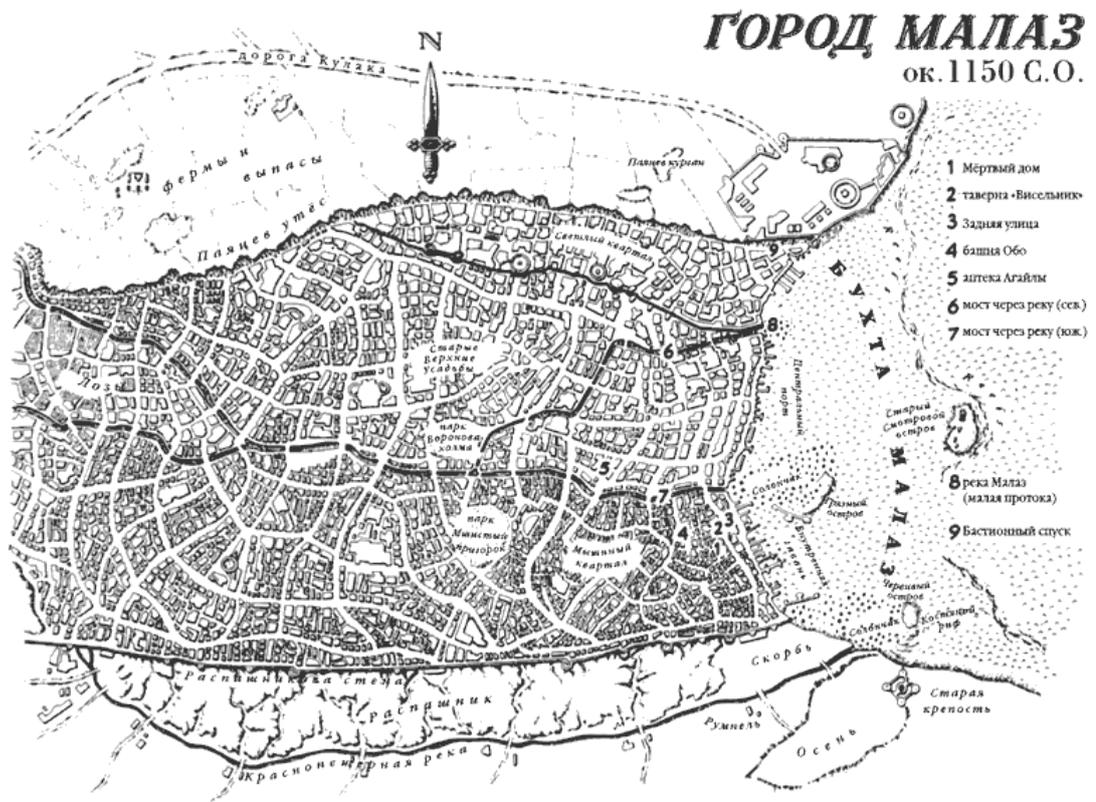
Карты

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МАЛАЗАНСКАЯ ИМПЕРИЯ *Квон-Тали*

СЕМЬ ГОРОДОВ *Малазанская империя ок. 1160 Сна Огни*

Список персонажей

Малазанцы

Императрица Ласинн, правительница Малазанской империи
Адьюнкт Тавор, командующая Четырнадцатой армией
Кулак Кенеб, командир дивизии
Кулак Блистиг, командир дивизии
Кулак Тин Баральта, командир дивизии
Кулак Темул, командир дивизии
Нихил, виканский колдун
Бездна, виканская ведьма
Ян'Тарь, помощница Тавор
Лостара Йил, помощница Жемчуга
Жемчуг, Коготь
Нок, адмирал Имперского флота
Банашар, бывший жрец Дрек
Хеллиан, сержант городской стражи в Картуле
Урб, картульский стражник
Дохляк, картульский стражник
Неженка, картульский стражник
Быстрый Бен, Высший маг в Четырнадцатой армии
Калам Мехар, убийца
Свиц, найдёныш

Некоторые солдаты четырнадцатой армии

Капитан Добряк, Ашокский полк
Лейтенант Порес, Ашокский полк
Капитан Фарадан Сорт
Сержант Скрипач/Смычок
Капрал Битум
Спрут
Флакон
Корик
Улыбка
Сержант Геслер
Капрал Ураган
Мастер-сержант Смелый Зуб
Может
Мазок
Эброн
Синн
Хруст
Сержант Бальзам
Капрал Смрад

Горлорез
Масан Гилани

Другие

Кулат, крестьянин
Нуллисс, крестьянка
Хэйрит, крестьянка
Чаур, крестьянин
Ното Бойл, полковой лекарь (целитель) в Войске Однорукого
Хурлокель, всадник разъезда в Войске Однорукого
Капитан Речушка, офицер в Войске Однорукого
Капрал Футгар, офицер в Войске Однорукого
Кулак Рита Буд, офицер в Войске Однорукого
Ормулогун, художник
Гамбл, его критик
Апсалар, убийца
Телораст, дух
Кердла, дух

Самар Дэв, ведьма из Угарата
Карса Орлонг, воин-теблор
Ганат, яггутка
Злоба, одиночница и сестра Госпожи Зависти
Корабб Бхилан Тэну'Алас
Леоман Кистень, последний предводитель восстания
Капитан Синица, офицер городской стражи И'гхатана

Карполан Демесанд, из Тригалльской торговой гильдии
Торахаваль Делат, жрица Полиэль

Резчик, некогда – Крокус из Даруджистана
Геборик Призрачные Руки, Дестриант Трича
Скиллара, беженка из Рараку
Фелисин Младшая, беженка из Рараку
Серожаб, демон

Маппо Коротышка, трелль
Икарий, ягг
Искарал Прыщ, верховный жрец Тени
Могора, д'иверс

Трулл Сэнгар, тисте эдур
Онрак разбитый, развязанный т'лан имасс

Ибра Голан, т'лан имасс
Монок Охем, заклинатель костей из т'лан имассов
Минала, командир Теневого отряда

Ибра Голан, т'лан имасс

Монок Охем, заклинатель костей из т'лан имассов

Минала, командир Теневого отряда

Томад Сэнгар, тисте эдур

Пернатая Ведьма, рабыня-летэрийка

Атри-преда Ян Товис (Мгла), командир летэрийцев

Капитан Варат Тон, офицер под командованием Мглы

Таксилиец, переводчик

Альрада Ан, шпион тисте анди среди тисте эдуrow

Сатбаро Рангар, арапайский колдун

ОХОТНИКИ ЗА КОСТЯМИ

Том 1

*Ибо всё возможно
В сей нисходящий век,
Когда герои оставляют за собой
Лишь железное кольцо имён
Из глоток бардов,
Я стою в сердце безмолвном
Жажду слабого биенья
Жизней, распавшихся в прах,
И шелестящий шёпот
Провозглашает погибель славы,
Ведь песни стихли,
Угасли в слабеющем эхо,
Но всё возможное,
Все чертоги и залы
Пусты для криков моих —
Ибо кто-то же должен
Дать ответ
Дать ответ
На всё это
Кто-то*

Торбора Фэтена. Век нисходящий

Пролог

1164 год Сна Огни

Истрал'фэннидан, пора Д'рек, Червя Осени

Двадцать четыре дня с гибели Ша'ик в Рараку

Широкие полотна паутины поблёскивали меж башен над головой, и лёгкий ветерок с моря теребил тонкие нити так, что на город Картул опустилась водная дымка, как это происходило каждое утро в Чистую пору.

Человек может привыкнуть почти ко всему, и поскольку жёлтополосые пауки-паральты первыми захватили зловещие башни после того, как остров покорили малазанцы, – а было это несколько десятилетий тому, – времени прошло вполне достаточно, чтобы приспособиться к такому положению дел. Даже при виде застрявших в тенетах между двумя десятками башен чаек и голубей, которыми потом кормились крупные – с кулак величиной – пауки, жители города Картула испытывали лишь лёгкое отвращение.

Увы, сержант Хеллиан из городской стражи Септархова квартала была исключением из этого правила. Ей частенько казалось, что некие боги до коллик смеются над её несчастьями, в которых они, несомненно, и повинны. От рождения она панически боялась пауков и прожила все девятнадцать лет своей жизни в непередаваемом ужасе.

Так почему бы не уехать отсюда? Этот вопрос снова и снова задавали её друзья и знакомые – спрашивали столько раз, что Хеллиан уже сбилась со счёта. Но уехать было не так просто. Даже – попросту невозможно! Мутные воды гавани пятнали куски сброшенной при линьке кожи, обрывки паутины и набухшие трупки птиц. На суше дела обстояли ещё хуже. Молодые паральты, сбежавшие от голодных старших пауков в городе, гнездились среди известняковых скал, окружавших Картул. И, несмотря на молодость, были ничуть не меньше агрессивны и ядовиты. Хотя торговцы и фермеры твердили, что можно целый день идти по дороге и ни одного паучка не увидеть, Хеллиан было всё равно. Она знала, что боги только того и ждут. И пауки тоже.

Будучи трезвой, она внимательно и дотошно следила за всем, что происходило вокруг, – как и положено сержанту городской стражи. Поскольку же Хеллиан не могла постоянно напиваться в хлам, а холодная трезвость доводила её до истерики, сержант ловко танцевала на канате под названием «в подпитии». И, как следствие, не знала о том, что у Вольного причала бросил якорь странный корабль, который вошёл в гавань ещё до рассвета и следовал, судя по флагу, с острова Малаза.

Собственно, корабли с Малаза не были в Картуле чем-то особенно примечательным; однако уже пришла осень, и преимущественные ветры Чистой поры закрывали почти все пути на юг, по меньшей мере, на два месяца.

Будь мир не таким мутным, она могла бы также заметить – если бы нашла время пройтись к причалу, на что решилась бы только под угрозой смерти – что там пришвартовался не обычный барк или торговец, и даже не военный дромон, а вытянутое, тонкое судно, каких не строили в Империи уже лет пятьдесят. Загадочные резные узоры украшали острый, как клинок, нос, миниатюрные изображения червей и змей тянулись по боковым панелям планширя до

середины корабля. На боку квадратной, непривычно высокой кормы крепилось рулевое весло. Команда насчитывала человек двадцать молчаливых моряков, которые не проявили желания сойти на берег и остались на покачивавшемся у пристани судне. Перед самым рассветом, как только опустили трап, на мол сошла одинокая фигура.

Всё это Хеллиан узнала позже. Её разыскал гонец – местный мальчишка, который – когда не нарушал закон – болтался в порту, надеясь, что его наймут проводником по городу какие-нибудь приезжие. Она сразу почувствовала, что обрывок пергамента, который ей вручил мальчишка, был весьма недурно выделан. Содержание краткого послания заставило Хеллиан нахмуриться.

– Так, парень, а ну-ка опиши человека, который тебе это дал.

– Не могу.

Хеллиан оглянулась на четверых стражников, маячивших на углу улицы позади неё. Один из солдат подошёл к мальчишке и поднял его, ухватив за воротник потрёпанной туники. И слегка встряхнул.

– Освежил память? – поинтересовалась Хеллиан. – Лучше вспоминай, потому что денег не дождёшься.

– Не могу я вспомнить! Я ему в лицо смотрел, сержант! Только... не могу вспомнить, как оно выглядело!

Она окинула мальчика взглядом, затем хмыкнула и отвернулась.

Стражник опустил парня на мостовую, но хватки не разжал.

– Отпусти его, Урб.

Парень помчался прочь что есть духу.

Небрежным жестом Хеллиан приказала своим солдатам следовать за собой и пошла прочь.

Септархов квартал был самым тихим районом в городе, хоть и не благодаря особому тцанию со стороны Хеллиан. Здесь расположились несколько торговых зданий, а жилые были населены преимущественно послушниками и служками дюжины храмов, что заняли главную улицу квартала. И если вор хотел жить, он бы никогда не подумал обокрасть храм.

Она вывела свой взвод на главную улицу и в который раз заметила, как обветшали многие из храмов. Пауки-паралиты полюбили сложную резьбу, купола и тонкие башенки, и, похоже, войну с ними жрецы проиграли. Под ногами хрустели кусочки хитина.

В прежние годы первую ночь Истрал'фэннидана, которая только что завершилась, отметили бы всеостровным празднеством, многочисленными жертвоприношениями и подношениями Д'рек, Червю Осени, богине-покровительнице Картула, а первосвященник Великого Храма, Полудрек, прошёл бы через город по ковру из плодородных отбросов, шествуя во главе торжественной процессии, ступая босыми ногами по наполненной опарышами и червями жиже. Дети гоняли бы по улицам хромых собак, а загнанных – забивали камнями, выкрикивая имя своей богини. С приговорённых к казни преступников прилюдно содрали бы кожу, переломали кости, а затем швырнули беспомощных в яму, полную мертвеедов-могильщиков и красных листовёрток, которые пожирали бы тела ещё четыре или пять дней напролёт.

Но всё это, разумеется, бывало лишь до малазанского завоевания. Своей главной целью Император избрал именно культ Д'рек. Он прекрасно понимал, что центром власти в Картуле был Великий Храм, а самыми могущественными чародеями острова – жрецы и жрицы Д'рек, которыми управлял Полудрек. Таким образом, неудивительно, что в ночь перед морским сражением, в ночь, когда в полной мере проявили себя пресловутые Танзор и Стерва, Госпожа Когтей, все чародеи этого культа были уничтожены, в том числе и Полудрек. Ведь первосвященник лишь недавно обрёл свой сан при помощи храмового переворота, а его изгнанным соперником оказался не кто иной, как Тайшренн, новый – на то время – Высший маг Императора.

Сама Хеллиан знала о тех празднованиях лишь понаслышке, поскольку их запретили, как только малазанцы установили на острове власть Империи, но ей много и часто рассказывали о тех достославных днях, когда остров Картул был вершиной цивилизации во всём мире.

Все были согласны с тем, что нынешнее омерзительное положение сложилось по вине малазанцев. Воистину, осень осенила остров и его мрачных жителей. Ведь завоеватели погубили не только культ Д'рек. Они упразднили рабство, очистили, засыпали и навеки замуровали червивые ямы. В городе даже появился дом, в котором какие-то недалёкие альтруисты привечали хромых собак!

Стражники миновали скромный храм Королевы Грёз и – напротив – многим ненавистный храм Теней. Прежде в Картуле были признаны лишь семь религий, шесть из которых были подчинены культу Д'рек, – потому квартал и назывался Септарховым – Солиэль, Полиэль, Беру, Огнь, Худ и Фэнер. После завоевания к этим богам присоединились другие – два вышеупомянутых культа, а также клир Дэссембрея, Тогга и Опоннов. А Великий храм Д'рек, что оставался по-прежнему самым большим строением в городе, обветшал и начал разрушаться.

Человек, стоявший у широкой лестницы, что вела ко входу в храм, был одет как малазанский моряк – в просмолённые кожаные штаны и поношенную рубаху из тонкой парусины. Тёмные волосы были заплетены в длинную косу, которая свисала у него между лопаток. Когда мужчина обернулся на звук шагов, сержант увидела пожилое лицо с ровными, мягкими чертами, хотя что-то было не так с глазами незнакомца: они блестели, словно в лихорадке.

Хеллиан глубоко вздохнула, чтобы проветрить полупьяную голову, затем показала моряку пергамент:

– Это ваше, я так понимаю?

Незнакомец кивнул:

– А вы командуете стражей в этом квартале?

Она улыбнулась:

– Сержант Хеллиан. Капитан умер в прошлом году – нога у него сгнила. До сих пор ждём замены.

Брови незнакомца иронически взлетели.

– Но не повышения, а, сержант? Видимо, следует заключить, что для нового капитана обязательным требованием является трезвость.

– Вы написали, что в Великом Храме будет заварушка, – заявила Хеллиан, решив не обращать внимания на грубость незнакомца.

Она отвернулась и принялась разглядывать массивное строение. Хеллиан нахмурилась, заметив, что двойные двери храма оказались закрыты. В такую торжественную ночь – это было просто немислимо.

– Я полагаю, да, сержант, – отозвался малазанец.

– Вы прибыли сюда, чтобы поклониться Д'рек? – спросила Хеллиан, чувствуя, как сквозь винные пары пробивается червячок тревоги. – Двери заперты? Как вас зовут и откуда вы?

– Меня зовут Банашар, я с острова Малаза. Мы прибыли этим утром.

Кто-то из стражников позади хмыкнул, и Хеллиан задумалась. Затем внимательнее присмотрелась к Банашару.

– На корабле? В это время года?

– Мы спешили, как могли. Сержант, думаю, нам придётся взломать двери Великого Храма.

– А может, лучше просто постучать?

– Я пытался, – ответил Банашар. – Никто не отозвался.

Хеллиан замешкалась. Вломиться в Великий Храм? Кулак мне за такое сиськи на сквороде поджарит.

– На ступеньках-то мёртвые пауки, – внезапно пробормотал Урб.

Все обернулись.

– Хвала Худу! – буркнула Хеллиан. – И много их тут.

Она с любопытством подошла ближе. Следом шагнул Банашар, а вскоре к ним присоединились и остальные стражники.

– Похоже, будто они...

Хеллиан покачала головой.

– Разложились, – закончил Банашар. – Сгнили. Сержант, займитесь, пожалуйста, дверьми.

Хеллиан всё ещё не могла решиться. Ей в голову вдруг пришла тревожная мысль, и стражница пристально уставилась на малазанца.

– Говорите, спешили сюда, как могли? А зачем? Вы что – послушник Д'рек? Непохоже. Зачем вы сюда явились, Банашар?

– Предчувствие, сержант. Я был... много лет назад... жрецом Д'рек в Джакатакском храме на острове Малазе.

– И предчувствие заставило тебя проделать весь путь до Картула? Ты меня за дуру держишь?

В глазах мужчины вспыхнул гнев:

– Ты, очевидно, слишком пьяна, чтобы почуять то, что слышу я. – Он взглянул на стражников. – У вас тоже нос заложен или я не одинок в своих опасениях?

Урб нахмурился, затем сказал:

– Сержант, я думаю, нам придётся выломать двери.

– Так займитесь этим, чтоб вас разорвало!

Сержант стояла и смотрела, как стражники выбивают створки. На шум сбегалась толпа, и, выйдя вперёд, Хеллиан заметила высокую женщину в жреческом одеянии. *Та-ак, и что теперь?*

Но женщина не сводила глаз с Банашара, который также её заприметил и теперь пристально и сурово смотрел в ответ.

– Что *ты* здесь делаешь? – требовательно спросила женщина.

– А ты ничего не почувствовала, Высшая жрица? Похоже, благодушная беспечность – болезнь, притом весьма заразная.

Взгляд жрицы метнулся к солдатам, которые высаживали двери.

– Что произошло?

Правая створка треснула, а затем рухнула внутрь под последним ударом ноги.

Хеллиан жестом приказала Урбу войти, потом последовала за ним. Позади трусил Банашар.

Оглушительная вонь, в полумраке на стенах видны широкие потёки крови, куски мяса на плитках пола, лужи желчи и фекалий, а также обрывки одежды и клочья волос.

Урб сделал лишь пару шагов и теперь замер, глядя на то, в чём стоял. Хеллиан вышла вперёд, и рука её невольно потянулась к фляжке у пояса. Ладонь Банашара остановила это движение.

– Не здесь, – проговорил он.

Хеллиан грубо потряхнула его руку.

– Катись ты к Худу! – прорычала она, вытащила из-за пояса флягу и откупорила; затем перехватила три быстрых глотка. – Капрал, бегом – найди командира Чарла. Нам нужно подразделение, чтобы всё тут оцепить. И пусть передаст весть Кулаку, мне здесь нужны маги.

– Сержант, – сказал Банашар, – это дело жрецов.

– Не будь идиотом! – Она жестом подозвала остальных стражников. – Обыскать тут всё. Вдруг остались живые...

– Не остались, – объявил Банашар. – Высшая жрица Королевы Грёз уже ушла, сержант. Значит, все остальные храмы тоже будут поставлены в известность. Начнутся расследования.

– Какие-то «расследования»? – рявкнула Хеллиан.

Банашар поморщился.

– Жреческие.

– А ты что же?

– Я уже видел довольно, – ответил малазанец.

– Даже и не думай скрыться с глаз, Банашар, – заявила Хеллиан, разглядывая бойню. – В первую ночь Чистой поры здесь обычно устраивали оргию. Похоже, она малость вышла из-под контроля. – Ещё пара глотков из фляги, и вот впереди уже замаячило блаженное беспмятство. – Тебе придётся ответить на много вопросов...

Её перебил голос Урба:

– Он ушёл, сержант.

Хеллиан резко развернулась:

– Проклятье! Ты что же, не следил за этим ублюдком, Урб?

Здоровяк только развёл руками:

– Это вы с ним говорили, сержант. Я за толпой снаружи приглядывал. И мимо меня он не проходил – это наверняка.

– Разослать всем описание. Нужно его отыскать.

Урб нахмурился:

– Кхм, я что-то не могу вспомнить, как он выглядел.

– Проклятье, я тоже.

Хеллиан подошла к тому месту, где стоял Банашар. Прищурилась, глядя на отпечатки ног в крови. Следы эти никуда не вели. *Колдовство. Ненавижу колдовство.*

– Знаешь, что я слышу сейчас, Урб?

– Нет.

– Свист. Слышу, как Кулак посвистывает. Знаешь, почему он посвистывает?

– Нет. Слушайте, сержант...

– Это всё сковорода, Урб. Миленько так шипит на ней масло, вот он и радуется.

– Сержант...

– Куда он нас отправит, как думаешь? В Корел? Там полный бардак. Может, в Генабакис – хотя там, вроде, чуток поутихло. А может, в Семь Городов? – Одним глотком она прикончила остатки грушевого бренди. – Одно точно скажу, Урб, пора нам точить мечи.

На улице снаружи послышался топот тяжёлых сапог. По меньшей мере, полдюжины взводов.

– На кораблях ведь не бывает много пауков, верно, Урб? – Хеллиан обернулась, подавила головокружение и всмотрелась в жалкое выражение его лица. – Правда ведь? Скажи, что правда, чтоб тебя разорвало!

Около сотни лет назад молния ударила в старую гульдиндху, белый огонь копьем прошёл сердцевину и расколол могучий ствол. Чёрные пятна гари давно уже выцвели под бесчисленными лучами пустынного солнца, что лились на источенную червями древесину. Куски отвалившейся коры лежали теперь грудками среди оголённых корней, которые сетью опутали вершину холма.

Этот курган – ныне бесформенный, а некогда круглый в основании – господствовал над всей долиной. Стоял одиноко – рукотворный остров посреди моря хаотического, беспорядочного пейзажа. В глубине, под грудой валунов, песком с землёй и вязью мёртвых корней треснул замковый камень, державший свод выложенной плитами погребальной камеры, – и свод

обрушился, заполнил небольшое пространство и лёг невероятным грузом на укрытое в гробнице тело.

Дрожь шагов так редко долетала до этого тела – едва ли несколько раз за прошедшие бессчётные тысячелетия, – что пробудила давно дремлющую душу, которая вся обратилась во внимание, почувствовав не одну пару ног, но дюжину. Путники взобрались по крутому склону и собрались наконец вокруг мёртвого дерева.

Клубок чар, оплетавший древнее создание, перепутался и смешался, но многослойная его сила оставалась нерушимой. Тот, кто пленил его, потрудился на славу, сотворив заведомо долговечные ритуалы – окроплённые кровью и напитанные хаосом. Они должны были держаться вечно.

И в этом намерении крылось кичливое тщеславие, ибо оно подразумевало надежду на то, что однажды смертные лишатся всех злых умыслов, избавятся от отчаяния. Что будущее окажется безопаснее жестокого настоящего, а прошлое останется прошлым и никогда не вернётся вновь. Двенадцать худых, укутанных в грязные, изодранные льняные балахоны с капюшонами фигур, чьи лица скрывали серые вуали, прекрасно знали, какой опасностью грозят опрометчивые решения. Увы, они знали также и вкус отчаяния.

Всем было суждено высказаться на этом собрании – в порядке, установленном положением различных звёзд, планет и созвездий, невидимых ныне за голубизной неба, но всё равно известных. Заняв свои места, путники долго молчали, прежде чем заговорил первый из Безымянных.

– И вновь нами движет необходимость. Давным-давно предвиден был этот ход событий, указующий, что все наши усилия пропали втуне. Во имя Пути Мокра я свершаю обряд освобождения.

При этих словах существо в кургане ощутило щелчок, и пробуждённое сознание внезапно обрело личность. Его звали Деджим Нэбрал. Он родился накануне гибели Первой империи, когда улицы города пылали, а воздух оглашали вопли массовой резни. Ибо пришли т'лан имассы.

Деджим Нэбрал, рождённый вполне сведущим, дитя с семью душами, выбрался – измазанный кровью, дрожащий – из остывающего тела своей матери. Дитя. И чудовище.

Т'рольбаралы, демонические создания самого Дессимбелакиса, сотворённые задолго до того, как Император задумался о Псах Тьмы. Т'рольбаралы, уродливые ошибки, изгнанные, истреблённые по личному приказу Императора. Кровопийцы, людоеды, наделённые таким хитроумием, какого даже Диссембелакис не мог себе вообразить. Поэтому семеро т'рольбаралов сумели на некоторый срок укрыться от преследователей, срок достаточный, чтобы передать части своих душ смертной женщине, вдове, чей муж погиб на Трельской войне, сироте, которую никто не заметит, женщине, чей разум помутился, а тело можно было превратить в сосуд вскармливания, М'эна Махиби, для семиликого ребёнка-т'рольбарала, что быстро рос в её чреве.

Ребёнка, рождённого в ночь неслыханного ужаса. Если бы т'лан имассы нашли Деджима, они бы действовали без колебаний: вырвали семь демонических душ, сковали их на вечность, полную боли и мук, цедили бы из них силу – медленно и рачительно, чтобы подпитывать могущество заклинателей костей в своей непрестанной войне против яггутов.

Но Деджим Нэбрал спасся. Сила его росла, ибо он кормился ночь за ночью на развалинах Первой империи. Деджим всегда скрывался – даже от тех немногих одиночников и д'иверсов, что пережили Великую Резню, ибо даже они не смирились бы с существованием т'рольбарала. Некоторых из них он тоже пожрал, потому что был хитрее их и быстрее, и если бы только на его след не вышли Дераготы...

В те дни у Псов Тьмы был хозяин – умный, поднаторевший в ловчих заклятиях – и единжды избрав цель, он шёл к ней неотступно.

Одна-единственная ошибка, и закончилась свобода Деджима. Узы и наложенные поверх иные узы отняли у него даже самосознание и с ним – чувство того, что некогда всё было... иначе.

Но теперь... т'рольбарал вновь пробудился.

Заговорила женщина из Безымянных:

– К западу и югу от Рараку раскинулась равнина, плоская и безлюдная на многие лиги во всех направлениях. Когда пески сдувает ветер, открываются миллионы разбитых черепков, и перейти равнину босиком значит оставить кровавый след. В этой картине скрыты жестокие истины. На пути прочь от дикости... некоторые сосуды должны разбиться. А путник должен заплатить дань кровью. Силой Пути Тэлас я свершаю обряд освобождения.

В кургане Деджим Нэбрал ощутил своё тело. Измученную плоть, искорёженные кости, острый гравий, текучий песок, немислимый груз, что давил на него сверху. *Агония.*

– Поскольку мы сотворили эту дилемму, – проговорил третий жрец, – нам же должно и дать начало её разрешению. Хаос преследует этот мир, и всякий мир за ним. В морях реальности можно найти множество слоёв, где одно бытие перетекает в иное. Хаос грозит штормами, приливами и неверными течениями, всё повергает в ужасный беспорядок. Мы избрали один поток, ужасную, нескванную силу – избрали, чтобы вести её, направлять невидимо и самовластно. Мы решили столкнуть одну силу с другой, дабы вызвать их взаимное уничтожение. И мы берём на себя ужасную ответственность, но единственная надежда на успех – с нами, в том, что мы делаем ныне. Во имя Пути Дэнул я свершаю обряд освобождения.

Боль ушла из тела Деджима. Т'рольбарал был по-прежнему пленён и не мог шевельнуться, но чувствовал, как плоть его исцеляется.

Четвёртый Безымянный провозгласил:

– Мы обязаны почтить скорбью грядущую гибель достойного слуги. Скорбь эта, увы, окажется краткой и столь неравной верности этого несчастного. Разумеется, не только это требует от нас скорби. Но по другому поводу мы, я полагаю, достигли согласия и смирения, иначе не собрались бы здесь. Во имя Пути Д'рисс я свершаю обряд освобождения.

И семь душ Деджима Нэбрала разделились, обрели самостоятельность. Д'иверс, но куда больше, чем просто д'иверс. Не семь в единстве, хотя и так можно было сказать, но семь разных личностей, независимых, но объединённых.

– Мы ещё не осознали все повороты этой дороги, – проговорила пятая жрица, – и потому наши отсутствующие родичи не должны оставлять усилий. Нельзя недооценивать Престола Тени. Он слишком много знает. Об Азатах. Быть может, и о нас самих. Он ещё не враг нам, но само по себе это не делает его и нашим союзником. Он... всё смешивает. И я бы хотела, чтобы мы прекратили его существование при первой же возможности, хоть и понимаю, что по этому поводу я – в меньшинстве в нашем культе. Но кто лучше меня знает Владения Тени и их нового повелителя? Во имя Пути Меанас я свершаю обряд освобождения.

И тогда Деджим осознал силу своих теней, семи ловких обманщиков, загонщиков в засаде для необходимой охоты, что питала его и приносила столько наслаждения – куда большего, чем радость от набитого брюха и свежей, тёплой крови в жилах. Охота приносила чувство... господства. И господствовать было великолепно.

Шестая Безымянная заговорила со странным, нечеловеческим акцентом:

– Всё, что происходит в смертном мире, придаёт форму земле, по которой шествуют боги. Оттого они всегда не уверены в следующем шаге. Нам суждено готовить паденья, копать глубокие, смертоносные ямы, ставить силки и ловушки, сотворённые Безымянными, ибо мы – руки Азатов, мы – орудие воли Азатов. Наша задача скрепить целое, исцелить разорванное, привести врагов к уничтожению или вечному заточению. И мы не потерпим неудачу. Я призываю силу Расколотого Пути, Куральд Эмурланна, и свершаю обряд освобождения.

По миру раскинулись его любимые тропки, разорванные, разрозненные тропки, прежде Деджим их использовал на славу. И он пройдёт по ним вновь. Скоро.

– Баргасты, трелли, тартено тоблакаи, – рокочущим голосом проговорил седьмой жрец, – все живые потомки крови имассов, каковы бы ни были их претензии на чистоту происхождения. Эти претензии – новая выдумка, но и у неё есть своя цель. Она подчёркивает разделение, изменяет путь, что был найден прежде, и тот, что ещё только предстоит пройти. Она рисует изображения на знамёнах во всякой войне и, тем самым, оправдывает бойню. Следовательно, цель её – утвердить удобную ложь. Через Путь Телланн я свершаю обряд освобождения.

Огонь в сердце, внезапный барабанный бой жизни. И холодная плоть согрелась.

– Холодные миры скрываются во тьме, – прохрипел голос восьмого из Безымянных, – и хранят они тайну смерти. Тайна эта велика. Ибо смерть приходит как знание. Узнавание, понимание, приятие. Вот и всё – ни больше, ни меньше. Придёт время, быть может, не так уж и нескоро, когда смерть найдёт собственное лицо во множестве граней и родится нечто новое. Во имя Пути Худа я свершаю обряд освобождения.

Смерть. Её у Деджима отнял хозяин Псов Тьмы. Наверное, стоило бы её себе вернуть. Но не сейчас.

Девятый жрец тихо, мелодично рассмеялся, затем сказал:

– Где всё началось, туда и вернётся в конце. Во имя Пути Куральд Галейн, Истинной Тьмы, я свершаю обряд освобождения.

– И силой Рашана, – нетерпеливо прошипел десятый Безымянный, – я свершаю обряд освобождения!

Девятый жрец вновь рассмеялся.

– Звёздное колесо вертится, – произнёс одиннадцатый Безымянный, – и оттого напряжение растёт. Есть справедливость во всём, что мы делаем. Во имя Пути Тирллан я свершаю обряд освобождения.

Все ждали, когда же заговорит двенадцатая жрица. Но она промолчала, лишь вытянула тонкую, покрытую рыжевато-красной чешуёй руку, которая явно не принадлежала человеку.

И Деджим Нэбрал ощутил чьё-то присутствие. Разум – холодный и жестокий – просочился сверху, и д'иверсу вдруг стало страшно.

– Ты слышишь меня, т'рольбарал?

Да.

– Мы освободим тебя, но ты должен заплатить нам за свою свободу. Откажешься – и мы вновь отправим тебя в бездумное забытьё.

Страх перерос в ужас. Какой платы вы от меня требуете?

– Ты принимаешь наши условия?

Да.

Тогда она объяснила Деджиму, что от него требуется. Вроде бы всё просто. Лёгкая задача, которую нетрудно исполнить.

Деджим Нэбрал испытал облегчение. Времени много не займёт, жертвы недалеко отсюда, а когда дело будет сделано, д'иверс будет уже никому ничего не должен и может делать всё, что ему вздумается.

Последняя, двенадцатая из Безымянных, которую некогда знали как сестру Злобу, опустила руку. Она понимала, что из дюжины собравшихся здесь лишь она одна переживёт явление этого беспощадного демона. Ибо Деджим Нэбрал голоден. Печальное стечение обстоятельств. И печально видеть потрясение и ужас на лицах товарищей, когда она сбежит, – на краткий миг, прежде чем на них нападёт т'рольбарал. У неё, разумеется, имелись на то причины. Первой и главной из которых было простое желание остаться среди живых – ещё на некоторое время, по крайней мере. Что до других причин – до них было дело только ей и ей одной.

Злоба сказала:

– Во имя Пути Старвальд Демелейн я свершаю обряд освобождения.

И от её слов потекла вниз по мёртвым корням дерева, по камню и песку, растворяя чародейские узы, сила энтропии, известная миру как отатарал.

И Деджим Нэбрал восстал в мир живых.

Одиннадцать Безымянных начали свои последние молитвы. Большинство из них не успели договорить.

На некотором расстоянии от кургана вскинул голову на звук далёких криков покрытый татуировками воин, который сидел, скрестив ноги, у небольшого костра. Он взглянул на юг и увидел, как над грядой холмов на горизонте тяжело взмывает, поблёскивая чешуёй в умирающем свете дня, дракон. Глядя, как тварь поднимается всё выше в небо, воин нахмурился.

– Вот сука, – пробормотал он. – Надо было догадаться.

Он вновь уселся, а крики вдали уже стихли. Длинные тени от скал вокруг его лагеря вдруг показались тревожными, густыми и грязными.

Таралак Вид, воин-грал, последний из рода Иррот, харкнул и сплюнул в ладонь левой руки. Сдвинул руки, чтобы равномерно распределить слизь, а затем использовал её, чтобы пригладить особым жестом свои чёрные волосы, чем вспугнул на миг тучу мух, которые ползали в его шевелюре. Но вскоре насекомые уселись обратно.

Некоторое время спустя воин ощутил, что существо закончило трапезу и двинулось в путь. Таралак поднялся. Пописал в костёр, чтобы затушить его, затем собрал оружие и пошёл по следу демона.

В нескольких жалких домишках у перекрёстка жили всего восемнадцать человек. Вдоль берега бежала Тапурская дорога, а в трёх днях пешего пути к северу расположился город Ахоль-Тапур. Другая дорога – по сути лишь разъезженная грунтовка – пересекала Пат'Апурские горы в глубине континента, а затем тянулась на восток, мимо этой деревеньки ещё на два дня пути, а затем вливалась наконец в тракт у берега Отатаралового моря.

Четыре века назад на этом месте стояло процветающее поселение. Южная гряда купалась в твердолиственном лесу с особой, похожей на оперение листвой. Этот вид деревьев совершенно исчез на субконтиненте Семи Городов. Закономерно, что из такой древесины делали саркофаги, и деревня прославилась в городах до самого Хиссара на юге, Карашимеша на западе и Эрлитана на северо-западе. Но промысел умер вместе с последним деревом. Молодая поросль пропала в желудках коз, верхний слой почвы сдули ветра, и деревня за одно поколение погрузилась в теперешнее жалкое состояние.

Оставшиеся восемнадцать жителей теперь предоставляли путникам услуги, спрос на которые падал день ото дня – продавали пресную воду караванам, чинили хомуты и тому подобное. Однажды, два года назад, в деревне проездом появился малазанский чиновник, который бормотал что-то о новой насыпной дороге и форпосте с постоянным гарнизоном, но все эти планы были направлены на борьбу с нелегальной торговлей отатараловой рудой, которая с тех пор практически сошла на нет, благодаря другим усилиям Империи.

Недавнее восстание едва коснулось коллективного сознания жителей, если не считать редких слухов, которые приносили гонцы или преступники, проезжавшие через деревеньку, но даже они уже довольно давно не появлялись. Да и всё равно, восстания – это для других.

Поэтому появление вскоре после полудня пяти фигур на ближайшем подъёме дороги, ведущей вглубь континента, было быстро замечено – и весть мигом долетела до номинального главы местной общины, кузнеца по имени Баратол Мехар, единственного жителя деревни, который в ней не родился. О его прошлом во внешнем мире почти ничего не было известно – кроме очевидного: тёмная, почти ониксовая кожа выдавала в кузнеце выходца из племён юго-

западной оконечности субконтинента, что жили отсюда на расстоянии сотен, а то и тысяч лиг. Изогнутые шрамы на щеках выдавали в нём война, как и тонкая сеть старых ран и порезов на руках и предплечьях. Он был известен как человек немногословный и молчаливый – во всяком случае, он никогда резко не высказывался по тому или иному поводу – а потому отлично подходил на роль неофициального главы деревеньки.

В сопровождении полудюжины взрослых жителей, которым ещё не было чуждо любопытство, Баратол Мехар прошёл по единственной улице и оказался на краю поселения. Дома с обеих сторон от него были разрушены и давно заброшены: крыши провалились, стены раскрошились, их занесло песком. Примерно в шести десятках шагов неподвижно застыли пять фигур – только ветер шевелил потрёпанный мех плащей. Двое держали в руках копья, за спинами остальных троих виднелись длинные двуручные мечи. Некоторым из пришельцев не хватало конечностей.

Зрение Баратола было уже не так остро, как в былые годы. Но даже отсюда...

– Джелим, Филиад, идите в кузню. Идите медленно, не бегите. За свёртками с мехами стоит сундук. На нём замок – сбейте его. Достаньте топор и щит, и рукавицы, и шлем – кольчугу не трогайте, надевать её времени нет. Всё, идите.

За все одиннадцать лет, что прожил среди них Баратол, он никогда никому не говорил столько слов подряд.

Джелим и Филиад потрясённо уставились на широкую спину кузнеца, затем страх стиснул их внутренности, оба развернулись и зашагали – будто деревянные, огромными, неуклюжими шагами – обратно по улице.

– Разбойники, – прошептал Кулат, пастух, который забил свою последнюю козу в обмен на бутылку горячительного от каравана, проходившего здесь семь лет назад, а после ничего уже не делал. – Может, им просто вода нужна – у нас ведь нет больше ничего.

Маленькие округлые камешки, которые бывший пастух держал во рту, пощёлкивали в такт словам.

– Не нужна им вода, – откликнулся Баратол. – Остальные – идите, найдите себе оружие, хоть какое-то... хотя нет, не нужно. Просто разойдитесь по домам. И не высовывайтесь.

– Чего они ждут? – спросил Кулат, в то время как другие пустились наутёк.

– Не знаю, – признался кузнец.

– Ну, по виду, они не похожи ни на одно племя из тех, что я видел.

Бывший пастух некоторое время посасывал камешек, затем добавил:

– Да ещё меха – не жарковато им в мехах-то? И шлемы костяные...

– Костяные? У тебя глаз получше, чем у меня, Кулат.

– Только глаза и служат ещё, Баратол. И приземистые... Ты сам, может, узнал, какого они племени?

Кузнец кивнул. Позади он уже слышал тяжёлое дыхание приближавшихся Джелима и Филиада.

– Думаю, да, – ответил Баратол на вопрос Кулата.

– Будет от них беда?

Перед кузнецом возник Джелим, согнувшийся под весом двулезвийного боевого топора, рукоять которого была окована полосками железа и украшена темляком из цепи. Отточенные лезвия арэнской стали поблёскивали серебром. Между ними торчало жало с тремя зубцами, гранёное, как арбалетная стрела. Юноша смотрел на оружие так, словно держал в руках императорский скипетр.

Рядом с Джелимом уже стоял Филиад с чешуйчатыми железными рукавицами, круглым щитом и шлемом с решётчатым забралом.

Баратол забрал у него рукавицы и натянул их. Чешуя шла по предплечьям до выпуклых налокотных чашек, которые крепились к рукам ремнями чуть выше сустава. Внутри каждого

рукава протянулась железная полоса – от чашки до запястья. Затем кузнец принял шлем и нахмурился.

– А вот стёганный подшлемник ты забыл. – Он вернул шлем юноше. – Давай щит – привяжи его мне к плечу. Чтоб тебя, Филиад, крепче! Хорошо.

Затем кузнец потянулся за топором. Джелим обеими руками и с большим трудом поднял оружие так высоко, чтобы правая рука Баратола скользнула в цепной темляк, перекрутив его дважды, прежде чем пальцы сжались на рукояти. Кузнец поднял секиру без заметных усилий. Затем сказал обоим:

– Убирайтесь отсюда.

Кулат остался:

– Они пошли вперёд, Баратол.

Кузнец не отводил взгляда от пришельцев.

– Я не слепой, старик.

– Ан нет, видно, слепой, раз тут остаёшься. Говоришь, ты опознал племя... Может, они за тобой пришли? Старая кровная месть?

– Возможно, – согласился Баратол. – Если так, остальным ничего не грозит. Они уйдут, когда покончат со мной.

– Почему ты так уверен?

– Я не уверен. – Баратол поднял топор половчее. – От т'лан имассов никогда не знаешь, чего ждать.

Книга первая Тысячепалый бог

*По извилистым тропам сошла я в долину,
Где низкие стены из камня всегда разделяли
Хозяйства крестьян и иные владенья,
И всякий надел был отмерен, играя
Свою роль в общем узоре, —
Что хорошо понимали местные жители,
Ибо единый план вёл в дневных трудах
И подавал руку помощи в сумраке ночи,
Чтоб проводить до дверей, к радостной пляске
псов.*

*Я шла, покуда меня не окликнул
Старик, оторвавшийся от работы,
Прикрывший улыбкой тревогу и неприязнь.
Я просила его рассказать всё, что он знает
О землях к западу от долины,
И с радостью он поведал, что там
Раскинулись города – странные и многолюдные —
Под властью монарха и сонма сварливых эсрецов,
Ещё он сказал, что видел когда-то
Пыль, поднятую войском,
Спешившим на битву куда-то – наверное,
К ледовым пустошам юга,
Так я узнала всё, что ему было ведомо – не так уж
и много.*

*С рожденья долины он не покидал
И до сих пор не ведал – да и, по правде, знать не
хотел, —*

*Что великие планы касаются и низкородных.
Всюду, во все времена
Любопытство покрывается пылью
И тихо ржавеет. Этот хоть не поленился
Спросить, кто я, зачем пришла и куда держу путь.
Оставалось с улыбкой ответить, что я
направляюсь*

*В многолюдные города, но прежде должна
Пройти через эту долину. Старику бы заметить,
Что псы его уже замертво пали в пыли,
Ибо мне было позволено отвечать, что ныне я
здесь,*

*Госпожа Болезней и Мора, и это, увы, лишь часть
Куда большего плана.*

Рыбак кель-Тат. Позволение Полиэль

Глава первая

*В такие дни на улицах властвует ложь.
Высший маг Тайшрени. «Коронация императрицы Ласин»,
записанная имперским историком Дукером.*

1164 год Сна Огни

Пятьдесят пять дней со смерти Ша'ик

Своенравные ветра подняли поутру тучу пыли, так что все путники, входившие в Эрлитан через восточные ворота, были с ног до головы покрыты коркой цвета красного песчаника окрестных холмов. Словно по мановению руки чародея, перед стражниками один за другим возникали торговцы, паломники, погонщики скота и путешественники – выходили из мутного марева, склонив головы, искали укрытия под сенью ворот, прищутив глаза под складками грязных полотняных шарфов. Запылённые козы тащились следом за пастухами, кони и волы низко опустили головы, а вокруг их ноздрей и глаз пыль ссохлась в корку, повозки тихо шипели – это песок сыпался в щели между старыми досками на дне. Стражники смотрели и думали лишь о конце дежурства, бане, еде и тёплом теле рядом – достойной награде за службу.

Они сразу отметили в толпе пришедшую пешком женщину, но по неподходящей причине. Закутанная в тугие шелка фигура с лицом, укрытым широким шарфом, вполне заслуживала второго взгляда, по меньшей мере, грациозной походкой и крутыми бёдрами. Стражники, как и все мужчины, не могли устоять перед собственным воображением, которое мгновенно дополнило картину.

Она заметила их мимолётное внимание и поняла его правильно, так что не беспокоилась. Куда хуже было бы, окажись среди стражников хотя бы одна женщина. Она-то наверняка бы задумалась над тем, что путешественница входит в эти ворота, пешком, по дороге, которая тянется на многие лиги среди безводных, безжизненных холмов, а потом ещё десяток лиг вилась вдоль малонаселённого кустарного леса. Тем более странно было видеть, что путница не тащила на плечах никаких припасов, а тонкая кожа её мокасин почти не изнасилась. Будь стражники женщинами, они бы остановили её и принялись осыпать опасными вопросами, ни на один из которых она не была готова ответить правдиво.

А значит, стражникам повезло, что они родились мужчинами. И повезло вдвойне, что они полностью поддались заманчивым посулам воображения и следили за ней безо всякого подозрения, лихорадочно раздевая её взглядами с каждым покачиванием бёдер, движением, которое она лишь едва-едва подчеркнула.

Выйдя на перекрёсток, она повернула налево и пропала из поля зрения стражников. Здесь, в городе, ветер был слабее, но мелкий песок и пыль продолжали сыпаться с неба, окутывая всё и вся одноцветным порошком. Женщина продолжала идти через толпу, постепенно, по спирали, подбираясь к Джен'рабу, центральному телю Эрлитана, огромной многослойной руине, где жили лишь крысы – равно четвероногие и двуногие. Когда женщина увидела наконец развалины, она отыскала таверну – судя по виду, без претензий на то, чтобы быть чем-то большим, чем местная забегаловка с несколькими шляхами в комнатах на втором этаже и дюжиной завсегдатаев на первом.

Рядом со входом в таверну располагалась арка, ведущая в небольшой сад. Женщина шагнула туда, чтобы отряхнуть пыль с одежды, затем подошла к неглубокому бассейну с мутной

водой под маленьким фонтаном, где развязала шарф и плеснула себе в лицо, чтобы пропала резь в глазах.

Потом женщина вернулась на улицу и вошла в таверну.

Сумрак; под низким белёным потолком клубится дым очага и масляных ламп, дурханга, итральба и ржавого листа; набита на три четверти, все столы заняты. За несколько мгновений до неё в общий зал вошёл какой-то юноша и теперь, захлёбываясь, рассказывал о приключении, в котором едва сумел выжить. Проходя мимо, женщина позволила себе слегка улыбнуться, но улыбка, кажется, вышла более грустной, чем она сама того хотела.

Женщина отыскала место у стойки и жестом подозвала бармена. Тот остановился строго напротив и пристально осматривал её, пока незнакомка заказывала (по-эрлийски и без акцента) бутылку рисового вина.

Выслушав, он сунул руку под стойку, где звякнули бутылки, и сказал по-малазански:

– Надеюсь, ты не ждёшь, что вино стоит своего имени, девочка. – Бармен разогнулся, смахнул пыль с глиняной бутылки, затем присмотрелся к пробке. – Эта хоть запечатана.

– Сгодится, – отозвалась женщина, по-прежнему на местном диалекте, и выложила на стойку три серебряных полумесяца.

– Всё пропить собираешься?

– Мне понадобится ещё комната наверху, – отозвалась она, вытягивая пробку, а бармен поставил на стол оловянный кубок.

– И чтобы на двери был замок, – добавила незнакомка.

– Тут Опонны тебе подсобили, – заметил хозяин. – Одна комната как раз освободилась.

– Хорошо.

– Ты из армии Дуджека? – спросил он.

Женщина налила полный кубок янтарного, немного мутного вина.

– Нет. А что, она здесь?

– Остатки, – ответил хозяин. – Основные силы выступили маршем шесть дней тому. Конечно, оставили здесь гарнизон. Я потому и спросил...

– Я ни к какой армии не принадлежу.

Тон её ответа – холодный и сухой – заставил его замолчать. В следующий миг бармен отошёл к другому клиенту.

Женщина выпила. Пока снаружи медленно мерк дневной свет, она планомерно занималась содержимым бутылки, а в таверне ещё прибыло народу, голоса зазвучали громче, а локти и плечи касались её куда чаще, чем было необходимо. Она не обращала внимания на эти бытовые приставания и не сводила глаз с жидкости в кубке.

Прикончив наконец бутылку, она повернулась и неуверенной походкой двинулась через толпу к лестнице. Осторожно поднялась наверх, опираясь рукой на хлипкие перила, и смутно осознала, что кто-то – неудивительно – пошёл следом за ней.

На верхней площадке женщина прислонилась спиной к стене.

Незнакомый мужчина вскоре оказался рядом, и глуповатая ухмылка застыла на его лице, когда остриё ножа прижалось к коже под его левым глазом.

– Возвращайся вниз, – посоветовала женщина.

Капелька крови пробежала по щеке мужчины, собралась на подбородке. Он дрожал, дёрнулся, когда остриё вошло чуть глубже.

– Пожалуйста... – прошептал он.

Женщина чуть пошатнулась – и невольно рассекла ему щёку. К счастью, клинок скользнул вниз, а не вверх – в глаз. Мужчина закричал и отшатнулся, вскинув руки, пытаясь остановить поток крови, затем неуклюже бросился вниз по лестнице.

Снизу слышались выкрики, а затем – грубый хохот.

Женщина уставилась на нож в руке, гадая, откуда он там взялся и чья кровь поблёскивает на клинке.

Не важно.

Она пошла искать свою комнату и в конце концов нашла её.

Мощная пыльная буря имела вполне естественное происхождение: она зародилась на просторах Ягг-одана и теперь кружила противосолонь по самому сердцу субконтинента Семи Городов. Ветра метнулись к северу вдоль западной кромки холмов, нагорий и старых гор, окружавших Священную пустыню Рараку, что стала ныне морем, и ввязались в войну грома и молний по всей протяжённости гряды, которую было видно из Пан'потсуна и Г'данисбана. Развернувшись к западу, буря вытянула извилистые щупальца, одно из которых обрушилось на Эрлитан, прежде чем рассеяться над Эрлитанским морем, а другое достигло города Пур-Атри. Основная масса бури отодвинулась вглубь континента и вновь набрала силу, впиваясь в северную оконечность Таласских гор и охватив города Хатру и И'гхатан, прежде чем повернуть на юг в последний раз. Естественная буря, быть может, последний дар старых духов Рараку.

И бегущая армия Леомана Кистеня приняла этот дар – скакала под безжалостным ветром дни напролёт, и дни сливались в недели, а мир сжался в сплошную стену песка в воздухе, который вызывал у выживших воинов горькие воспоминания – память о священном Вихре, молоте Ша'ик и Дриджны Апокалипсиса. Но даже в горечи скрывалась жизнь, а в ней – избавленье.

Малазанская армия Тавор по-прежнему преследовала мятежников – без спешки, без опрометчивой глупости, которую она показала сразу после смерти Ша'ик и гибели восстания. Теперь охота превратилась в размеренное мероприятие, тактическое преследование последних организованных сил, противостоявших Империи. Сил, которые, по слухам, несли с собой Священную книгу Дриджны, семя надежды для измотанных повстанцев Семи Городов.

И хотя Книги у него не было, Леоман Кистень проклинал её ежедневно. С почти религиозным пылом и чудовищным воображением он изрыгал проклятья, которые, к счастью, уносил ветер, так что лишь Корабб Бхилан Тэну'алас, скакавший рядом с командиром, их слышал. Когда Леоман уставал от своей бесконечной тирады, он начинал изобретать сложные способы, чтобы уничтожить фолиант, как только тот попадёт ему в руки. В огонь, в конскую мочу, в желчь, в пламя морантской взрывчатки, дракону в брюхо... и так продолжалось до тех пор, пока измученный Корабб не отводил коня в сторону, чтобы скакать в компании более взвешенных повстанцев.

Которые тут же принимались осыпать его тревожными вопросами, бросая беспокойные взгляды на Леомана. Что он там говорит?

Молится, отвечал Корабб. Наш командир целыми днями молится Дриджне. Леоман Кистень, говорил он, человек благочестивый.

Благочестивый, как же. Восстание разваливалось на куски, разлеталось по ветру. Города сдавались один за другим, едва завидев имперские легионы и корабли. Горожане обращались против своих же соседей, страстно желая предоставить малазанцам преступников, повинных во множестве жестокостей, совершённых во время восстания. Прежних героев и мелких тиранов тащили на суд оккупантов, и жажда крови была сильна. Такие вести приносили им караваны, которые мятежникам удавалось перехватить в ходе своего непрерывного бегства. И с каждой такой новостью Леоман становился всё мрачнее, словно едва сдерживал ярость, бушевавшую в его душе.

Это всё от разочарования, повторял себе Корабб и всякий раз вздыхал при этой мысли. Народ Семи Городов так легко и быстро отрёкся от свободы, купленной ценою столь многих жизней, и в этом скрывалась горькая истина, омерзительное свидетельство низкой человеческой природы. Значит, всё было зря? Как мог бы тогда благочестивый воин не испытывать самого острого разочарования? Сколько десятков тысяч людей погибли? *И ради чего?*

И Корабб повторял себе, что понимает своего командира. Понимает, что Леоман не может просто сдаться, пока нет, а возможно, никогда и не сможет. Держась за прежнюю мечту, он придаёт смысл всему, что произошло.

Сложные мысли. Долгие часы Кораббу пришлось хмуриться, чтобы прийти к ним, чтобы проникнуть в сознание другого человека, увидеть мир его глазами, пусть лишь на миг, прежде чем отступить в недоумении. Выходит, он увидел на миг то, из чего сделаны великие вожди – в битве, в делах державных. Способность менять в уме точку зрения, видеть предмет со всех сторон одновременно. А Кораббу, честно говоря, по силам было лишь держаться одного видения – своего собственного – посреди хаоса и беспорядка, которыми мир так щедро его одаривал.

Если бы не командир, Корабб наверняка бы пропал.

Взмах руки в перчатке, и Корабб прищипорил своего скакуна, чтобы оказаться рядом с Леоманом.

Замотанное шарфом лицо под плотным капюшоном склонилось поближе, пальцы отёрнули ото рта грязный шёлк, чтобы командир смог прокричать слова, которые расслышал Корабб: «Ну и где мы, Худ нас побери?»

Корабб ошеломлённо уставился на Леомана, затем прищурился и вздохнул.

Её палец вызвал столпотворение, прорыв канавку поперёк нахоженной дорожки. Муравьи в замешательстве бегали туда-сюда, а Самар Дэв следила за их возмущённой вознёй, за тем, как вскидывают головы и разевают жвалы солдаты, словно готовые бросить вызов самим богам. Точнее, в данном случае, женщине, которая медленно умирала от жажды.

Она лежала на боку в тени повозки. Солнце едва миновало зенит, и воздух был тих и неподвижен. Жара совершенно лишила её сил. Похоже, ей уже не удастся продолжить свою войну с муравьями, и эта мысль вызвала укол сожаления. Внести беспорядок в предсказуемую, омерзительно-однообразную жизнь – это ли не достойная цель? Ну, может, и не достойная, но уж точно интересная. Вот такие – богоподобные – мысли в последний её день среди живых.

Её внимание привлекло движение. Пыль на дороге задрожала, и вдали послышался приближающийся гром, гулкий, точно дробь глиняного барабана. По этому тракту в Угарат-одане путники ездили нечасто. Его проложили в далёком прошлом, когда караваны ходили по десяткам торговых путей между дюжиной больших городов, центром для которых служил старинный Угарат, но все эти города, за исключением Каюма на берегу реки и самого Угарата, обезлюдели больше тысячи лет тому назад.

Но всё равно даже одного всадника хватило бы, чтобы её спасти, ибо Самар Дэв обладала достойным набором женских чар и оказалась здесь одна. По слухам, этой дорогой иногда пользовались разбойники и налётчики для перехода между нахоженными торговыми трактами. Однако разбойники славились отсутствием всякого великодушия.

Топот копыт приблизился, затем замедлился, и в следующий миг Самар Дэв обдало тучей горячей пыли. Конь фыркнул – до странности злобный звук, – а потом послышался более мягкий стук: всадник спрыгнул на землю. Тихие шаги прозвучали совсем рядом.

Кто это? Ребёнок? Женщина?

Рядом с тенью от повозки легла другая, и Самар Дэв повернула голову, чтобы рассмотреть фигуру, которая обошла повозку и теперь разглядывала женщину на земле.

Нет, не ребёнок и не женщина. Да и не человек вовсе, наверное. Какое-то чудовище. На невероятно широких плечах изодранная белая шкура. За спиной меч из осколка кремня с обмотанной кожей рукоятью. Самар Дэв заморгала, стараясь рассмотреть его получше, но яркое небо позади незнакомца помешало ей. Настоящий великан, который ходит тихо, словно пустынный пард, – оживший кошмар, галлюцинация.

А затем он заговорил, но явно обращался не к ней.

– Придётся тебе отложить трапезу, Погром. Эта ещё жива.

– Погром ест мёртвых женщин? – хриплым голосом спросила Самар. – С кем же ты путешествуешь?

– Не с кем, – ответил великан. – На ком.

Он подошёл ближе и присел на корточки рядом с ней. Что-то было у него в руках – мех с водой, – но женщина просто не могла отвести взгляда от лица незнакомца. Ровные, грубые черты, рассечённые безумной татуировкой в виде разбитого стекла, меткой беглого раба.

– Я вижу твою повозку, – сказал великан на племенном диалекте, но со странным акцентом, – но где зверь, который её тащил?

– На днище, – ответила она.

Великан положил мех рядом с ней и поднялся, подошёл к борту и наклонился, чтобы заглянуть внутрь.

– Там мёртвый человек.

– Верно. Это он. Сломался.

– Он тащил повозку? Неудивительно, что умер.

Самар Дэв потянулась и сумела сомкнуть обе руки на горлышке меха. Вытянула затычку и наклонила его ко рту. Тёплая, чудесная вода.

– Видишь рядом с ним двойные рычаги? – спросила она. – Если нажимать на них, повозка едет. Это моё изобретение.

– Тяжёлая работа? Зачем же нанимать для неё старика?

– Это был потенциальный инвестор. Хотел своими глазами увидеть, как всё работает.

Великан хмыкнул, и Самар поняла, что он пристально разглядывает её.

– Всё шло хорошо, – продолжила она. – Поначалу. Но затем она сломалась. Сцепление. Мы собирались выехать только на полдня, но старик нас отвёз слишком далеко, а после упал замертво. Я собиралась возвращаться пешком, но потом сломала ногу...

– Как?

– Пнула колесо. В любом случае, идти я не могу.

Он продолжал смотреть на неё, как волк на хромого зайца. Самар отхлебнула ещё воды.

– Ты собираешься повести себя некрасиво? – спросила она.

– Теблорских воинов ведёт к насилию кровь-масло. У меня его нет. Я уже много лет не брал женщину силой. Ты из Угарата?

– Да.

– Мне нужно войти в город, чтобы пополнить припасы. И я не хочу неприятностей.

– С этим я могу помочь.

– Я хочу остаться незамеченным.

– Не уверена, что это возможно, – пробормотала Самар.

– Сделай это возможным, и я возьму тебя с собой.

– Ну, это просто нечестно. Ты в полтора раза выше обычного человека. На лице у тебя татуировка. Твой конь ест человечину... если, конечно, это вообще конь, а не энкар'ал. А на плечах у тебя, похоже, шкура белого медведя.

Он отвернулся прочь от повозки.

– Хорошо-хорошо! – поспешно воскликнула Самар. – Я что-нибудь придумаю.

Он опять подошёл ближе, забрал мех с водой, перебросил его через плечо, а затем поднял женщину за пояс. Одной рукой. Боль пронзила правую – сломанную – ступню.

– Ох, Семь Псов! – прошипела женщина. – Ничего унизительнее ты просто не придумал?

Воин молча отнёс её к своему коню. Самар увидел, что это не энкар'ал, но и не совсем обычный конь. Высокий, стройный, бледного окраса, серебристая грива и хвост, глаза – кроваво-красные. Одиночная узда, ни седла, ни стремян.

– Стой на здоровой ноге, – приказал воин, поворачивая женщину в воздухе.

Затем подхватил какую-то верёвку и запрыгнул на спину коня.

Задыхаясь, Самар Дэв прислонилась к боку скакуна и проследила взглядом за двойной верёвкой в руках великана. Похоже, он волочил за собой что-то на скаку. Две огромные, подгнившие головы. Собачьи или медвежьи, но такие же гигантские, как и сам всадник.

Воин протянул руку и бесцеремонно подхватил её, а затем усадил позади себя. Новая волна боли, в глазах потемнело.

– Незамеченным, – повторил он.

Самар Дэв оглянулась на огромные головы позади.

– Само собой, – только и сказала она.

В маленькой комнатке – пыль и темнота, спёртый воздух и запах пота. Через две прямоугольные прорези под низким потолком внутрь прорываются судорожные вздохи прохладного ночного воздуха, точно сигналы из ожидающего снаружи мира. Но женщину, которая съжилась на полу рядом с узкой кроватью, миру придётся ещё немного подождать. Обхватив руками поджатые колени, свесив голову так, что лицо укрыли маслянистые космы чёрных волос, она плакала. А плакать значило уйти в себя, полностью, скрыться во внутреннем пространстве – куда более жестоким и неумолимым, чем внешний мир.

Она плакала о мужчине, которого бросила. Сбежала от боли, которую видела в его глазах, боли, рождённой любовью, которая заставляла его идти следом за ней, повторять каждый шаг, но не позволяла приблизиться. Этого она просто не могла позволить. Изысканный узор на капюшоне змеи обладал своеобразным очарованием, но яд от этого не становился менее смертоносным. Как и она сама. Не было в ней ничего – она не могла найти в себе ничего – достойного высшего дара любви. Ничего, что делало бы её достойной его чувства.

Он закрывал глаза на эту истину, и это был его недостаток, его вечный недостаток. Он всегда был готов, а может, даже нуждался в том, чтобы верить в добро там, где никакого добра не было. И такую любовь она не могла вынести, не могла повести его по своему пути.

Котильон это понял. Бог прозрел глубины этой смертной тьмы и увидел всё столь же отчётливо, сколь и сама Апсалар. И потому не было ничего скрытого в словах и молчании, которыми она обменялась с богом – покровителем убийц. Взаимное признание. Задачи, которые он перед нею поставил, соответствовали его аспекту и её особым дарованиям. Когда тебя признали виновным, уже поздно возмущаться приговором. Но Апсалар не была богиней столь оторванной от всякой человечности, чтобы найти в аморальности утешение, убежище от собственных деяний. Ей становилось всё труднее... труднее справляться со всем этим.

Не будет он по ней долго тосковать. И глаза у него медленно, но откроются. И увидят другие возможности. Он ведь сейчас странствует с двумя другими женщинами – так ей сказал Котильон. И вот. Он исцелится, не будет долго одинок, в этом она была убеждена.

И этого было вполне довольно, чтобы подпитывать пламя жалости к себе.

Но всё равно перед ней стояли задания, которые следовало исполнить. Не годится слишком долго поддаваться непрощённой слабости. Апсалар медленно подняла голову, осмотрела скудную, пыльную обстановку. Попыталась вспомнить, как сюда попала. Голова раскалывалась, в горле пересохло. Утерев слёзы, она осторожно встала. За глазами яблоками пульсировала боль.

Снизу раздавались звуки таверны: два десятка голосов, пьяный хохот. Апсалар нашла свой подбитый шёлком плащ, вывернула и набросила на плечи, затем подошла к двери, открыла её и оказалась в коридоре. В нишах подслеповато мигали две масляные лампы, освещающая перила и лестницу в дальнем конце. Из комнаты напротив доносились приглушённые стоны, там занимались любовью. Женские вскрики казались слишком мелодраматичными, наигранными. Апсалар прислушалась ещё ненадолго, пытаясь понять, что именно в них её встревожило, затем двинулась через хоровод теней к лестнице и спустилась вниз.

Было уже поздно. Скорее всего, хорошо за полночь. В общем зале таверны сидело человек двадцать, половина из них – в одежде караванных охранников. Они не были тут постоянными посетителями, судя по неприязни, которая сквозила во взглядах оставшихся завсегдатаев. Подходя к стойке, она заметила, что трое из них были гралами, а пара женщин – пардийками. Оба племени весьма неприятные, так, во всяком случае, их характеризовали тревожные воспоминания Котильона. Вели они себя заносчиво, громко переговаривались хриплыми голосами и следили за Апсалар взглядами, пока та шла к трактирщику. Она решила быть осторожной и отвела глаза.

– Я уж думал, ты умерла, – сказал хозяин таверны, доставая бутылку рисового вина и ставя её на стойку перед Апсалар. – Но прежде чем ты упьёшься, девочка, я хочу увидеть деньги.

– Сколько я тебе должна?

– Два серебряных полумесяца.

Она нахмурилась:

– Я же тебе уже заплатила.

– За вино. А потом провела в номере ночь, день и ещё вечер – и за сегодня я с тебя возьму, поскольку никто уже его до завтра не снимет. И наконец, – хозяин взмахнул рукой, – ещё за эту бутылку.

– Я не сказала, что её беру, – ответила Апсалар. – Но если у тебя осталась еда...

– Что-то да осталось.

Она вытащила кошель и выудила из него два полумесяца.

– Бери. Учти, что это и за сегодняшнюю ночь.

Тот кивнул.

– Вино пить не будешь?

– Нет. Налей мне савр'ака, пожалуйста.

Хозяин забрал бутылку и пошёл прочь.

С обеих сторон от неё возникли фигуры. Пардийки.

– Видишь вон тех гралов? – спросила одна из них, кивая в сторону ближайшего стола. – Они хотят, чтобы ты для них станцевала.

– Не хотят, – ответила Апсалар.

– Нет, хотят, – заявила другая женщина. – Они даже заплатят. Ты ходишь, как танцовщица. Мы все это увидели. Ты их не хочешь расстраивать...

– Именно. Потому и не буду для них танцевать.

Эти слова явно сбили пардией с толку. Пока они собирались с мыслями, подошёл бармен с кружкой пива и оловянной миской с козым супом. В каплях жира на поверхности плавали несколько белых волос – доказательство происхождения блюда. Рядом хозяин положил кусок тёмного хлеба.

– Подойдёт?

Апсалар кивнула:

– Спасибо.

Затем повернулась к той женщине, что заговорила первой:

– Я – Танцовщица Тени. Так им и скажи, пардийка.

Обе женщины резко отшатнулись, и Апсалар облокотилась на стойку, прислушиваясь к шепоткам, которые побежали по таверне. Внезапно вокруг неё образовалось пустое пространство. *Вот и хорошо.*

Хозяин с опаской разглядывал её.

– А ты умеешь удивить, – пробормотал он. – Этот танец запрещён.

– Верно.

– Ты из Квон-Тали, – сказал он, понизив голос. – Я бы сказал, из Итко-Кана, судя по разрезу глаз и чёрным волосам. Только вот никогда я не слышал о Танцорах Тени из Итко-Кана. – Он наклонился поближе. – Я родом из Грися, видишь ли. Служил в пехоте, в армии Дассема. В первой же битве получил копьём в спину, на том дело для меня и кончилось. Не попал я в Игхатан, за что каждый день благодарю Опоннов. Сама понимаешь. Не видел, как погиб Дассем, и очень этому рад.

– Но историй у тебя всё равно полно, – заметила Апсалар.

– Верно, – согласился хозяин и энергично кивнул.

Затем внимательно посмотрел на неё. Хмыкнул и отошёл прочь.

Апсалар поела, отхлебнула пива, и головная боль медленно отступила. Через некоторое время она вновь жестом подозвала бармена.

– Я сейчас уйду, – сказала она, – но комнату оставь за мной, никому не сдавай.

Тот пожал плечами:

– Ты за неё заплатила. Я закрываюсь после четвёртого колокола.

Апсалар поднялась и пошла к двери. Охранники каравана следили за ней, но никто не попытался пойти следом – по крайней мере, сразу.

Апсалар надеялась, что они вняли предостережению. Сегодня ночью ей и так предстоит убить человека – и одного будет вполне достаточно.

Оказавшись снаружи, Апсалар на миг задержалась. Ветер стих. Размытыми пятнышками за пеленой поднятого бурей песка поблёскивали звёзды. В прохладном воздухе – ни единого движения. Закутавшись в плащ и прикрыв нижнюю часть лица шёлковым шарфом, Апсалар повернула налево и зашагала по улице. Рядом с узким переулком, в котором разлилась густая тень, она внезапно скользнула во мрак и исчезла.

Через несколько мгновений две пардййки осторожно подобрались к переулку. Остановились, изучая извилистую улочку, и никого не увидели.

– Правду сказала, – прошипела одна из женщин и сотворила охранный знак. – Она ходит по теням.

Другая кивнула:

– Нужно сообщить нашему новому господину.

И обе пардййки поспешили прочь.

Стоя на Пути Тени, откуда две женщины казались призрачными фигурами, которые дрожали и то и дело пропадали, Апсалар ещё дюжину ударов сердца следила за тем, как они идут обратно по улице. Ей было любопытно, кто же упомянутый новый хозяин, но по этому следу придётся пойти как-нибудь в другой раз. Отвернувшись, она принялась рассматривать теневой мир, в котором очутилась. Вокруг раскинулся безжизненный город. Он ничуть не был похож на Эрлитан, архитектура казалась грубой и примитивной. Повсюду виднелись укреплённые камнем прямоугольные входы в прямые, узкие коридоры улиц. По мостовой никто не ходил. Здания по обе стороны от неё поднимались на уровень едва ли второго этажа, везде были плоские крыши и ни единого окошка. В сумраке зияли провалы высоких и узких дверных проёмов.

Даже в воспоминаниях Котильона не было подобного проявления Владений Тени, но это её не удивило. Тень, похоже, состояла из бесчисленного количества слоёв, и обломки Расколотого Пути бывали куда крупнее, чем можно бы ожидать. Этот мир постоянно пребывал в движении, словно какая-то сила заставляла его фрагменты мигрировать, без конца перемещаться по смертному миру. Над головой раскинулось сизое небо – так во Владениях Тени выглядела ночь. Воздух вокруг был тёплым и влажным.

Один из проходов вёл в сторону плосковерхого холма в центре Эрлитана, Джен'раба, бывшего некогда престолом Фалах'да, но превратившегося ныне в груды развалин. Апсалар зашагала вперёд, не сводя глаз с огромной, полупрозрачной груды разбитого камня. Проход вывел её на четырёхугольную площадь, каждая из стен которой была украшена рядом цепей

с кандалами. В двух местах по-прежнему лежали тела. Иссохшие, осевшие в пыль останки покоились на тонкокостных грудных клетках. Одно из тел оказалось напротив Апсалар, другое – у стены слева. В дальней стене справа виднелся следующий проём.

Движимая любопытством, Апсалар приблизилась к ближней фигуре. Наверняка сказать было сложно, но похоже, тело принадлежало тисте – то ли анди, то ли эдуру. Длинные прямые волосы совершенно выцвели от старости. Одежда сгнила, остались только сухие полоски да проржавевшие кусочки металла. Когда Апсалар присела на корточки перед трупом, рядом взметнулся маленький вихрь пыли, и брови девушки поползли вверх, когда из сумрака медленно сформировалась тень. Полупрозрачная плоть, кости будто мерцают изнутри, лицо скелета с чёрными провалами глаз.

– Это моё тело! – прошептала тень, хватая костистыми пальцами воздух. – Не твоё!

Слова прозвучали на языке тисте анди, и Апсалар с удивлением осознала, что понимает его. Иногда воспоминания Котильона и скрытые в них знания всё ещё поражали её.

– Зачем мне это тело? – спросила девушка. – У меня и своё есть.

– Не здесь. Я только призрака вижу!

– Я тоже.

Тень явно была ошарашена:

– Ты уверена?

– Ты умерла давным-давно, – сообщила Апсалар. – Если, конечно, это твоё тело здесь в цепях.

– Моё собственное? Нет. То есть, думаю, что нет. Хотя мало ли. Почему вдруг нет? Да, это была я. Когда-то. Давным-давно. Я его узнала. Но это ты призрак, а не я. Я себя никогда лучше не чувствовала. А ты выглядишь... нездоровой.

– Тем не менее, – перебила Апсалар, – у меня нет намерения красть у тебя труп.

Тень протянула руку и погладила гладкие, бледные волосы.

– А я ведь была красива. Мною восхищались, за мной ухаживали молодые воины анклава. Может, я и сейчас красива, только мой дух так... поизносился. Что виднее смертному оку? Юность и красота плоти или мерзкая тварь, что прячется внутри?

Апсалар вздрогнула и отвела глаза.

– Думаю, зависит от того, насколько пристально смотришь.

– И насколько у тебя острое зрение. Да, согласна. А красота – она ведь так мимолётна, правда? А мерзость? О, мерзость вековечна.

Новый голос послышался со стороны второго трупа в цепях:

– Не слушай её! Подлая гадина, посмотри, до чего ты нас довела! Скажешь, я виновата? Вот уж нет! Это я была честной. Все это знали! И более красивой, кстати, что бы она там тебе ни наплела! Иди сюда, любезный призрак, и выслушай правду!

Апсалар поднялась:

– Это не я тут призрак...

– Обманщица! Неудивительно, что ты предпочла её, а не меня!

Апсалар уже могла разглядеть вторую тень, точную копию первой. Та парила над своим трупом, точнее, над телом, которое считала своим.

– Как вы обе здесь очутились? – спросила девушка.

Вторая тень указала на первую:

– Она – воровка!

– Ты тоже! – парировала первая тень.

– Я просто пошла за тобой, Телораст! «А давай-ка проберёмся в Цитадель Тени! Там ведь никого нет! Унесём оттуда неслыханные сокровища!» И почему я тебе поверила? Дурочка я...

– Вот уж в этом мы сходимся во мнениях! – не смолчала та.

– Вам обеим нет смысла оставаться здесь. Ваши тела истлеют, но оковы их никогда не отпустят.

– Ты служишь новому хозяину Тени! – закричала вторая тень, словно это было обвинение. – Этому жалкому, скользкому, мерзкому...

– Тихо ты! – прошипела первая тень, Телораст. – А то он вернётся и опять будет над нами издеваться! Я, например, вовсе не горю желанием снова его увидеть. И этих его проклятых Псов тоже.

Тень подплыла ближе к Апсалар:

– О милейшая слуга восхитительного господина, отвечаю на твой вопрос: мы и вправду с радостью бы покинули это место. Но куда же нам идти? – Тень взмахнула полупрозрачной костистой рукой. – За стенами города скрываются ужасные твари. Хитрые, голодные, многочисленные! А вот если бы, – промурлыкала она, – нас кто-то сопроводил...

– О да! – воскликнула вторая тень. – Сопроводил до ворот – скромная, необременительная обязанность, но мы были бы так благодарны!

Апсалар ещё раз оглядела призраков:

– Кто пленил вас здесь? И говорите правду, иначе никакой помощи от меня не дождётесь.

Телораст глубоко поклонилась, затем опустилась ниже, и Апсалар даже не сразу осознала, что тень распростёрлась ниц.

– Сказать правду. Об этом мы бы не стали лгать. Лишь яснейшие воспоминания и совершенную истину ты услышишь здесь. То был владыка демонов...

– Семиголовый! – перебила вторая тень, подпрыгивая на месте от едва сдерживаемого возбуждения.

Телораст сжалась:

– Семиголовый? У него было семь голов? Может, и так. Почему бы и нет? Да, семиголовый!

– И которая голова, – вкрадчиво спросила Апсалар, – считала себя владыкой?

– Шестая!

– Вторая!

Тени с ненавистью уставились друг на друга, затем Телораст воздела к небу костяной палец:

– Именно! Шестая справа, она же вторая слева!

– Ай, молодчина, – восхитилась другая.

Апсалар обратилась к ней:

– Твою подругу зовут Телораст, а тебя?

Тень вздрогнула, затем тоже распростёрлась ниц, подняв небольшие клубы пыли.

– Князь... Король Жесток, Погибель Всех Врагов. Грозный. Божественный. – Тень смешалась, затем начала снова: – Княжна Демура? Возлюбленная тысячи героев, мускулистых, суроволиких мужей! – Снова вздрогнула, что-то тихо пробормотала, затем вцепилась пальцами в собственное лицо. – Военачальник, нет, двадцатидвуглавый дракон! С девятью крыльями и одиннадцатью тысячами клыков. Если бы повезло...

Апсалар скрестила руки на груди:

– Как тебя зовут?

– Кердла.

– Кердла.

– Я долго держаться не умею.

– Вот поэтому нас и настигла такая жалкая погибель! – разъярилась Телораст. – Ты должна была следить за тропой!.. Я тебе внятно сказала следить за тропой...

– Я следила!

– Но Пса Барана не заметила...

- Я видела Барана, но следила-то за тропой.
- Так, ладно, – вздохнула Апсалар. – Зачем мне вас провожать до ворот? Назовите причину, пожалуйста. Хотя бы одну.
- Мы – преданные спутники, – заявила Телораст. – Мы останемся с тобой, какая бы ужасная гибель тебя ни постигла.
- И будем вечно стеречь твоё разорванное тело, – добавила Кердла, – по крайней мере, пока не придёт кто-то другой...
- Если только это не будет Идущий по Граням.
- Ну это само собой, Телораст, – согласилась Кердла. – Мы его не любим.
- И Псов тоже.
- Разумеется...
- И Престола Тени. И Котильона. И Апт. И ещё этих...
- Ладно! – взвизгнула Кердла.
- Я доведу вас до ворот, – сказала Апсалар. – Где вы сможете покинуть этот мир, раз уж вы, кажется, этого хотите. Вероятнее всего, вы сразу окажетесь под сводами Врат Худа, и это будет милость для всех, кроме, пожалуй, самого Худа.
- Она нас не любит, – простонала Кердла.
- Не говори этого вслух! – рявкнула Телораст. – Иначе она сама это поймёт. Пока что она не уверена, и это для нас хорошо, Кердла.
- Не уверена? Ты что, оглохла? Она же нас только что оскорбила!
- Это не значит, что она нас не любит. Не обязательно. Может, мы её раздражаем, но мы ведь всех раздражаем. Точнее, ты всех раздражаешь, Кердла. Потому что ты ненадёжная.
- Я не всегда ненадёжная, Телораст.
- Идёмте, – позвала Апсалар, направляясь к выходу. – У меня ещё есть дела сегодня ночью.
- А как же тела? – всполошилась Кердла.
- Они останутся здесь, ясное дело. – Апсалар обернулась к теням: – Либо идите за мной, либо оставайтесь. Выбор за вами.
- Но нам так нравились эти тела...
- Да ладно, Кердла, – принялась уговаривать подругу Телораст, – мы себе другие найдём. Огорошенная этим замечанием, Апсалар резко взглянула на Телораст, но затем вновь зашагала к тёмному проёму.
- Две тени вздрогнули и полетели следом.

Ровную поверхность высохшего озёрного ложа покрывала сетка трещин, рождённых десятилетиями солнечного жара. Ветер и песок отполировали высохший ил так, что он поблёскивал в лунном свете, точно серебро. В центре старого озера виднелся глубокий колодец, окружённый кирпичным бортиком.

Передовой разезд колонны Леомана уже добрался до колодца: воины спешили и осматривали его, а основной строй всадников спускался в долину. Буря утихла, и над головой засверкали звёзды. Измотанные всадники и измученные кони медленно тянулись по растрескавшейся земле. Над головами воинов метались накидочки, вертелись и пикировали, чтобы удрать от вышедших на охоту ризанов, которые вились среди добычи, словно крошечные драконы. Непрестанная воздушная война сообщала о себе хрустом хитиновых панцирей и тонкими вскриками умирающих накидочников.

Корабб Бхилан Тэну'алас наклонился в седле так, что скрипнула лука, и сплюнул на левую сторону. В знак пренебрежения, проклятья громовым отзвукам битвы. И чтобы избавиться от вкуса песка во рту. Он оглянулся на Леомана, который молча ехал рядом. Беглецы оставляли за собой след из мёртвых коней, и почти все воины уже пересели на вторую, а то

и третью сменную лошадь. Дюжина воинов сегодня не выдержала заданного темпа: пожилые люди, которые мечтали о последней битве против ненавистных малазанцев под благословенным взором Ша'ик, но лишились этой возможности из-за предательства. Многие в истерзанном отряде пали духом, и Корабб это знал. Легко было понять, как можно утратить надежду во время такого жалкого бегства.

Если бы не Леоман Кистень, Корабб и сам бы, наверное, давно, сдался, ускользнул бы в клубы песка, чтобы искать свою собственную судьбу, сбросил бы форму солдата повстанческой армии да и поселился бы в каком-нибудь отдалённом городе, чтобы мучиться воспоминаниями об отчаянии до того самого дня, когда за ним придёт Жнец Душ.

Всадники добрались до колодца, рассыпались, чтобы разбить круговой лагерь вокруг животворного источника. Корабб натянул поводья следом за Леоманом, оба спешили, и сапоги их захрустели на ковре из костей и чешуи давным-давно мёртвой рыбы.

– Корабб, – позвал Леоман, – пойдём со мной.

Они двинулись на север и вскоре, отойдя на полсотни шагов от заставы, остановились посреди растрескавшейся плоской долины. Корабб заметил неподалёку небольшое углубление, в котором покоились полусасыпанные куски глины. Обнажив кинжал, он подошёл и присел на корточки, чтобы поднять один из этих кусков. Разломил его и увидел внутри скорчившуюся жабу, выковыряв её, Корабб вернулся к своему командиру.

– Нежданное лакомство, – заметил он, отрывая иссохшую лапку и вгрызаясь в жёсткое, но сладкое мясо.

Леоман уставился на него в лунном свете:

– К тебе придут странные сны, Корабб, если будешь их есть.

– Духовные сны, да. Они меня не пугают, командир. Если б только не перья.

Последние слова Корабба Леоман никак не откомментировал. Он расстегнул застёжку шлема и стащил его с головы. Посмотрев на звёзды, командир восставших сказал:

– Чего мои солдаты ждут от меня? Что я приведу нас к невозможной победе?

– Тебе предназначено нести Книгу, – пробормотал с набитым ртом Корабб.

– Но богиня мертва.

– Дриджна – нечто большее, чем эта богиня, командир. Апокалипсис – это в равной степени и особое время.

Леоман покосился на него:

– Ты по-прежнему умеешь меня удивить, Корабб Бхилан Тэну'алас, – хоть я и знаю тебя много лет.

Польщённый комплиментом (точнее, словами, которые принял за комплимент), Корабб улыбнулся, затем выплюнул косточку и сказал:

– У меня было время подумать, командир. На скаку. Я много думал, и мысли мои блуждали странными тропами. Мы – Апокалипсис. Последняя армия восстания. И я считаю, что нам суждено явить миру эту истину.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что ты ведёшь нас, Леоман Кистень, а ты не станешь убегать, как жалкая сурикрыса. Мы скачем к некой цели... Знаю, многие здесь считают, что мы просто бежим, но только не я. Только не я.

– «Сурикрыса», – задумчиво повторил Леоман. – Так в Эрлитане называют грызунов Джен'раба, которые едят ящериц.

Корабб кивнул.

– Длинных таких, с чешуйчатыми головами. Да.

– Сурикрысу, – снова повторил Леоман, – почти невозможно поймать. Они умеют проскользнуть в такую щель, куда не всякая змея влезет. Череп, будто на петлях...

– И кости, как зелёные побеги, да, – добавил Корабб, обсосал череп жабы, а затем отбросил его в сторону.

И увидел, как тот вдруг выпустил крылья и воспарил в ночное небо. Затем воин взглянул на покрытое перьями лицо своего командира:

– Питомцы из них никуда не годные. Как напугаются, сразу прячутся в ближайшую дыру, какой бы крохотной она ни была. Говорят, одна женщина умерла от того, что сурикрыса ей в ноздрю забралась. А когда они застревают, начинают выгрызать себе путь. И перья, перья повсюду.

– Что ж, думаю, в питомцы их больше никто не берёт, – пробормотал Леоман, разглядывая звёзды. – Так мы, говоришь, скачем навстречу собственному Апокалипсису? Что ж...

– Можно бросить коней, – сообщил Корабб. – И просто улететь отсюда. Куда быстрее получится.

– Это было бы неблагородно.

– Верно. Достойные создания, наши кони. Ты поведёшь нас, о Крылатый, и мы всё сумеем превозмочь.

– Невозможная победа.

– Множество невозможных побед, командир.

– Хватит и одной.

– Ну, хорошо, – согласился Корабб. – Значит, одной.

– Не хочу я этого, Корабб. Ничего этого не хочу. Я подумываю о том, чтобы распустить армию.

– Не получится, командир. Мы возвращаемся к месту своего рождения. Такая пришла пора. Пора строить гнёзда на крышах.

– Думаю, – проговорил Леоман, – тебе пора ложиться спать.

– Да, ты прав. Пойду спать.

– Давай. А я здесь ещё задержусь.

– Ты – Леоман Оперенье, и всё будет по воле твоей.

Корабб отдал честь и зашагал обратно к лагерю и стае огромных стервятников над ним. «Оно и неплохо, – подумал он. – Стервятники-то выживают потому, что другие создания не выжили».

Оставшись в одиночестве, Леоман продолжал вглядываться в ночное небо. Он пожалел, что рядом нет Тоблакая. В войне-великане не было ни капли неуверенности. *Увы, скрытности и осторожности ему тоже недостаёт.* Костеломная логика Карсы Орлонга никогда не позволила бы скрыть неприятные истины.

Сурикрыса. Об этом нужно ещё подумать.

– С этим в город нельзя!

Огромный воин оглянулся на собачьи головы позади, затем поднял Самар Дэв с седла, поставил её на землю и спешил сам. Смахнул пыль с мехового плаща и подошёл к стражнику на воротах. Подхватил его и швырнул в ближайшую тележку.

Кто-то закричал – и тут же замолк, когда великан обернулся на звук.

В двадцати шагах от них по улице мчался прочь второй стражник, который направлялся, как подозревала Самар, в блокгауз, чтобы привести ещё два десятка солдат. Она вздохнула:

– Не слишком-то хорошее начало, Карса Орлонг.

Первый стражник, раскинувшийся среди обломков тележки, не подавал признаков жизни. Карса смерил взглядом Самар Дэв и сказал:

– Всё в порядке, женщина. Я голоден. Найди мне таверну. С конюшней.

– Нам придётся двигаться быстро, а я на это неспособна.

– Проявляешь себя слабым звеном, – заметил Карса Орлонг.

На расстоянии нескольких кварталов послышался звон колокола.

– Посади меня обратно на коня, – сказала Самар, – и я тебе укажу дорогу, сколько бы от того ни было толку.

Великан шагнул к ней.

– Только поосторожней, пожалуйста, – моя нога тряски не выдержит.

Теблор презрительно скривился:

– Ты мягкая, как и все дети.

Однако, сажая её обратно на спину своего скакуна, он был менее резок, чем в прошлый раз.

– Вот сюда, по боковой улочке, – сказала она. – И прочь от колоколов. На Тросфальхадановой улице есть трактир, недалеко отсюда. – Бросив быстрый взгляд направо, она заметила взвод стражников в дальнем конце главной улицы. – И поторопись, воин, если не хочешь провести ночь в тюремной камере.

Вокруг уже собрались зеваки. Двое подобрались к мёртвому или бесчувственному стражнику, чтобы осмотреть бедолагу. Другой стоял рядом и громко причитал по поводу своей разбитой тележки, указывая пальцем на Карсу, – правда, только когда огромный воин поворачивался к нему спиной.

Они двинулись по улице, идущей вдоль старой городской стены. Самар нахмурилась, глядя на зевак, которые решили пойти следом.

– Я – Самар Дэв, – громко заявила она. – Хотите, чтоб я прокляла вас? С кого начать?

Горожане отшатнулись, а затем развернулись и устремились прочь.

Карса оглянулся на неё:

– Ты ведьма?

– Даже не представляешь, насколько.

– И если бы я тебя оставил на тракте, ты бы меня прокляла?

– Это наверняка.

Он хмыкнул, помолчал ещё шагов десять, затем снова обернулся:

– Почему ты не призвала духов, чтоб они исцелили тебя?

– Мне им нечего было предложить, – ответила Самар. – Духи пустыни – голодные твари, Карса Орлонг. Алчные и ненадёжные.

– Плохая из тебя ведьма, если тебе приходится с ними торговаться. Могла бы просто сковать их чарами и потребовать, чтобы исцелили твою ногу?

– Кто сковывает других, сам рискует оказаться в оковах. Я не пойду по этой дороге.

На это он ничего не ответил.

– Вот Тросфальхаданова улица. Вон там, видишь, большой дом, окружённый стеной? Называется «Лесной трактир». Торопись, пока стражники не добежали до угла.

– Они нас всё равно найдут, – сказал Карса. – Ты не справишься со своей задачей.

– Это не я швырнула стражника в тележку!

– Он говорил грубо. Ты должна была его предостеречь.

Они добрались до ворот, ведущих во двор трактира.

Позади послышались крики. Самар развернулась на коне и увидела, как к ним бегут стражники. Карса встал между ней и солдатами, высвобождая свой огромный кремнёвый меч.

– Постой! – закричала Самар. – Дай мне сначала поговорить с ними, воин, иначе тебе придётся биться со всей городской стражей города.

Великан замешкался:

– Они заслуживают пощады?

Самар некоторое время неуверенно смотрела на него, затем кивнула:

– Если не они сами, то их родные и близкие.

– Вы арестованы! – крикнул кто-то из-за спин приближавшихся стражников.

Татуированное лицо Карсы потемнело.

Самар сползла со спины коня и на одной ноге допрыгала до великана, чтобы встать между ним и стражниками, которые уже обнажили свои скимитары и полукругом разошлись поперёк улицы. Позади собирались зеваки. Самар подняла руки:

– Это недоразумение.

– Самар Дэв! – прорычал один из солдат. – Лучше отойди в сторону, это не твоё дело...

– Нет, моё, капитан Инашан. Этот воин спас мне жизнь. Моя повозка сломалась в пустоши, а сама я сломала ногу – вот, посмотри! Я умирала. И поэтому воззвала к духу диких земель.

Глаза капитана округлились, когда он взглянул на Карсу Орлонга:

– Это дух?

– Наверняка! – ответила Самар. – И он, разумеется, не ведаёт ничего о наших обычаях.

Поведение стражника у ворот дух принял за враждебное. Он ещё жив?

Капитан кивнул:

– Без сознания просто. – Затем он указал на отрубленные головы псов: – А это что такое?

– Трофеи, – ответила Самар. – Демоны. Они сумели вырваться из своего мира и приближались к Угарату. Если бы этот дух их не убил, они бы учинили здесь великую бойню. А поскольку в городе не осталось ни одного толкового мага, нам бы пришлось несладко.

Капитан Инашан сузил глаза и посмотрел на Карсу:

– Ты понимаешь мои слова?

– До сих пор они были вполне просты, – отозвался воин.

Капитан нахмурился:

– Она говорит правду?

– Больше, чем сама понимает, но всё равно есть неправда в её рассказе. Я не дух. Я – Тоблакай, некогда бывший телохранителем Ша'ик. Но эта женщина заключила со мной сделку, как с духом. Более того, она не знала, ни кто я такой, ни откуда прибыл, поэтому могла вообразить, что я – дух диких земель.

Когда прозвучало имя Ша'ик, среди стражников и горожан послышались возбуждённые выкрики, и Самар заметила растущее понимание в глазах капитана.

– Тоблакай, спутник Леомана Кистеня. Мы слышали о тебе. – Он указал скимитаром на шкуру на плечах Карсы. – Убийца одиночника, белого медведя. Палач предателей в Рараку. Говорят, ты сразил демонов в ночь перед гибелью Ша'ик, – добавил он, глядя на подгнившие, изодранные собачьи головы. – А когда её убила адъютант, ты выехал против всей малазанской армии – и они не решились биться с тобой.

– Есть правда в твоих словах, – сказал Карса, – если не считать разговора с малазанцами...

– Один из приближённых Ша'ик! – быстро встряла Самар, чувствуя, что великан собрался сказать что-то очень неразумное. – Как можем мы, жители Угарата, не приветствовать тебя с распростёртыми объятьями? Малазанских солдат изгнали из города, и теперь они умирают с голоду в крепости Моравал на другом берегу реки – осаждённые и безо всякой надежды на освобождение.

– В этом ты ошибаешься, – прогудел Карса.

Ей ужасно захотелось пнуть его ногой. С другой стороны, в прошлый раз всё закончилось сломанной ступнёй, верно? *Ну и ладно, упрямый вол, вешайся сам, как хочешь!*

– О чём ты? – спросил капитан Инашан.

– Восстание сломлено. Малазанцы возвращаются себе города десятками. Рано или поздно они доберутся и сюда. Советую вам заключить мир с местным гарнизоном.

– А тебя самого это не поставит под угрозу? – спросила Самар.

Воин оскалил зубы:

– Моя война окончена. Если они не смогут это принять, я их всех убью.

Смехотворное обещание, но почему-то никто не засмеялся. Капитан Инашан подумал, затем вложил в ножны свой скимитар, и солдаты последовали примеру командира.

– Мы слышали рассказы о гибели восстания, – произнёс Инашан. – Что до малазанцев в крепости, увы, может быть, – слишком поздно. Они там просидели много месяцев. И уже некоторое время мы никого не видели на стенах...

– Я пойду туда, – сказал Карса. – Нужно дать им знак мира.

– Говорят, – пробормотал Инашан, – что Леоман всё ещё жив. Что он возглавляет последнюю армию и поклялся продолжать борьбу.

– У Леомана свой собственный путь. На твоём месте я бы не стал на него полагаться.

Этот совет не пришёлся ко двору. Разгорелся многоголосый спор, пока Инашан не повернулся к своим солдатам и не заставил их замолкнуть, подняв руку.

– Это дело нужно представить на суд Фалах'да. – Он вновь обернулся к Карсе: – На эту ночь ты остановишься в «Лесном трактире»?

– Да. Хоть он и не выстроен из лесного дерева, так что назвать его следовало бы «Кирпичным трактиром».

Самар рассмеялась:

– Это ты можешь сам сказать хозяину, Тоблакай. Капитан, это всё?

Инашан кивнул:

– Я пришлю целителя, чтобы вылечить твою ногу, Самар Дэв.

– И за это я благословляю тебя и твой род, капитан.

– Покорно благодарю, – с поклоном ответил солдат.

Весь взвод пошёл прочь. Самар повернулась к воину-великану:

– Тоблакай, как же ты так долго умудрился выживать в Семи Городах?

Тот посмотрел на неё сверху вниз, затем вновь забросил каменный меч за спину.

– Нет такой брони, что сдержала бы удар истины...

– Если ведёт её твой меч?

– Да, Самар Дэв. Я обнаружил, что дети это довольно быстро понимают. Даже здесь, в Семи Городах. – Он одним толчком открыл ворота. – Погрому понадобится стойло вдали от других зверей... по крайней мере, до того, как он утолит голод.

– Не нравится мне это, – пробормотала Телораст и нервно поёжилась.

– Это ворота, – сказала Апсалар.

– Но куда они ведут? – спросила Кердла, чуть покачивая головой.

– Наружу ведут, – повторила девушка. – К Джен'рабу, в город Эрлитан. Туда я и направляюсь.

– Тогда и нам туда же, – заявила Телораст. – Там есть тела? Надеюсь, что есть. Здоровые тела из плоти.

Девушка уставилась на двух призраков:

– Вы собираетесь украсть тела, чтобы они стали жилищем вашим духам? Не уверена, что могу вам это позволить.

– Нет-нет, ничего подобного! – заявила Кердла. – Это ведь было бы одержание, а одержание – это сложно, очень сложно. Память просачивается туда-сюда и вызывает замешательство и внутренние противоречия.

– Верно, – согласилась Телораст. – А у нас никаких противоречий и в помине нет, правда? Нет, дорогуша, просто нам нравятся тела. Поблизости. Они нас... успокаивают. Вот ты, например. Ты нас ужасно успокаиваешь, хоть мы и не знаем твоего имени.

– Апсалар.

– Мёртвая она! – взвизгнула Кердла и добавила, обращаясь к Апсалар: – Я знала, знала, что ты – призрак!

– Меня назвали в честь Покровительницы Воров. Я – не она во плоти.

– Здесь она, наверное, не врёт, – сказала Кердле Телораст. – Если помнишь, Апсалар была вовсе на неё не похожа. Настоящая Апсалар была имаска, ну, или почти имаска. И особым дружелюбием не отличалась...

– Потому что ты ограбила её храмовую сокровищницу, – заявила Кердла, продолжая ёрзать в облачке пыли.

– И до того тоже! Решительно недружелюбная была, а эта Апсалар, которая здесь, она добрая. Сердце у неё едва не разрывается от тепла и милосердия...

– Довольно, – сказала Апсалар и снова повернулась к воротам. – Как я уже говорила, они ведут к Джен'рабу... для меня. Вас двоих они вполне могут доставить во Владения Худа. Я не готова отвечать за то, что вы можете оказаться у Врат Смерти.

– Владения Худа? Врата Смерти? – Телораст начала двигаться туда-сюда, и Апсалар далеко не сразу поняла, что так привидение расхаживает из стороны в сторону, погрузившись в землю по колено. – Этого бояться не стоит. Мы слишком сильны. Слишком мудры. Слишком хитры.

– Мы когда-то были великими магами! – заявила Кердла. – Некромантами, духовидцами, призывателями, владыками Павших Обитателей, Господами Тысячи Путей...

– «Госпожами», Кердла. Госпожами Тысячи Путей.

– Да, Телораст. Точно. Госпожами. Чего это я? Прекрасными госпожами, фигуристыми, томными, страстными, иногда даже жеманными...

Апсалар шагнула во врата.

И вышла на развалины рядом с фундаментом рухнувшей стены. Ночной воздух обжёг её холодом, звёзды резко вспыхнули над головой.

– ...и даже сам Каллор робел перед нами, правда, Телораст?

– О да, ещё как робел.

Апсалар оглянулась и увидела позади двух призраков. Вздохнула:

– Владений Худа вы, как вижу, сумели избежать.

– Руки коротки. И неуклюжи, – фыркнула Кердла. – А мы – слишком быстры.

– Как мы и предрекали, – добавила Телораст. – Что это за место? Тут всё развалилось...

Кердла выбралась на остатки фундамента.

– Нет, Телораст, ты, как всегда, ошиблась. Я там внизу вижу дома. Огни в окнах. И в воздухе пахнет жизнью.

– Это Джен'раб, – сказала Апсалар. – Старый центр города, который обрушился давным-давно под собственным весом.

– Как обрушатся рано или поздно все города, – заметила Телораст, пытаясь подобрать с земли обломок кирпича, но призрачная рука прошла сквозь предмет. – Ах, в этом мире мы совершенно бесполезны.

Кердла взглянула сверху вниз на подругу:

– Нам нужны тела...

– Я вам уже сказала...

– Не бойся, Апсалар, – промурлыкала Кердла, – мы не обидим тебя без причины. Тела нам не обязательно разумные.

– А тут есть что-то вроде Псов? – спросила Телораст.

Кердла фыркнула:

– Псы разумные, дурочка!

– Только глупые, как пробка!

– Не настолько глупые, чтобы попасться на наши уловки.

– А имбурули здесь есть? Или стантары? Лютуры – есть здесь лютуры? Чешуйчатые, хватают добычу длинными хвостами, и глаза у них, как у нетопырей-пурлитов...

– Нет, – ответила Апсалар. – Таких созданий тут нет. – Она нахмурилась. – Все твари, которых ты перечислила, родом из Старвальд Демелейна.

На миг оба призрака замолкли, затем Кердла змеей сползла вниз по стене и остановилась так, что её полупрозрачное лицо зависло точно напротив Апсалар:

– Правда? Вот так удивительное совпадение...

– Но вы говорите на языке тисте анди.

– Неужто? Это ещё загадочней!

– Просто необъяснимо, – согласилась Телораст. – Мы, хм-м, мы решили, что это твой язык. В смысле, твой родной язык.

– Но почему? Я же не тисте анди!

– Разумеется! Ну, хвала Бездне, теперь это прояснилось. Куда мы пойдём отсюда?

Подумав немного, Апсалар ответила:

– Вам обеим лучше остаться здесь. У меня есть задание, которое нужно исполнить сегодня ночью, и оно не подразумевает присутствия спутниц.

– Оно требует скрытности! – прошептала Телораст и пригнулась пониже. – Мы так и поняли. Есть в тебе что-то от воровки. Родственные души – мы трое. Воровство... и, быть может, нечто более мрачное.

– Ясное дело, что мрачное! – отозвалась со стены Кердла. – Она ведь служит Престолу Тени, или Покровителю Убийц. Нынче ночью прольётся кровь, и прольёт её наша смертная спутница. Она – убийца, и нам бы это сразу понять: скольких мы за свой век убийц-то повидали. Ты присмотрись, Телораст, у неё припрятаны отточенные клинки...

– И пахнет от неё выдохшимся вином.

– Оставайтесь здесь, – приказала Апсалар. – Обе.

– А если мы уйдём? – поинтересовалась Телораст.

– Тогда я сообщу Котильону, что вы сбежали, и он пошлёт Псов по вашему следу.

– Принуждаешь нас служить! Осыпашь угрозами! О, Кердла, нас обманули!

– Давай убьём её и заберём себе тело!

– Не стоит, Кердла. Что-то в ней есть... пугающее. Ладно, Апсалар, которая не Апсалар, мы останемся здесь... на какое-то время. Пока не уверимся, что ты погибла или с тобой случилось что похуже, – до тех пор и останемся здесь.

– Или пока ты не вернёшься, – добавила Кердла.

Телораст зашипела как-то странно, точно рептилия, затем сказала:

– Да, идиотка, это и есть другой вариант.

– Так чего ж ты сама не сказала?

– Потому что он – очевидный! Зачем мне утруждаться и оглашать очевидное? В общем, мы будем ждать здесь. Вот в чём суть.

– Может, для тебя это и суть, – протянула Кердла, – но уж не обязательно для меня. И я не подумаю утруждаться и что-то тебе объяснять, Телораст.

– Всегда-то ты слишком любила очевидности, Кердла.

– Так, вы обе! – сказала Апсалар. – Замолчите и ждите здесь, пока я не вернусь.

Телораст прислонилась к фундаменту стены и скрестила на груди руки:

– Да-да-да. Иди. Нам наплевать.

Апсалар быстро перебралась через завалы разбитого камня, пытаясь отойти как можно дальше от двух призраков, прежде чем примется за поиски тайной тропы, которая, если всё пойдёт хорошо, приведёт её к жертве. Девушка проклинала сентиментальность, столь ослабившую её решимость, что Апсалар оказалась теперь скована с двумя безумными привидениями. Она понимала, что нельзя их бросить. Если за ними не следить, они обрушат хаос на Эрлитан.

Призраки слегка перестарались, пытаясь убедить девушку, что они совершенно безвредны, да и вряд ли их обрекли на заключение во Владениях Тени совсем уж без причины – этот Путь служил вечным узилищем множеству созданий, и мало кто из них мог пожаловаться на несправедливость приговора.

Отдельного Дома Азатов на Пути Тени не было, и поэтому в случае опасности приходилось прибегать к более традиционным методам. Так, по крайней мере, казалось Апсалар. Почти всякий неизменный блок в Тени был пронизан нерасторжимыми цепями, а в земле, в кандалах на этих цепях лежали тела. И сама она, и Котильон не раз находили менгиры, тумулусы, древние деревья, каменные стены и валуны, служившие тюрьмой безымянным узникам – демонам, взошедшим, ревенантам и призракам. Посреди одного из каменных кругов лежали в оковах три дракона – мёртвые по всем внешним признакам, но плоть их не высыхала и не гнила, а пыль оседала на вечно открытых глазах. Котильон навевался в это жуткое место, и часть его беспокойства пропитала воспоминания бога. Апсалар подозревала, что в этом событии было что-то ещё, что-то важное, но далеко не всю жизнь Покровителя Убийца она могла вспомнить.

Девушка гадала, кто же сковал всех этих созданий. Какая неведомая сущность обладала такой силой, чтобы повергнуть во прах трёх драконов? Столько всего во Владениях Тени не поддавалось понимаю Апсалар. Да и пониманию самого Котильона, как она подозревала.

Кердла и Телораст говорили на языке тисте анди. Но выказали отличное знание владений драконов – Пути Старвальд Демелейн. Они лично знали Госпожу Воров, которая давным-давно пропала из пантеона, хотя, если была хоть крупинка правды в даруджистанских легендах, на краткий миг возвратилась чуть менее века тому назад, а затем вновь исчезла.

Она хотела украсть луну. Это была одна из первых историй, которую Крокус рассказал девушке после того, как Котильон покинул её сознание. Побасёнка с местным колоритом, придуманная, наверное, чтобы усилить позиции культа в регионе. Однако Апсалар было даже слегка любопытно. Ведь они с этой богине были тёзками. *Имасска? Не существует традиционных изображений Госпожи – и это странно, больше похоже на запрет, установленный самими храмами. Какие там у неё символы? Ах да. Отпечатки ног. И вуаль.* Апсалар решила, что потом как следует расспросит призраков об этом.

В любом случае, она была вполне уверена: Котильону совсем не понравится, что она освободила этих призраков. Престол Тени будет в ярости. И то, и другое вполне могло подтолкнуть её к этому шагу. *Когда-то я была одержима богом, но не теперь. Я по-прежнему служу ему, но так, как сама считаю нужным.*

Смелое заявление, но только за него и оставалось держаться. Бог использует, а затем отбрасывает ненужный инструмент. И забывает о нём. Да, Котильон, похоже, оказался не таким бесчувственным, как прочие боги, но насколько можно на это полагаться?

В лунном свете Апсалар заметила тайную тропу, которая вилась среди развалин. Девушка пошла по ней – бесшумно, используя всякую доступную тень, – к сердцу Джен'раба. Довольно праздных мыслей. Нужно сосредоточиться, иначе жертвой сегодня может оказаться она сама.

Предательству должно дать ответ. Это задание она исполняла больше для Престола Тени, чем для Котильона, так, во всяком случае, ей сообщил Покровитель Убийц. Сведение старых счётов. Интриги и так становились всё сложнее и запутанней, если судить по тому, каким возбуждённым и вспыльчивым стал в последнее время Престол Тени. И его тревога частично передалась Котильону. Поговаривали об очередном Схождении сил. Более мощном, чем любое из прошлых, и каким-то образом Престол Тени оказался в его центре. *В центре всего.*

Впереди замаячил осевший купол храма, единственная уцелевшая конструкция в этой части Джен'раба. Скорчившись позади массивного каменного блока, поверхность которого испещряли загадочные символы, Апсалар осмотрела подходы. Вход просматривался с бессчётного количества направлений. Трудновато придётся, если кого-то поставили сторожить тайный

вход в храм. Приходилось предположить, что охранники прятались где-то неподалёку, укрывшись в трещинах и развалах по обеим сторонам тропы.

В этот миг Апсалар заметила движение, что-то метнулось наружу из храма и сразу же повернуло налево от неё. Слишком далеко, чтобы толком рассмотреть. Одно было понятно. Паук сидел в центре своей паутины, принимая и отправляя на дело агентов. Отлично. Если повезёт, тайные стражи примут её за одного из таких соглядатаев – конечно, если для них не установлен особый маршрут, меняющийся каждую ночь.

Был и другой вариант. Апсалар вытащила длинный, тонкий шарф, который назывался «телаб», и обернула вокруг головы так, чтобы открытыми оставались только глаза. Она обнажила ножи, в течение двадцати ударов сердца рассматривала путь, который предстояло проделать, а затем рванулась вперёд. Быстрота давала преимущество неожиданности, да и попасть в девушку так было бы труднее. Мчась среди развалин, Апсалар ждала глухого клацанья арбалета, свиста стрелы в воздухе. Но ничего не услышала. Добравшись до храма, она увидела трещину в куполе, которая служила входом, и устремилась внутрь.

Апсалар скользнула во тьму и замерла на месте.

В проходе стоял запах крови.

Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, она задержала дыхание и прислушалась. Ничего. Девушка уже могла разглядеть перед собой уходивший вниз коридор. Она осторожно двинулась вперёд, остановилась у входа в большую комнату. На пыльном полу, в растекавшейся всё шире луже крови лежало тело. На противоположном конце комнаты виднелся занавес, укрепленный над дверной рамой. Кроме тела, в чертоге были только несколько скромных предметов мебели. Жаровня давала судорожный, оранжевый свет. Воздух горчил от запаха смерти и дыма.

Апсалар подобралась к телу, не сводя глаз с занавешенной двери. Чувства убийцы подсказывали ей, что за тканью никого нет, но ошибка в таком деле могла оказаться фатальной. Остановившись над скорченной фигурой, она вложила в ножны один из кинжалов, а затем левой рукой перевернула тело на спину. Чтобы увидеть лицо.

Мебра. Похоже, кто-то сделал за неё всю работу.

Движение в воздухе позади. Апсалар нырнула вниз и перекатилась влево, а над ней сверкнула метательная звёздочка, которая затем пробила дырку в занавесе. Остановившись в приезде, Апсалар обернулась к выходу наружу.

Из которого появилась туго затянутая в серую одежду фигура. В левой руке она сжимала ещё одну метательную звёздочку, на лучах которой блеснул яд. В правой руке убийца держал широкий, загнутый нож-кеттру. Лицо его скрывал телаб, но вокруг глаз на чёрной коже белела сложная татуировка.

Незнакомец шагнул в комнату, не сводя глаз с Апсалар.

– Глупая женщина, – прошипел он по-эрлийски, но с сильным акцентом.

– Южный клан семаков, – проговорила Апсалар. – Ты ушёл далеко от дома.

– Свидетелей быть не должно!

Его левая рука резко метнулась вперёд.

Апсалар выгнулась. Железная звёздочка пролетела мимо, ударила о стену позади неё.

Следом бросился семак. Он резко рубанул вниз и вбок левой, чтобы отбить в сторону её руку с кинжалом, а затем попытался ударить кеттрой в живот Апсалар, чтобы выпустить ей кишки. Но не преуспел.

Левая рука семака ещё только опускалась, когда Апсалар шагнула вправо. Ребро его ладони сильно ударило её по бедру. Манёвр Апсалар принудил второго убийцу потянуться кеттрой следом. Но задолго до того, как удар мог бы достичь цели, девушка вогнала свой клинок между его рёбер так, что остриё прошило сердце сзади.

С полузадушенным стоном семак осел, соскользнул с лезвия кинжала и рухнул на пол. Убийца испустил последний вздох и замер.

Апсалар вытерла свой клинок о бедро семака, затем принялась разрезать на нём одежду. Татуировка покрывала всё тело убитого. Довольно обычное дело для воина Южного клана, но вот по стилю она не походила на семакскую. По мускулистым рукам и ногам семигородца вилась загадочная надпись, похожая по форме на знаки, которые девушка видела на камне в развалинах около храма.

Язык Первой империи.

С растущим в сердце подозрением она перевернула тело, чтобы поглядеть на спину. И на правой лопатке семака увидела тёмное пятно, напоминавшее грубый треугольник. Там располагалось его имя. Раньше, до того, как его символически стёрли.

Этот человек был жрецом Безымянных.

Ох, Котильон, тебе это совсем не понравится.

– Ну что?

Телораст подняла взгляд:

– Что «что»?

– Она красивая.

– Мы красивее!

Кердла фыркнула:

– На данный момент я не могу согласиться.

– Ладно. Но только если тебе нравятся такие – мрачные и смертоносные.

– Телораст, я спрашивала, останемся мы с ней или нет.

– Если уйдём, Идущий по Граням будет нами очень недоволен, Кердла. Ты ведь этого не хочешь, правда? Он уже был нами как-то недоволен, помнишь?

– Ну, хорошо! Обязательно было напоминать, да? Значит, решено. Остаёмся с ней.

– Да, – сказала Телораст. – Пока не найдём способ выйти из этой дурацкой ситуации.

– В смысле, перехитрить их всех?

– Разумеется.

– Хорошо, – протянула Кердла, растянувшись на обломках стены и глядя на звёзды. –

Потому что я хочу получить обратно свой престол.

– Я тоже.

Кердла принялась:

– Мертвецы. Свежие.

– Да. Но не она.

– Не она, – помолчав, призрачная женщина добавила: – Выходит, не только красивая.

– Да, – мрачно согласилась Телораст, – не только.

Глава вторая

Следует принять за данность, что мужчине, ставшему самым могущественным, самым ужасным, самым смертоносным чародеем в мире, необходима рядом женщина.

Однако, дети мои, из этого вовсе не следует, что женщине, достигшей такой мощи, необходим мужчина.

Кто же захочет быть тираном?

Госпожа У. Малазская городская школа для подкидышей и беспризорников

1152 год Сна Огни

Призрачный, то и дело исчезающий, туманный и пронизанный вспышками силуэт Амманаса ёрзал на древнем Троне Тени. Похожие на полированный гематит глаза бога были устремлены на шуплую фигурку перед престолом. Голова пришельца была совершенно лысой, если не считать редких спутанных клочков чёрных с проседью волос за ушами и на затылке. Кустистые и не менее спутанные брови подёргивались и хмурились, отражая отчаянную бурю эмоций на сморщенном лице.

Пришелец бормотал, притом довольно громко:

– Не такой уж он и страшный, верно? То тут, то там, то есть, то нет, здесь и посюду сразу, неверный призрак неверной воли и, вероятно, неверного разума – лучше бы ему этих моих мыслей не знать – так что надо выглядеть суровым, нет, внимательным, нет, довольным! Нет, постой. Униженным. Перепуганным. Нет, восторженным. Но не долго, это утомительно. Казаться заскучавшим. Ох, боги, что я только думаю? Только не заскучавшим, как бы это всё на деле ни было скучно, а он всё пялится на меня сверху вниз, а я на него снизу вверх, а Котильон там стоит под стеной, скрестил руки на груди да лыбится – разве же это достойная публика? Совсем не достойная, так я скажу. О чём я там думал? Ну, по крайней мере, я думал. Более того, я *думаю*, и можно предположить, что Престол Тени занят тем же, если, конечно, счесть, что мозги у него ещё не до конца вытекли, он ведь теперь из одной тени состоит, что же их внутри-то удержит? Суть в том, что мне со всех сторон лучше самому себе напомнить, что я, собственно, и делаю сейчас: суть в том, что он меня призвал. И вот я явился. Как истинный слуга. Верный. Ну, более или менее верный. Достойный доверия. По большей части. Скромный и почтительный – это всегда. По всем внешним проявлениям, а что внешне проявляется, то только и важно в этом мире, да и во всяком ином. Верно ведь? Улыбайся! Гримасничай. Кажись услужливым. Умным. Утомлённым, успокоенным, умышленным. Стой, как можно выглядеть «умышленным»? Какое это будет выражение лица? Это нужно обдумать. Но не сейчас, потому что это всё не умышленно, а просто мысленно...

– Тихо!

– Но я ничего не говорил, Господи! Так, лучше сейчас отвести глаза и хорошенько это обдумать. Я молчал. «Тихо». Может, это он общее замечание сделал? Наверное, так и было. Теперь ответный взгляд – почтительный – и сказать вслух: Истинно так, Господи. Тихо. Вот так. Как он отреагирует? Удар его хватил, что ли? Как в таких тенях разобрать? Вот если бы я сидел на троне...

– Искарал Прыщ!

– Да, Господи?

– Я принял решение.

– Да, Господи? Ну, если уж решил, так почему же прямо-то не сказать?

– Я решил, Искарал Прыщ...

– Ну вот! Опять! Да, Господи?

– Что ты... – Престол Тени замолк и провёл рукой по глазам. – Ох-хо-хо... – добавил он полущёпотом, затем сел ровнее. – Я решил, что ты сгодишься.

– Господи? Глаза отвести! Этот бог с ума сошёл. Я служу безумному богу! Какое выражение тут лучше подойдёт?

– Вон! Убирайся отсюда!

Искарал Прыщ поклонился:

– Конечно, Господи! Незамедлительно!

Затем он замер в ожидании. Оглянулся, бросил умоляющий взгляд на Котильона.

– Меня же призвали! Я не могу уйти, пока этот мутный кретин на троне меня не отпустит! Котильон понимает – что это в его холодных, ужасных глазах? Веселье? Так почему же он ничего не говорит? Почему не напомнит этому полоумному рохле на троне...

Амманас зарычал, и Высший жрец Тени Искарал Прыщ исчез.

Некоторое время Престол Тени сидел неподвижно, затем медленно повернул голову, чтобы взглянуть на Котильона.

– На что это ты так смотришь? – резко спросил бог.

– Почти ни на что, – ответил Котильон. – Ты в последнее время стал довольно... бесплотным.

– Мне так больше нравится.

Оба некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Ладно, ладно, я немного перенапрягся! – Вопль раскатился эхом, затем бог успокоился. – Думаешь, он поспеет вовремя?

– Нет.

– А если поспеет, думаешь, его будет достаточно?

– Нет.

– Тебя-то кто спрашивал?!

Котильон смотрел, как Амманас извивается и ёрзает на троне. Затем Владыка Тени замер и медленно воздел горе тонкий палец.

– У меня есть идея.

– Оставлю тебя её обдумывать, – проговорил Котильон, оттолкнувшись от стены. – Пойду прогуляюсь.

Престол Тени не ответил.

Оглянувшись, Котильон заметил, что тот пропал.

– О да, – пробормотал он, – вот *это* хорошая идея.

Выйдя из Цитадели Тени, он задержался, чтобы рассмотреть ландшафт, раскинувшийся перед ним. Пейзаж здесь имел привычку меняться в мгновение ока, но только когда никто не смотрел, что казалось покровителю убийц истинной милостью. Гряда поросших лесом холмов справа, балки и овраги впереди и призрачное озеро слева, по которому плыли полдюжины кораблей под серыми парусами. Демоны-артораллахи, похоже, пошли в набег на прибрежные деревни апторов. Редко окрестности озера появлялись так близко к цитадели, и Котильона это слегка беспокоило. Демоны этого мира, видимо, лишь выжидали. Они почти не обращали внимания на Престола Тени и жили, в целом, так, как сами того желали. А это обычно подразумевало свары, молниеносные нападения на соседей и грабёж.

Амманас вполне мог бы повелевать ими, если бы захотел. Однако почти никогда этого не делал, вероятно, чтобы не испытывать пределы их верности. Или, может, бог был слишком занят другими делами. Своими планами и интригами.

Дела обстояли неважно. *Перенапрягся, Амманас? Я не удивлён.* Котильон мог бы посочувствовать – и почти ему посочувствовал. Прежде чем напомнил себе, что Амманас почти все опасности навлек на себя сам. *И на меня, если уж на то пошло, – тоже.*

Тропы впереди лежали узкие, извилистые и неверные. Каждый шаг потребует предельной осторожности.

Да будет так. В конце концов, мы ведь уже делали это. И преуспели. В этот раз, конечно, на кон было поставлено куда больше. Быть может, слишком многое.

Котильон зашагал к изрытой равнине впереди. Через две тысячи шагов перед ним открылась тропа, уводящая в балку. Тени плясали меж грубых каменных стен. Не желали расступаться, извивались, точно водоросли на мелководе, опутывали его ноги.

Столь многое в этом мире утратило своё законное... место. Сутолока возникла в закутках, где собирались тени. Призрачные крики донеслись до его ушей, словно издали, голос мно-

жества утопающих. На лбу Котильона выступили капельки пота, и бог ускорил шаг, пока не миновал эту воронку.

Тропа взбиралась всё выше и вывела наконец на широкое плато. Когда покровитель убийц выбрался из балки, пристально глядя на далёкий круг стоячих камней, он почувствовал рядом чьё-то присутствие. Обернулся, чтобы увидеть, как вышагивает рядом с ним высокое скелетоподобное создание, облачённое в лохмотья. Не так близко, чтобы протянуть руку и дотронуться, но всё равно ближе, чем предпочёл бы сам Котильон.

– Идущий по Граням. Давно я тебя не видел.

– Не могу сказать о тебе того же, Котильон. Я иду по...

– Да, я знаю, – перебил Котильон, – ты идёшь по путям незримым.

– Для тебя. Но Псы не разделяют этого твоего недостатка.

Котильон нахмурился, глядя на странное создание, затем оглянулся и увидел в тридцати шагах позади Барена. Пёс опустил массивную голову к земле, глаза его мерцали багрово-алым.

– Он тебя выслеживает.

– Их это развлекает, я полагаю, – проговорил Идущий по Граням.

Некоторое время они шли молча, затем Котильон вздохнул:

– Ты искал меня? Чего ты хочешь?

– От тебя? Ничего. Но я вижу, куда ты направляешься, и желаю стать свидетелем.

– Свидетелем чего?

– Вашего разговора.

Котильон нахмурился:

– А если я бы предпочёл, чтобы ты ничего не слышал?

Вечная усмешка черепа на миг стала будто шире.

– В Тени невозможно спрятаться, Узурпатор.

«Узурпатор». Я бы давно убил этого ублюдка, если б он не был уже мёртв. Давно.

– Я тебе не враг, – проговорил Идущий по Граням, будто угадав мысли Котильона. –

Пока не враг.

– У нас и так более чем достаточно врагов, – продолжил Котильон. – И поэтому новых мы себе не желаем. К сожалению, поскольку мы не знаем ни твоих целей, ни побуждений, мы не можем и предвидеть, что оскорбит тебя. Посему – в интересах мира между нами – просвети меня.

– Этого я не могу сделать.

– Не можешь или не хочешь?

– Это твоя слабость, Котильон, а не моя. Твоя – и Престола Тени.

– Просто отличный ответ.

Идущий по Граням, казалось, обдумал саркастическое замечание Котильона, затем кивнул:

– Верно.

Давным-давно...

Они приблизились к стоячим камням. Ни одной перекладки в круге не осталось, лишь обломки усыпали склоны, словно давний взрыв в центре кольца разметал массивные глыбы – даже те валуны, что по-прежнему стояли, были наклонены наружу, будто лепестки цветка.

– Не самое приятное место, – заметил Идущий по Граням, когда они повернули направо, чтобы войти через главный вход – по аллее, ограждённой низкими, полусгнившими деревьями. Все стволы были перевернуты и тянули к небу остатки узловатых корней.

Котильон пожал плечами:

– Почти такое же приятное, как и всякое другое в этом мире.

– Можешь считать и так, раз не обладаешь моими воспоминаниями. Ужасные события – давно, очень давно, но эхо всё ещё живёт здесь.

– Тут мало остаточной силы, – проговорил Котильон, когда они подошли к двум самым крупным камнями и прошли между ними.

– Верно. Разумеется, на поверхности дело обстоит иначе.

– «На поверхности»? Что ты имеешь в виду?

– Стоячие камни, Котильон, всегда до половины вкопаны в землю. И создатели их редко не понимали важности этого обычая. Верхний мир – и нижний.

Котильон замер и оглянулся на перевёрнутые деревья.

– И то, что мы видим здесь – отдано нижнему миру?

– В некотором роде.

– А проявление верхнего мира должно находиться в каком-то ином Владении? Где путник увидит склонённые к центру камни и верхушки деревьев?

– Если только они не ушли целиком в землю или уже не истлели. Этот круг очень стар.

Котильон вновь повернулся и принялся разглядывать трёх драконов напротив: каждый лежал у основания стоячего камня, но массивные цепи уходили вглубь рыхлой земли, а не внутрь выветренной скалы. Кандалы на шеях и четырёх лапах, другая цепь обёрнута за плечами, охватывая крылья каждого дракона. И все цепи натянуты туго, чтобы ни один не мог пошевелиться, даже приподнять голову.

– Всё как ты сказал, Идущий по Граням, – пробормотал Котильон. – Неприятное место. Я и забыл.

– Всегда забываешь, – заметил Идущий по Граням. – Тебя одолевает восхищение. Такова остаточная сила в этом круге.

Котильон бросил на него быстрый взгляд:

– Я зачарован?

С тихим стуком костей скелет пожал плечами:

– Эта магия лишена цели, кроме той, которой достигает. Очарование... и забвение.

– Трудно в это поверить. У всякого чародейства есть цель.

Мертвец вновь пожал плечами:

– Они голодны, но не могут питаться.

Миг спустя Котильон кивнул:

– Значит, эти чары принадлежат драконам. Что ж, это я могу принять. Но что до самого круга? Сила его умерла? И если так, почему драконы до сих пор скованы?

– Не умерла, просто никак на тебя не действует, Котильон. Ибо ты – не его цель.

– Разумно.

Бог обернулся и увидел, как в круг вошёл Барен, обогнул полукругом Идущего по Граням, а затем сосредоточил внимание на драконах. Котильон увидел, как шерсть у Пса поднялась дыбом.

– Можешь ответить, – спросил он Идущего, – почему они не говорят со мной?

– Возможно, ты ещё не сказал им ничего, что стоило бы ответа.

– Возможно. Как ты думаешь, каков будет ответ, если я заговорю о свободе?

– Я здесь, – ответил Идущий по Граням, – чтобы узнать это.

– Ты читаешь мои мысли? – вкрадчиво спросил Котильон.

Огромная голова Барена медленно повернулась, глаза Пса смирли Идущего, и зверь сделал один шаг к нему.

– Таким всеведением я не обладаю, – спокойно ответил Идущий по Граням, словно и не заметил намерения Барена. – Хотя тебе могло бы так показаться. Но я существовал бессчётные века до тебя, Котильон. Все узоры мне ведомы, ибо они уже складывались несчётное множество раз. Учитывая, что ждёт нас всех, предсказать это было нетрудно. Особенно, учитывая твоё сверхъестественное чутьё. – Чёрные провалы глазниц Идущего словно разглядывали Котильона. – Ты ведь подозреваешь, что драконы стоят в сердце всего, что вскоре произойдёт?

Котильон указал на цепи:

– Они, наверное, дотягиваются отсюда до верхнего мира? А что это за Путь?

– Как ты думаешь? – парировал Идущий по Граням.

– Прочти мои мысли.

– Не могу.

– Значит, ты здесь потому, что отчаянно хочешь узнать, что я знаю или хотя бы подозреваю.

Молчание Идущего было достаточно красноречивым ответом. Котильон улыбнулся:

– Полагаю, я всё же не буду пытаться говорить с этими драконами.

– Но рано или поздно попытаешься, – отозвался Идущий. – И когда попытаешься, я буду здесь. Так зачем хранить молчание сейчас?

– Ну, я полагаю, затем, чтобы пораздражать тебя.

– Я существовал бессчётные века до тебя...

– Так что тебя уже раздражали, да, понимаю. И наверняка станут раздражать в будущем.

– Попытайся, Котильон. Вскоре, если не сейчас. Если, конечно, хочешь пережить предстоящие потрясения.

– Ладно. Если ты назовёшь мне имена этих драконов.

Ответил скелет явно неохотно:

– Как пожелаешь...

– И кто и почему сковал их здесь?

– Этого я не могу сказать.

Некоторое время они смотрели друг на друга, затем Идущий вскинул голову и заметил:

– Похоже, мы зашли в тупик, Котильон. Каково твоё решение?

– Ладно. Возьму, что могу.

Идущий по Граням повернулся к драконам:

– Это чистокровные. Элейнты. Ампелас, Кальсе и Элот. Преступление их... честлоубие. Преступление вполне распространённое. – Мертвец вновь обернулся к Котильону. – Быть может, даже заразное.

В ответ на этот прозрачный намёк Котильон лишь пожал плечами. Подошёл ближе к скованным зверям.

– Думаю, вы меня слышите, – тихо произнёс он. – Приближается война. Осталось всего несколько лет. И она втянет в себя практически всех Взшедших из всех Владений. Мне нужно знать, на чьей стороне будете биться вы, если вас освободить.

Полдюжины ударов сердца царя тишина, затем хриплый голос прозвучал в сознании Котильона:

– Ты пришёл сюда, Узурпатор, чтобы найти союзников.

Другой голос – явно женский – перебил его:

– Скованные данью благодарности за освобождение. Будь я на твоём месте, не стала бы рассчитывать на верность или преданность.

– Согласен, – кивнул Котильон, – это проблема. Предположим, вы потребуете, чтобы я освободил вас прежде, чем мы заключим договор.

– Это честно, – произнёс первый голос.

– Увы, я не слишком заинтересован в честности.

– Бошишься, что мы пожрём тебя?

– Ради краткости, – пояснил Котильон, – а ваш род, как я понимаю, весьма ценит краткость.

Затем заговорил третий дракон – глубоким, тяжёлым голосом:

– Раннее освобождение и вправду избавило бы нас от необходимости договариваться. К тому же мы голодны.

– Что привело вас в этот мир? – спросил Котильон.

Ответа не последовало. Покровитель убийц вздохнул:

– Моё желание освободить вас может стать сильнее – при условии, конечно, что я смогу это сделать – если я сочту, что вас сковали здесь несправедливо.

Драконница спросила:

– *И ты воображаешь, что сможешь рассудить?*

– Сейчас не лучший момент, чтобы проявлять вздорный нрав, – раздражённо ответил бог. – Тот, кто последним принимал такое решение, явно рассудил не в вашу пользу да ещё и сумел воплотить приговор в жизнь. Я подумал, что века в цепях могли подтолкнуть вас к тому, чтобы переосмыслить свои побуждения. Но, похоже, сожалеете вы лишь о том, что оказались слабее того, кто последним решил судить вас.

– *Да,* – ответила она. – *Об этом мы сожалеем. Но не только об этом.*

– Хорошо. Поведайте мне об остальном.

– *Мы сожалеем, что тисте анди, которые вторглись в этот мир, были столь тщательны в разрушении,* – проговорил третий дракон, – *и столь уверены в том, что престол должен оставаться пустым.*

Котильон медленно и глубоко вздохнул. Покосился через плечо на Идущего по Граням, но скелет молчал.

– И что же, – спросил Котильон у драконов, – так ожесточило их?

– *Отмщение, разумеется. И Аномандарис.*

– Ага, кажется, теперь я могу понять, кто пленил здесь вас троих.

– *Он нас почти убил,* – сказала драконница. – *Чрезмерная реакция с его стороны. В конце концов, лучше элейнты на Престоле Тени, чем очередной тисте эдур или, хуже того, узурпаторы.*

– А элейнты, выходит, не узурпаторы?

– *Твоё буквоедство нас не трогает.*

– *Это произошло до или после Раскола Владений Тени?*

– Бессмысленное разделение. Раскол продолжается и донныне, а что до сил, сговорившихся, чтобы подстроить его, то их много и суть их различна. Как стая энкар'алов, что бросается на раненую дриптаху. Уязвимое всегда привлекает... тех, кто им питается.

– Значит, – проговорил Котильон, – если вас освободить, вы вновь попытаетесь занять Престол Тени. Но на сей раз его уже занимает другой.

– *Истинность твоего утверждения можно оспорить,* – сказала драконница.

– Это спор о терминах, – *добавил первый дракон.* – Тени, которые отбрасывают другие тени.

– Вы считаете, что Амманас сидит на неправильном Троне Тени.

– *Истинный Престол стоит даже не в этом фрагменте Эмурланна.*

Котильон скрестил руки на груди и улыбнулся:

– А сам Амманас?

Драконы молчали, а затем он почувствовал – к своему огромному удовлетворению – их внезапное беспокойство.

– Это любопытное заявление, Котильон, – проговорил за спиной бога Идущий по Граням. – Или ты просто лицемеришь?

– Этого я не могу сказать, – ответил Котильон с лёгкой улыбкой.

Драконница заговорила:

– Я – Элот, Госпожа Иллюзий, по-вашему – Меанаса, и Мокры, и Тира. Претворительница Крови. Всё, что просил К'рул, я сделала. А теперь ты смеешь сомневаться в моей преданности?

– Ага, – кивнул Котильон, – значит, как я понимаю, вы знаете о неизбежной войне. А знаете ли вы, что ходят слухи о возвращении К'рула?

– *Кровь его отравляет зараза*, – сказал третий дракон. – *Я – Ампелас, который превратил Кровь в тропы Эмурланна. Чародейство тисте эдуров родилось из моей воли – теперь ты понимаешь, Узурпатор?*

– Что драконы склонны к грандиозным претензиям и громким заявлениям? Да, Ампелас, это я вполне понимаю. И что же? Я должен теперь заключить, что для всякого Пути – Старшего или Младшего – есть соответствующий дракон? Что вы – *оттенки* крови К'рула? А как же драконы-одиночники, такие как Аномандарис и, важнее, Скабандари Кровавый Глаз?

– *Мы*, – проговорил после паузы первый дракон, – *удивлены, что тебе известно это имя.*

– Потому что вы давным-давно его убили?

– *Плохая догадка, Узурпатор. Тем хуже, что ты открыл пределы своего невежества. Нет, мы не убивали его. В любом случае, душа его жива, хоть и испытывает муки. Та, чей кулак раздробил его череп и тем разрушил его тело, не служит ни нам, ни, как мы полагаем, кому-либо другому, кроме себя самой.*

– Значит, ты – Кальсе, – сказал Котильон. – Какой же Путь ты называешь своим?

– Громкие заявления я оставляю сородичам. Мне нет нужды производить на тебя впечатление, Узурпатор. Более того, мне приятно видеть, как мало ты на самом деле понимаешь.

Котильон пожал плечами:

– Я спросил об одиночниках. Скабандари, Аномандарисе, Оссерке, Олар Этил, Драконусе...

Позади заговорил Идущий по Граням:

– Котильон, ты ведь уже наверняка понял, что эти три дракона искали Трона Тени из благородных побуждений?

– Да, Идущий, чтобы исцелить Эмурланн. Это я понимаю.

– Разве ты сам не того же взыскуешь?

Котильон обернулся к скелету:

– В самом деле?

Идущий по Граням был, кажется, поражён, но в следующий миг чуть вскинул голову и сказал:

– Не исцеление тебя беспокоит, но – кто воссядет на Престол после.

– По моему разумению, – ответил Котильон, – когда драконы исполнили то, о чём просил К'рул, им приказали вернуться в Старвальд Демелейн. Им – как источникам всего чародейства – нельзя было позволять вмешиваться или активно действовать в мирах, иначе чародейство стало бы непредсказуемым, что, в свою очередь, подкармливало бы Хаос – вечного врага во всём этом грандиозном плане. Но одиночники создавали затруднение. В их жилах текла кровь Тиам, и благодаря этому они обладали огромной силой элейнтов. Но они могли странствовать, где заблагорассудится. Могли вмешиваться – и вмешивались. По понятным причинам. Скабандари был изначально эдуром, потому и стал их героем...

– *После того, как истребил эдурский королевский род!* – прошипела Элот. – *После того, как пролил драконью кровь в самом сердце Куральд Эмурланна! После того, как открыл первую, смертельную рану на этом Пути! Неужели он не понимал, что на самом деле есть врата?*

– Тисте анди приняли Аномандариса, – продолжил Котильон. – Тисте лиосаны – Оссерка. У т'лан имассов есть Олар Этил. Эти связи и рождённая ими верность – очевидны. Драконус – куда большая загадка, конечно, поскольку он долгое время отсутствовал...

– *Самый омерзительный из них!* – завопила Элот, и голос её так прогреготал в голове Котильона, что бог вздрогнул.

Отступив на шаг, он поднял руку:

– Избавьте меня от этого, прошу. Мне, честно говоря, всё это совершенно не интересно. Кроме того, что элейнтов и одиночников разделяет вражда. За исключением, быть может, Силаны...

– *Её соблазнил и очаровал Аномандарис!* – рявкнула Элот. – *И бесконечные мольбы Олар Этил...*

– Принести огонь в мир имассов, – закончил Котильон. – Это ведь её аспект, верно? Тир?

Ампелас заметил:

– Он не так мало понимает, как ты думал, Кальсе.

– С другой стороны, – продолжил Котильон, – ты ведь тоже претендуешь на Тир, Элот. Ах, умно поступил К'рул, вынудив вас разделить власть и силу.

– *В отличие от Тиам,* – проговорил Ампелас, – *когда нас убивают, мы остаёмся мёртвыми.*

– И это подводит меня к тому, что мне на самом деле нужно понять. Старшие боги – они ведь не просто все из одного мира, верно?

– *Разумеется.*

– И как давно они здесь?

– *Даже когда Тьма правила безраздельно,* – ответил Ампелас, – *существовали силы стихий. Неприметные и невидимые до прихода Света. Связанные лишь своими собственными законами. Природа Тьмы такова, что она правит лишь самою собой.*

– А Увечный Бог – из Старших?

Молчание.

Котильон заметил, что задержал дыхание. Он избрал извилистый путь к этому вопросу и многое узнал по дороге – столько всего, о чём следовало подумать, что разум его оцепенел от потрясения.

– Мне нужно знать, – сказал он, медленно переводя дух.

– Зачем? – спросил Идущий по Граням.

– Если он Старший, – ответил Котильон, – возникает следующий вопрос. Как можно убить стихийную силу?

– Ты нарушишь равновесие?

– Оно уже нарушено, Идущий! Этого бога сбросили на лицо мира. И сковали. Сила его разорвана в клочья и скрыта в крошечных, почти безжизненных Путях, но все они прикованы к миру, из которого пришёл я...

– *Не повезло этому миру,* – заметил Ампелас.

Чванливое презрение в этих словах задело Котильона за живое. Он глубоко вздохнул и молчал, пока не стих гнев. Затем вновь обратился к драконам:

– Из этого мира, Ампелас, он отравляет Пути. Все Пути. Вы сможете справиться с этим?

– *Будь мы свободны...*

– Будь вы свободны, – с жёсткой улыбкой перебил Котильон, – вы снова принялись бы преследовать свою прежнюю цель, и во Владениях Тени вновь пролилась бы драконья кровь.

– *Думаешь, вы с твоим приятелем-узурпатором на такое способны?*

– Вы сами это признали, – отозвался Котильон. – Вас можно убить, и если вас убить, вы не воскреснете. Неудивительно, что Аномандарис сковал вас троих. В упрямой глупости вы не знаете себе равных...

– Разбитый мир – слабейший из всех! Почему ты думаешь, что Увечный Бог воздействует через него?

– Спасибо, – тихо сказал Ампеласу Котильон. – Это я и хотел узнать.

Он повернулся и пошёл прочь из круга.

– Стой!

– Мы, – бросил через плечо бог, – ещё поговорим, Ампелас, прежде чем всё полетит в Бездну.

Идущий по Граням последовал за Котильоном.

Как только они вышли из каменного круга, скелет заговорил:

– Мне стоит пристыдить себя. Я недооценил тебя, Котильон.

– Это распространённая ошибка.

– Что будешь делать теперь?

– Зачем мне тебе это говорить?

Идущий по Граням не ответил сразу. Оба продолжали спускаться по склону, а затем вышли на равнину.

– Тебе стоит мне об этом сказать, – проговорил наконец скелет, – потому что я, возможно, захочу оказать тебе помощь.

– Это значило бы для меня намного больше, если бы я знал, кто... что... ты такое?

– Можешь считать меня... стихийной силой.

По телу Котильона пробежал холодок.

– Вот как. Хорошо, Идущий. Похоже, что Увечный Бог начал наступление на многих фронтах. Первый Престол т'лан имассов и Трон Тени беспокоят нас больше всего – по понятным причинам. И в этой борьбе мы одиноки – не можем даже положиться на Псов, учитывая какую власть над ними явили тисте эдуры. Нам нужны союзники, Идущий, и они нам нужны срочно.

– Ты только что бросил в круге трёх таких союзников...

– Союзники, которые не откусят нам головы, как только опасность минует.

– Ах, вот в чём дело. Хорошо, Котильон, я обдумываю это положение.

– Только не вздумай спешить.

– Здесь есть какое-то противоречие.

– Видимо, да, если совсем не понимать, что такое сарказм.

– Ты меня заинтересовал, Котильон. И это – редкостное событие.

– Я знаю. Ты существовал бессчётные века...

Слова Котильона стихли.

Стихийная сила. Похоже, и вправду существовал. Проклятье.

Столько было точек зрения, с которых можно рассматривать такую ужасающую необходимость, целые полки мотивов и побуждений, из которых изгонялись все оттенки морали. И Маппо Коротышку они просто ошеломляли, так что оставалась лишь печаль – чистая и холодная. Мозолистые ладони чувствовали, как медленно уходит из камней память ушедшей ночи, и скоро скала познает жестокость солнечного жара – её изъязвлённое, изрытое корнями подбрюшье, которое не видело солнца бессчётные тысячелетия.

Он переворачивал валуны. С рассвета уже шесть камней. Грубо отёсанные доломитовые плиты, под каждой из которых находил россыпь сломанных костей. Маленьких, окаменевших костей, хоть и раздробленных безысходным весом камня, но по-прежнему складывавшихся в цельные, насколько мог судить Маппо, скелеты.

Были, есть и всегда будут самые разные виды войн. Трелль понимал это, чувствовал в обожжённых, исполосованных шрамами глубинах своей души, так что даже не испытал потрясения, обнаружив останки яггутских детей. И ужас лишь краем коснулся его мыслей, оставив только самую старую подругу – печаль.

Чистую и холодную.

Войны, в которых солдат сражался с солдатом, чародей сходиллся с чародеем. Убийцы стояли в боевых стойках, и клинки ножей мерцали в ночи. Войны, в которых одни бились на стороне закона, а другие решительно избрали сторону беззакония; войны, в которых разумные

вышли против безумцев. Трелль видел, как за одну ночь вырастают в пустыне кристаллы, грань за гранью открывались, точно лепестки цветка, и Маппо казалось, что жестокость открывается точно так же. Один инцидент вёл к другому, а из них вспыхивало жаркое пламя, поглощавшее всё и вся на своём пути.

Маппо отнял ладони от нижней стороны валуна и медленно поднялся. Оглянулся на своего спутника, который по-прежнему бродил по колено в воде у берега моря Рараку. Точно ребёнок, открывший для себя новое, неожиданное удовольствие, он плескался, трогал руками тростник, явившийся словно из воспоминаний самого моря.

Икарий.

Мой кристалл.

Когда пламя поглощало даже детей, пропадало различие между разумными и безумцами. Маппо знал этот свой недостаток: стремление отыскать, понять правду каждой стороны, постичь мириад оправданий для самых зверских преступлений. Имассов поработили коварные яггутские Тираны, привели их к ложной вере, заставили совершать неопишуемые, чудовищные вещи. Но затем они раскрыли обман. И свершили возмездие – сначала против самих Тиранов, затем против всех остальных яггутов. И кристалл рос, грань за гранью...

И дошло до такого... Трелль вновь посмотрел на детские кости. Под доломитовыми глыбами. Не известняковыми, ибо на доломите было легче вырезать знаки: мягкий камень вбирал их силу и разрушался медленнее, чем обычный известняк. И глыба сохранила знаки, сглаженные и поблекшие за тысячи лет, но всё равно различимые.

Мощь заклятий держалась, хотя те, кого они связывали, уже давно умерли.

Говорят, доломит хранит воспоминания. Таково было, во всяком случае, поверье треллей, народа Маппо, который часто встречал на своих кочевых путях подобные сооружения имассов, наспех созданные гробницы, священные круги, обзорные камни на вершинах холмов, – встречал, чтобы затем тщательно избегать. Ибо мрачная сила таких мест была физически ощутимой.

Так мы себе говорили.

Маппо сидел здесь, на берегу моря Рараку, посреди места древнего преступления, но не чувствовал ничего, кроме отзвуков собственных мыслей. Камень, к которому он прижимал ладони, хранил лишь самые недавние воспоминания. Холод темноты, жар солнца. Лишь их и ничего больше.

Недавние воспоминания.

Послышался плеск – Икарий выбрался на берег. Глаза ягга светились от удовольствия.

– Достойнейшая награда, а, Маппо? Эти воды меня оживили. Отчего ты не хочешь испугаться и тем принять благословенный дар Рараку?

Маппо улыбнулся:

– Это благословение быстро сотрётся с моей старой шкуры, друг мой. Боюсь, безнадёжное дело тратить на меня бесценные дары, так что не рискну разочаровать новопробуждённых духов.

– Я чувствую, – проговорил Икарий, – словно поиск мой начинается заново. И я наконец узнаю истину. Узнаю, кто я. И что совершил. И узнаю также, – добавил он, подходя, – причину твоей дружбы, того, что всегда ты рядом со мною, хоть я вновь и вновь теряю себя. О, боюсь, я обидел тебя – нет, прошу, не печалься! Я просто не понимаю, зачем ты столь полно жертвуешь собой. Из всех возможных видов дружбы этот, должно быть, для тебя самый разочаровывающий.

– Нет, Икарий, нет никакой жертвы. И разочарования нет. Просто мы – это мы, и так мы живём. Вот и всё.

Икарий вздохнул и отвернулся, чтобы окинуть взглядом новорожденное море.

– Мне бы твоё спокойствие духа и ясность мыслей, Маппо...

– Здесь погибли дети.

Ягг быстро обернулся, взгляд его зелёных глаз впился в землю рядом с треллем.

– Я видел, как ты переворачивал камни. Да, вижу останки. Кем они были?

Прошлой ночью кошмар стёр память Икария. В последнее время это происходило всё чаще. Тревожно и... тяжело.

– Яггугами. Следы войны с т'лан имассами.

– Ужасное деяние, – проговорил Икарий.

Солнце уже начало испарять капельки воды с его безволосой, серо-зелёной коже.

– Как же могут смертные столь бесцеремонно относиться к жизни? Взгляни на это пресноводное море, Маппо. Новорожденное побережье кипит нежданной жизнью. Птицы, насекомые и новые растения – столько радости открывается здесь, друг мой, что у меня разрывается сердце.

– Бесконечные войны, – сказал Маппо. – Жизни борются друг с другом, каждая пытается оттолкнуть остальных, чтобы одержать окончательную победу.

– Нынче утром ты мрачный спутник, Маппо.

– О да, правда. Прости, Икарий.

– Задержимся здесь?

Маппо присмотрелся к другу. Без верхней одежды он казался более диким, более варварским, чем обычно. Краска, которой ягг маскировал цвет своей кожи, уже почти выцвела.

– Как пожелаешь. Это ведь твоё странствие.

– Знание возвращается, – проговорил Икарий, не сводя глаз с моря. – Дар Рараку. Мы стали свидетелями явления вод здесь, на западном берегу. Значит, дальше к западу будет река, и множество городов...

Глаза Маппо сузились.

– Только один достойный такого названия, – заметил трелль.

– Всего один?

– Остальные обезлюдели тысячи лет тому, Икарий.

– Н'карафал? Требур? Инаг'ан Мерусин? Все погибли?

– Инаг'ан Мерусин называется теперь Мерсином. Последний великий город на реке.

– Но их было так много, Маппо. Я помню их названия. Винит, Хэдори-Куил, Трамара...

– Все они проводили масштабную ирригацию, выводили речные воды на равнину. Все вырубали леса, чтобы строить корабли. Это ныне мёртвые города, друг мой. А река, воды которой были некогда столь чистыми и сладкими, теперь отяжелела от ила и почти пересохла. Равнины потеряли верхний слой почвы, превратившись в Лато-одан к востоку от реки Мерсин и Угарат-одан – к западу.

Икарий медленно поднял руки, прижал ладони к вискам и закрыл глаза.

– Так давно, Маппо? – с дрожью в голосе прошептал он.

– Быть может, море пробудило эти воспоминания. Ибо тогда оно тоже было морем, по большей части пресным, хотя солёные воды просачивались через известняковое нагорье из бухты Луншань – каменная стена разрушалась, как она разрушится вновь, я полагаю, если море дойдёт на севере до своих прежних берегов.

– А Первая империя?

– Она угасала уже тогда. И не оправилась. – Маппо помедлил, видя, как его слова ранят друга. – Но люди вернулись в эти земли, Икарий. Семь Городов. Да, название родилось из старинных воспоминаний. Из древних развалин взошли новые города. Мы всего в сорока лигах от одного из них. Лато-Ревая. Он на побережье...

Икарий вдруг резко обернулся.

– Нет, – сказал ягг. – Я ещё не готов уплыть, пересечь океан. Эта земля скрывает тайны – мои тайны, Маппо. Быть может, древность моих воспоминаний окажется нам на руку. Земли

в моей памяти – это земли моего прошлого, и в них я могу обрести истину. Мы пойдём по этим древним дорогам.

Трелль кивнул:

– Тогда я сверну лагерь.

– Требур.

Маппо повернулся, подождал с нарастающим в душе ужасом.

Глаза Икария были теперь устремлены на трелля, вертикальные зрачки сузились в чёрные щёлки от яркого солнечного света.

– Я помню Требур. Я провёл много времени там, в Городе Куполов. Я что-то сделал. Что-то важное. – Ягт нахмурился. – Я сделал... что-то.

– Тогда нас ждёт тяжёлое странствие, – проговорил Маппо. – Три, может, даже четыре дня пути до Таласских гор. Ещё десять, по меньшей мере, чтобы добраться до течения реки Мерсин. Русло ушло от того места, где стоял древний Требур. Ещё день ходу на запад от реки, чтобы увидеть его развалины.

– А деревни или иные поселения на нашем пути будут?

Маппо покачал головой:

– Ныне эти оданы почти обезлюдели, Икарий. Изредка с Таласских гор спускаются племена ведаников, но не в это время года. Держи лук наготове – тут водятся антилопы, зайцы и дролиги.

– Значит, есть источники?

– И я их знаю, – сказал Маппо.

Икарий подошёл к своим вещам.

– Мы ведь уже это делали, да?

Да.

– Давно уже мы не ходили этой тропой.

Почти восемьдесят лет прошло. Но когда мы наткнулись на руины в прошлый раз, ты ничего не помнил. Боюсь, сейчас всё будет иначе.

Икарий остановился, сжимая в руках укреплённый рогом лук, и посмотрел на Маппо:

– Ты так терпелив со мной, – проговорил он со слабой, грустной улыбкой, – а я всё брожу, потерянный и заблудший.

Маппо пожал плечами:

– Так мы живём.

Далеко на юге горизонт закрывали горы Пат'апур. Они покинули город Пан'потсун почти неделю тому, и с каждым днём количество деревень на пути уменьшалось, а расстояние между ними увеличивалось. Шли мучительно медленно, но того и следовало ждать, путешествуя пешком да ещё и с безумцем в отряде.

Под слоем пыли загоревшая кожа демона Серожаба казалась оливковой, когда он выбрался на валун и присел рядом с Резчиком.

– Объявление: говорят, что пустынные осы охраняют драгоценные камни и другие сокровища. Вопрос: Резчик слышал такие рассказы? Выжидательная пауза.

– Больше похоже на чью-то глупую шутку, – ответил Резчик.

Внизу открывалась небольшая площадка, ограждённая каменными выступами. Там они разбили лагерь. Силлара и Фелисин Младшая сидели на виду, возились с походным очагом. Безумца нигде не было видно. «Опять куда-то забрёл, – подумал Резчик. – С призраками разговаривает, а вероятней того – с голосами у себя в голове». Нет, конечно, Геборик нёс свои проклятья, был отмечен полосами тигра на коже, благословением бога войны, и голоса эти, вполне возможно, реальны. Но всё равно, если много раз сломить человека...

– *Запоздалое наблюдение: Личинки в глубинах гнёзд. Или ульев? Задумчиво: Ульев? Гнёзд.*

Нахмурившись, Резчик покосился на демона. Плоская, безволосая голова и широкое четырёхглазое лицо сильно опухли от укусов ос.

– Ты же не... О да.

– *Ярость – их обычное состояние, как я теперь думаю. И когда их убежище разбилось, они больше разъярились. Мы сошлись в жужжащем бою. И, видимо, мне пришлось хуже, чем им.*

– Чёрные осы?

– *Склонить голову, вопрос: Чёрные? Испуганный ответ: Ну да, а что? Чёрные. Риторический вопрос: А это было важно?*

– Радуйся, что ты – демон, – сказал Резчик. – Если взрослого мужчину ужалят две или три таких осы, он умирает. Десять укусов убивают лошадь.

– Лошади – у нас они были... у вас были. Мне пришлось бежать. Лошади. Большие четвероногие животные. Сочное мясо.

– Люди на них ездят верхом, – сообщил Резчик. – Пока они не падут. А потом мы их едим.

– *Многообразная польза – великолепно, безотходно. А ваших мы съели? Где можно найти других?*

– *У нас нет денег, чтобы их купить, Серожаб. А своих лошадей мы продали в Пан'потсуне, чтобы купить припасы.*

– Настойчивая прагматичность. Нет денег. Значит, нужно отобрать, мой юный друг. И так ускорить странствие – и привести его к долгожданному завершению. Тонем выразить слабую степень отчаяния.

– По-прежнему нет вестей от Л'орика?

– *Встревожено: Нет. Мой брат молчит.*

Некоторое время оба молчали. Демон покусывал шелушащиеся губы, к которым, как заметил, присмотревшись, Резчик, прилипли раздавленные осы. Серожаб съел осиное гнездо. Неудивительно, что осы разъярились. Резчик поскрёб щеку. Нужно побриться. И вымыться. И найти чистую, новую одежду.

И цель в жизни. Когда-то, давным-давно, когда он был ещё Крокусом Новичком из Даруджистана, дядя начал было готовить новый путь для Крокуса. Юноши-придворного, многообещающего молодого человека, привлекательного для молодых, богатых и избалованных дам города. Это устремление долго не продержалось. Его дядя умер, как умер и сам Крокус Новичок. Не осталось даже праха, который можно было бы развеять.

Я уже не то, чем был прежде. Два человека с одинаковыми лицами, но разными глазами. Разными в том, что они видели, в том, что отражают в ответ миру.

– *Горький вкус,* – проговорил в его мыслях голос Серожаба, когда длинный язык собрал с губ последние кусочки насекомых, а сам демон тяжело вздохнул. – *Но та-а-ак питательно. Вопрос: Можно лопнуть от того, что внутри слишком много?*

Надеюсь, что нет.

– Давай лучше найдём Геборика, если хотим с пользой потратить этот день.

– *Приметил раньше. Призрачные Руки пошёл обследовать скалы наверху. След тропы повёл его вперёд и вверх.*

– Тропы?

– *Вода. Он искал исток ручья, который мы видим внизу, рядом с мясистыми женицами, которые, сказано с завистью, так тобой восхищаются.*

Резчик поднялся:

– Мне они не кажутся такими уж мясистыми, Серожаб.

– *Любопытство. Горы плоти, водохранилища – на бёдрах и сзади. На груди...*

– А понял. В этом смысле мясистые. Слишком уж ты плотоядный, демон.

– *Да. Полное и совершенное согласие. Мне пойти за Призрачными Руками?*

– Нет, я сам. Думаю, всадники, которые обогнали нас на дороге вчера, не так далеко, как следовало бы ожидать, и я бы хотел, чтобы ты охранял Скиллара и Фелисин.

– *Никто их не отберёт*, – заявил Серожаб.

Резчик покосился на скорчившегося на камне демона:

– Скиллара и Фелисин – не лошади.

Большие глаза Серожаба медленно моргнули – сперва те, что располагались рядом, затем пара сверху и снизу. Язык метнулся вперёд.

– *Блаженно: Конечно, не лошади. Недостаточное количество ног, как было вовремя замечено.*

Резчик отступил к краю валуна, затем прыгнул на соседний в осыпи, ухватился за край, подтянулся и выбрался на него. Это занятие мало чем отличается от того, чтобы карабкаться на балконы или стены усадеб. *Восхищаются мной, значит?* В это было трудно поверить. Смотреть на него, конечно, приятнее, чем на старика или демона, но вот восхищение – это перебор. Он этих женщин совершенно не мог понять. Ссорятся, точно сёстры, соревнуются во всём, состязаются в вещах, которые Резчик не мог ни понять, ни заметить. А в следующий миг – очень близки, словно у них общий секрет. И обе носятся с Гебориком, Дестриантом Трича.

Может, войне нужны няньки. Может, богу это нравится. Жрецам нужны послушницы, верно? Этого, наверное, стоит ожидать от Скиллары, поскольку Геборик вытащил её из ужасного существования да ещё и исцелил каким-то непонятным образом – если Резчик вообще правильно понял по обрывкам фраз, которыми они обменивались. Скилларе было за что благодарить старика. В случае с Фелисин дело было, скорее, в отмщении, свершённом к её полному удовлетворению против человека, который ужасно с ней обошёлся. Всё сложно. *Итак, минутку подумать, и становится ясно, что у них есть секреты. И слишком много. А мне-то что за дело? Женщины – просто месиво противоречий, окружённое смертоносными ямами и провалами. Подходи на свой страх и риск. А лучше – держись подальше.*

Он добрался до колодца в склоне и начал карабкаться вверх. Вода стекала по вертикальным трещинам в скале. Вокруг вились мухи и другие крылатые насекомые; углы колодца густо заплели паутиной хитрые пауки. Когда Резчик выбрался наверх, его уже здорово покусали, а руки и ноги покрыли толстые грязные нити. Юноша задержался, чтобы очистить одежду, а затем огляделся. Тропа вела наверх, вилась среди скал. Он двинулся вперёд.

В таком бессистемном, неразмеренном темпе им идти до побережья многие месяцы. А там ещё придётся искать корабль, который отвезёт их на Отатараловый остров. Запретное плавание, к тому же воды вокруг острова тщательно патрулируют малазанцы. Точнее, патрулировали до восстания. Вполне возможно, они ещё не успели восстановить охрану.

В любом случае, начинать путь нужно ночью.

Геборик должен был что-то вернуть. Что-то найденное на острове. Всё это было очень запутано. А Котильон почему-то захотел, чтобы Резчик сопровождал Дестрианта. Точнее, защищал Фелисин Младшую. *Путь туда, куда прежде не было пути.* В общем, это была не лучшая мотивация. Бегство от отчаяния – жалкая попытка, особенно учитывая её безуспешность.

Восхищаются, говоришь? Да чем же тут восхищаться?

Впереди послышался голос:

– Всё загадочное – приманка для любопытных. Я слышу твои шаги, Резчик. Подойди и взгляни на эту паучиху.

Резчик обогнул скалу и увидел Геборика, который стоял на коленях перед дубовым пнём.

– И если к приманке добавить боль и уязвимость, она становится стократ привлекательней. Видишь эту паучиху? Под веткой? Дрожит в паутине, одна нога сломана, дёргается, будто от боли. Ибо добыча её не мухи и не мотыльки. О нет, она охотится на других пауков!

– Которым глубоко плевать на боль и загадочность, Геборик, – возразил Резчик, присаживаясь рядом, чтобы рассмотреть паука – размером с ладонь ребёнка. – Это не её нога. Это костыль!

– Ты вообразил, будто другие пауки умеют считать. Она знает, что нет.

– Всё это очень интересно, – сказал, поднимаясь, Резчик, – но нам пора выходить.

– Мы все смотрим, как завершится игра, – произнёс Геборик, разглядывая свои странные, пульсирующие руки с когтями, которые то появлялись, то исчезали на культах.

Мы? Ах да, ты и твои невидимые друзья.

– Вот уж не думал, что в этих холмах много призраков.

– И ошибся. Местные племена. Бесконечные войны – лишь тех, кто пал в битве, я вижу лишь их. – Призрачные ладони сжались и разжались. – Исток ручья рядом. Они бились за контроль над ним. – Жабье лицо Геборика сморщилось. – Всегда есть причина. Или причины. Всегда.

Резчик вздохнул, посмотрел на небо:

– Я знаю, Геборик.

– Знание ничего не значит.

– И это я тоже знаю.

Геборик поднялся:

– Величайшее утешение Трича – понимание того, что всегда есть бесконечное множество причин для войны.

– А тебя это тоже утешает?

Дестриант улыбнулся:

– Идём. Демон, что говорит с нами в мыслях, одержим плотью. У него даже слюнки текут.

Оба пошли обратно по тропе:

– Он их не съест.

– Не уверен, что именно такова природа его желания.

Резчик фыркнул:

– Геборик! Серожаб – четверорукий, четвероглазый лягушонок-переросток.

– С на удивление безграничным воображением. Скажи, много ты о нём знаешь?

– Меньше твоего.

– До сего дня, – сказал Геборик, подводя Резчика к более долговому, но менее опасному пути вниз, чем тот, которым воспользовался даруджиец, – мне не приходило в голову, что мы почти ничего не знаем о том, кем был Серожаб и чем занимался в своём родном мире.

Таких долгих периодов вменяемости с Гебориком давно не случалось. Резчик в глубине души надеялся, что если что-то изменилось, то так и останется.

– Можем его расспросить.

– Так и сделаю.

В лагере Скиллара забросала песком последние угли в костре. Подошла к своему заплечному мешку и села, опершись на него спиной, а затем добавила ржавого листа в трубку и потянула воздух, пока не появился дымок. Рядом, напротив Фелисин, уселся Серожаб и принялся странно поскуливать.

Так долго она почти ничего не видела. Укуривалась до бесчувствия дурхангом, лелеяла инфантильные мысли подброшенные прежним хозяином, Бидиталом. Теперь она освободилась и широко открытыми глазами взидала на все сложности мира. Демон, похоже, хочет Фелисин. То ли сожрать, то ли совокупиться – тут уж трудно разобрать. А сама Фелисин относится к Серожабу как к псу, которого проще погладить, чем пнуть. И демон мог себе из-за этого навоображать боги ведают чего.

С другими он говорил в мыслях, но к Скилларе ещё ни разу не обращался. Из вежливости те, с кем он беседовал, отвечали вслух, хотя, разумеется, это было необязательно – да они, наверное, чаще и отвечали молча. Скилларе-то откуда знать. Она не понимала, почему демон выделил её, что увидел в ней такого, что напрочь лишало его разговорчивости?

Что ж, яд действует медленно. Может быть, я... невкусная. В прежней жизни она бы почувствовала обиду или подозрение, если бы вообще хоть что-то почувствовала. Но сейчас ей было, в общем-то, всё равно. Что-то в ней формировалось, становилось самостоятельным и, как ни странно, самоуверенным.

Наверное, это связано с беременностью. Ещё почти незаметной, но дальше будет только хуже. И на этот раз не будет алхимических эликсиров, чтобы вытравить из неё семя. Оставались, конечно, иные средства. Она ещё не решила, сохранить ли ребёнка, отцом которого был, вероятнее всего, Корболо Дом, но, может, и один из его подручных или ещё кто. Впрочем, не важно, поскольку отец ребёнка почти наверняка уже мёртв, и эта мысль доставляла Скилларе радость.

Постоянная тошнота её изматывала, но хоть ржавый лист помогал немного. Груды ныли, и от их веса болела спина. Это было неприятно. Ела она теперь за двоих, и начала полнеть, особенно на бёдрах. Остальные просто решили, что все эти изменения вызваны постепенным выздоровлением – она уже неделю не кашляла, а ноги укрепились от постоянной ходьбы – и Скиллара не собиралась их разуверять.

Ребёнок. Что с ним потом делать? Чего он от неё будет ждать? Что вообще делают с детьми матери? *Продают, по большей части. Храмам, работягам или евнухам из гаремов, если родится девочка. Или можно его оставить и научить попрошайничать. Красть. Торговать собой.* Такие заключения она сделала, основываясь на том, что видела сама, и рассказах беспризорников из лагеря Ша'ик. В общем, выходило, что ребёнок – это своего рода инвестиция. Это разумно. Процент за девять месяцев страданий и неудобств.

Наверное, можно и так поступить. Продать его. Если, конечно, она не вытравит его раньше.

Вот уже дилемма, но времени полно, чтобы её хорошенько обдумать. И принять решение.

Серожаб повернул голову и посмотрел куда-то за спину Скилларе. Та обернулась и увидела, как четверо мужчин появились и замерли на краю площадки. Четвёртый вёл в поводу лошадей. Всадники, что обогнали их вчера. Один из них держал в руках взведённый арбалет, направленный на демона.

– И лучше, – прорычал один из мужчин, обращаясь к Фелисин, – держи эту проклятую тварь подальше от нас.

Его приятель расхохотался:

– Четвероглазый пёс. Да, женщина, возьми-ка его на привязь... живо! Мы не хотим проливать кровь. Точнее, – добавил он, – не хотим проливать больше, чем нужно.

– Где двое мужчин, которые с вами были? – спросил человек с арбалетом.

Скиллара отложила трубку.

– Не здесь, – ответила она, поднимаясь и поправляя тунику. – Делайте то, зачем пришли, и уходите.

– Вот это правильный подход. А ты, собачница, будешь такой же разумной, как твоя подружка?

Фелисин молчала. Она побелела.

– Не обращайтесь на неё внимания, – сказала Скиллара. – Меня на всех хватит.

– А может, по нашему счёту и не хватит, – осклабился арбалетчик.

Улыбочка даже не самая уродливая, решила Скиллара. У неё всё получится.

– Придётся тогда мне вас удивить.

Мужчина передал арбалет одному из своих товарищей и расстегнул пояс телабы.

– Это мы посмотрим. Гутрим, если пёс хоть шелохнётся, убей его.

– Он побольше всех собак, каких я видел, – заметил Гутрим.

– Стрела-то отравлена, забыл? Ядом чёрной осы.

– Может, просто убить его сейчас же?

Его спутник подумал и кивнул:

– Валяй.

Лязгнул арбалет.

Правая рука Серожаба перехватила стрелу в воздухе, затем демон осмотрел её и слизнул языком яд с острия.

– Побери меня Семеро!.. – ошеломлённо прошептал Гутрим.

– Слушай, – сказала Скиллара Серожабу, – не устраивай тут сцен. Всё в порядке...

– Он не согласен, – ломким от страха голосом сообщила Фелисин.

– *Так переубеди его.*

У меня всё получится. Как раньше. Не важно, это ведь просто мужчины.

– Не могу, Скиллара.

Гутрим перезаряжал арбалет, а первый мужчина и тот, что не был занят лошадьми, обнажили скимитары.

С ужасной скоростью Серожаб рванулся вперёд, а затем прыгнул вверх, широко распахнув пасть. Которая одним махом охватила голову Гутрима. Нижняя челюсть демона выскочила из сустава, и голова человека полностью скрылась из виду. Вес и сила прыжка Серожаба повалили его. Послышался жуткий хруст, тело Гутрима забилося в конвульсиях, разбрызгивая естественные выделения, а затем обмякло.

Челюсти Серожаба сомкнулись с треском и скрежетом, затем демон отступил, оставив на земле обезглавленный труп.

Остальные трое потрясённо смотрели на эту сцену. Теперь они принялись действовать. Первый закричал – придушенно, с ужасом – и рванулся вперёд, замахиваясь скимитаром.

Выплюнув изломанную, кровавую массу волос и костей, Серожаб прыгнул ему навстречу. Одной ладонью перехватил руку с саблей, вывернул её так, что локоть хрустнул, плоть разорвалась и хлынула кровь. Другая ладонь сомкнулась на горле человека, сжалась, ломая хрящи. Вопль нападавшего так и не вырвался из лёгких. Глаза выкатились из орбит, лицо посерело, язык вывалился изо рта, точно невиданное животное, что пытается вырваться на волю, и человек рухнул под ноги демону. Удерживая третьей ладонью другую руку, Серожаб использовал четвёртую, чтобы почесать спину.

Мужчина с саблей ринулся к своему товарищу, который уже пытался забраться в седло.

Серожаб снова прыгнул. Кулак демона с хрустом врезался в затылок бегущего, проламывая череп внутрь. Тот растянулся на земле, сабля закувыркалась в воздухе. Последнего Серожаб настиг, когда тот уже вставил одну ногу в стремя.

Лошадь с визгом отшатнулась, а Серожаб стащил человека на землю, а затем укусил его за лицо.

В следующий миг вся голова скрылась в пасти демона. Снова послышался скрежет и хруст, снова судороги и агония. Затем – милосердная смерть.

Демон выплюнул раздробленный череп, который болтался в мешке из кожи, бывшем прежде головой. Он упал так, что Скиллара взглянула в мёртвое лицо – ни плоти, ни глаз, только кожа сморщенная и синюшная. Она ещё миг смотрела на голову, а затем усилием воли заставила себя отвернуться.

И увидела Фелисин, которая отступила так далеко, как только смогла, прижалась спиной к скале, поджала колени и закрыла ладонями глаза.

– Уже всё, – сказала Скиллара. – Фелисин, всё кончилось.

Девушка опустила руки, на лице её застыло выражение ужаса и отвращения.

Серожаб поволок тела куда-то за грудь валунов, причём быстро. Не обращая внимания на демона, Скиллара подошла к Фелисин и присела рядом.

– Будь по-моему, всё было бы проще, – сказала она. – По крайней мере, не так грязно.

Фелисин смотрела на неё широко распахнутыми глазами:

– Он высосал им мозги.

– Я заметила.

– Он сказал: «Вкуснотища».

– Он демон, Фелисин. Не пёс, не домашний зверёк. Демон.

– Да, – еле слышно прошептала девушка.

– И теперь мы знаем, на что он способен.

Фелисин только кивнула.

– Поэтому, – тихонько проговорила Скиллара, – не стоит с ним слишком сближаться.

Она поднялась и увидела, как с холма спускаются Резчик и Геборик.

– *Триумф и гордость! У нас есть лошади!*

Резчик замедлил шаг:

– Мы слышали крик...

– Лошади, – проговорил Геборик, подходя к перепуганным животным. – Вот это удача.

– *Невинным тоном: Крик? Нет, друг Резчик. Это просто Серожаб... пускал ветры.*

– Ну да, конечно. А лошади просто сами собой сюда забрели?

– *Уверенно: Да! Удивительное дело!*

Резчик наклонился, чтобы рассмотреть странные потёки в пыли. Рядом виднелись отпечатки ладоней Серожаба, который явно пытался замаскировать следы.

– Это кровь...

– *Потрясение, смятение... сожаление.*

– Сожалеешь? О том, что здесь произошло, или о том, что тебя вывели на чистую воду?

– *Лукаво: Ну, разумеется, о первом, друг Резчик.*

Скривившись, Резчик перевёл взгляд на Скиллару и Фелисин, присмотрелся к выражениям их лиц.

– Думаю, – медленно произнёс юноша, – мне стоит радоваться, что я не был здесь и не видел того, что вы обе видели.

– Да, – ответила Скиллара. – Радуйся.

– Лучше держись на некотором расстоянии от животных, Серожаб, – окликнул демона Геборик. – Они и меня недолюбливают, а тебя – просто ненавидят.

– *Самоуверенно: Они ещё просто со мной толком не познакомились.*

– Я бы такое даже крысе не дала, – презрительно бросила Улыбка, ковыряясь в кусочках мяса в оловянной миске, которую держала на коленях. – Смотрите, даже мухи на него не садятся!

– Они не от еды улетают, – заметил Корик, – а от тебя.

Она насмешливо ухмыльнулась:

– Это называется «уважение». Знаю-знаю, для тебя это слово иностранное. Сэтийцы – это просто неудачная версия виканцев. Все это знают. А ты – неудачная версия сэтийца. – Она подняла миску и толкнула по песку в сторону Корика. – На! Засунь в свои полукровские уши да сбереги на будущее.

– Она такая милая после целого дня в седле, – с широкой белозубой улыбкой сообщил Корик Битуму.

– Будешь дальше её подначивать, – сказал капрал, – сам же потом пожалеешь.

Он тоже разглядывал содержимое своей миски, и обычно невозмутимое выражение сменилось на его лице лёгкой гримасой омерзения.

– Кони́на, точно вам говорю.

– Конское кладбище раскопали, – предположила Улыбка, вытягивая ноги. – Убить готова за жирную рыбину, запечённую в глине на углях, где-нибудь на берегу моря. Жёлтую от пряностей, завернутую в водоросли. И кувшин мескерского, и ещё достойного паренька из деревни. Крепкого такого фермера...

– Худова песня, хватит! – взревел Корик. Он наклонился и сплюнул в огонь. – Ты одну только историю знаешь – как подмяла какого-то свинопаса с пушкой на щеках. Проклятье! Улыбка, мы её уже тысячу раз слышали. Как ты по ночам убегала из отцовского поместья, чтоб ладони да колени перепачкать на берегу. Где это было, напомни? Ах да, запомнил, в воображении маленькой девочки...

Нож вонзился в правую икру Кори́ка. Тот взвыл, отпрянул, а затем схватился за ногу.

Солдаты из соседних взводов начали оборачиваться, щурясь в затопившей весь лагерь пыли. Любопытство их, впрочем, оказалось недолговечным.

Корик разразился потоком грязных ругательств, пытаясь обеими руками остановить кровь, и Флакон поднялся со своего места:

– Видишь, чем всё заканчивается, когда взрослые нас оставляют поиграть самих? Не дёргайся, Корик, – добавил он, подойдя ближе, – я тебя подлатаю... много времени не займёт...

– Поторопись, – проревел в ответ сэтиец-полукровка, – чтобы я быстрее смог горло перерезать этой сучке.

Флакон оглянулся через плечо на женщину, затем наклонился поближе к Кори́ку:

– Полегче. Она малость побледнела. Не попала, значит...

– Так куда ж она на самом деле целилась?!

Капрал Битум поднялся на ноги и сказал, качая головой.

– Смычок будет тобой недоволен, Улыбка.

– Он ногой дёрнул...

– А ты в него метнула нож.

– Он меня обозвал «маленькой девочкой». Спровоцировал.

– Не важно, как это всё началось. Попробуй извиниться: может, Кори́ку того и хватит...

– Ещё чего, – буркнул Корик. – Скорей Худ уляжется в собственную могилу.

– Флакон, ты кровь остановил?

– Почти, капрал.

Флакон бросил нож в сторону Улыбки. Мокрый клинок упал к её ногам.

– Вот спасибо, Флакон, – возмутился Корик. – Теперь она может ещё разок попробовать.

Нож вонзился в землю между сапогами полукровки.

Все взгляды впились в Улыбку.

Флакон облизал губы. Лезвие пролетело слишком близко от его левой руки.

– Я туда целилась, – сообщила Улыбка.

– Ну, что я тебе говорю? – до странности высоким голосом спросил Корик.

Флакон глубоко вздохнул, чтобы замедлить отчаянное сердцебиение. Битум подошёл и выдернул нож из земли.

– Думаю, пока пусть побудет у меня.

– Плевать, – бросила Улыбка. – У меня других полно.

– И ты их из ножен доставать не будешь.

– Так точно, капрал. Пока меня никто не провоцирует.

– Она чокнутая! – пробормотал Корик.

– Она не чокнутая, – возразил Флакон. – Просто скучает по...

– Какому-то юному фермеру из деревни, – ухмыляясь, закончил Корик.

– Двоюродный братец её, небось, – добавил Флакон, правда так тихо, чтобы расслышал только Корик.

Тот расхохотался.

Ну, вот и всё. Флакон вздохнул. Ещё один опасный миг на бесконечном марше миновал, и пролилось лишь чуть-чуть крови. Четырнадцатая армия устала. Извелась. Сама себе опостылела. Её лишили возможности принести возмездие Ша'ик и убийцам, насильникам и головорезам, что следовали за ней, а теперь гнали в медленную погоню за последними остатками армии бунтовщиков по разрушенным, пыльным дорогам, по безводным, иссушенным землям, через пыльные бури и вихри. Четырнадцатая ждала развязки. Она жаждала крови, но до сих пор кровь лилась по большей части её же собственная, ссоры перерастали в открытую вражду, и дела шли всё хуже.

Кулаки делали всё, что могли, чтобы поддерживать дисциплину, но они были так же измотаны, как и остальные. Хуже того, среди капитанов рот было очень мало офицеров, достойных своего звания.

А у нас и вовсе капитана нет с тех пор, как Кенеба повысили. Ходили слухе о новых рекрутах и офицерах, которые, дескать, высадились в Лато-Ревае, а теперь топали где-то позади, пытаясь нагнать армию, но слуху этому было уже десять дней. Даже улитки догнали бы их за это время.

В последние два дня вестовые то и дело сказали туда-сюда по дороге, убираясь с пути колонны, а затем вновь возвращаясь на тракт. Дуджек Однорукий и адъютант вели оживлённую беседу, это было ясно. Неясно только, о чём они говорили. Флакон подумывал, не подслушать ли, что делается в шатре командования, как он уже не раз делал на пути от Арэна до Рараку, но его нервировало присутствие Быстрого Бена. Высший маг. Если Бен перевернёт камень и найдёт под ним Флакона, тому сам Худ не позавидует.

Треклятые бунтовщики могут бежать хоть вечно, да так, наверное, и сделают, если у их командира есть капля мозгов. Он мог в любой момент дать последний бой. Героический и возвышенный в своей бессмысленности. Но похоже, для этого он был слишком умён. И бунтовщики бежали – на запад, строго на запад, в пустоши.

Флакон вернулся на своё место, набрал пригоршню песка, чтобы стереть кровь Корики с ладоней и пальцев. *Мы друг другу просто нервы мотает. Вот и всё.* Его бабушка знала бы, что делать в такой ситуации, но она давно умерла, а дух её был привязан к старой ферме на окраинах Джакаты, в тысяче лиг отсюда. Она как живая вставала перед его внутренним взором: вот она качает головой, щурясь на свой привычный манер, точно безумный гений. Она была мудра, знала пути смертных, прозревала всякую слабость, всякий недостаток, читала неосознанные жесты и мимолётные гримасы, как открытую книгу, рассекала запутанную плоть, чтобы открыть голые кости истины. Ничего от неё нельзя было скрыть.

Но поговорить с ней Флакон не мог.

Однако есть ведь другая женщина... верно? Несмотря на жару, Флакон поёжился. Она по-прежнему являлась ему во снах, эта ведьма Эрес'аль. По-прежнему показывала ему древние ручные рубила, разбросанные по этой земле, точно листва мирового дерева, развеянная ветрами бессчётных веков. Он знал, например, что в полусотне шагов от дороги к югу раскинулась долина, в которой полным-полно этих треклятых штуквин. Рукой подать, лежат, ждут его.

Я их вижу, но пока не понимаю, чем они важны. Вот в чём проблема. Я для этого не гожусь.

Маг приметил движение у своих сапог и увидел, как мимо ползёт раздувшаяся от яиц цикада. Флакон наклонился и поднял её, ухватив за сложенные крылышки. Другую руку он запустил в мешок и выудил чёрную деревянную коробочку, в крышке и стенках которой были проделаны крошечные отверстия. Он отодвинул задвижку и откинул крышку.

Счастливым Союз, их скорпион-победитель. От внезапного потока света он попятился к углу и угрожающе поднял хвост.

Флакон бросил цикаду в коробочку.

Скорпион уже понял, чего ждать, поэтому метнулся вперёд и в следующий миг принялся уплетать ещё живое насекомое.

– Легко тебе, да? – тихонько прошептал Флакон.

Что-то упало на песок рядом с магом – плод карибрала, округлый и зеленовато-жёлтый. Флакон поднял глаза и увидел стоявшего рядом Спрута.

В руках сапёр держал пригоршню фруктов.

– Утощайся, – сказал он.

Поморщившись, Флакон закрыл крышку над Счастливым Союзом.

– Спасибо. Где ты их раздобыл?

– Прогулялся, – ответил Спрут и кивнул на юг. – Там долина. И полно карибраловых лоз.

Старый солдат принялся бросать плоды остальным членам взвода.

Долина.

– И ручных рубил тоже полно?

Спрут прищурился:

– Не приметил. Что это у тебя на руках? Подсохшая кровь?

– Моя, – прорычал Корик, который уже вгрызся в свой плод.

Сапёр остановился, оглядел неровное кольцо солдат вокруг, наконец перевёл взгляд на капрала Битума, который только пожал плечами. Этого, видимо, хватило, потому что Спрут бросил последний круглый карибрал Улыбке.

Которая поймала его на клинок ножа.

Остальные, включая Спрута, смотрели, как она точными движениями разрезает кожуру.

Сапёр вздохнул:

– Пойду-ка я найду нашего сержанта.

– Хорошая мысль, – одобрил Флакон.

– Ты бы выпускал Союз иногда погулять, – заметил Спрут. – Ножки размять. Мазок и Может нашли себе нового скорпиона – никогда таких не видел. И требуют реванша.

– Скорпионы не могут «размять» ножки, – возразил Флакон.

– Это я фигурально.

– А-а.

– Ладно, – буркнул Спрут и пошёл прочь.

Улыбка умудрилась снять всю кожуру с плода одним цельным куском, который навесом бросила в сторону Корика. Тот смотрел себе под ноги и подпрыгнул на месте, заметив краем глаза движение.

Девушка фыркнула:

– Это тебе. Можешь добавить в свою коллекцию амулетов.

Сэтиец-полукровка отложил карибрал и медленно поднялся, затем поморщился и бросил на Флакона гневный взгляд:

– Я думал, ты её исцелил!

– Верно думал. Но ныть всё равно будет.

– «Ныть»? Да я еле стою.

– Потом полегчает.

– Она ведь побежит, – заметил Битум. – Забавно будет смотреть, как ты за ней ковыляешь, Корик.

Здоровяк сдался.

– Я человек терпеливый, – заявил он, усаживаясь обратно.

– О-о-о, – протянула Улыбка, – я вся уже взопрела от нетерпения.

Флаконе поднялся на ноги.

– Пойду прогуляюсь, – сообщил он. – Не убивайте никого, пока не вернусь.

– Как раз, – заметил Битум, – если кого-то убьют, от твоего целительства будет мало толку.

– Я не про целительство. Посмотреть же хочется.

Они выехали на север, чтобы скрыться из виду разбившей лагерь армии, перевалили невысокую гряду холмов и очутились на плоской, пыльной равнине. В двух сотнях шагов вдали виднелся низкий бугорок, украшенный тремя гульдиндхами. Оказавшись в тени широких, плотных листьев, они принялись распаковывать припасы, в том числе – кувшин алчбинского эля, который неизвестно как сумел раздобыть Скрипач, – а затем уселись ждать прибытия Высшего мага.

Калам заметил, что прежняя непоколебимая весёлость Скрипача ослабла. Больше седины в рыжеватой бороде, некая отрешённость во взгляде бледно-голубых глаз. Нечего скрывать, с тех пор, как всю славу имперского возмездия умыкнули у них из-под носа в ночь перед решающей битвой, в Четырнадцатой армии было полно обиженных, озлобленных солдат, да и долгий тяжёлый марш сказывался. Всем этим можно было бы объяснить состояние Скрипача, но Калама так просто не проведёшь.

Что бы там ни пелось в таннойской песне, Вал и остальные были мертвы. Стали призраками в ином мире. Впрочем, Быстрый Бен рассказал им, что официальные рапорты были не совсем точны. Молоток, Хватка, Мураш, Дымка, Штырь, Перл... они выжили и теперь не жились на перинках в Даруджистане. Вместе с капитаном, Ганосом Параном. Добрые вести, и они помогли. Но самую малость.

Скрипач и Вал были близки, как братья. Вместе их было не остановить. Вдвоём они выдумывали такое... чаще опасное, чем забавное. Они были такой же легендой, как и сами «Мостожоги». Тогда, на берегу озера Азур, они приняли роковое решение: расстались. *Для всех нас роковое, выходит.*

Калам толком не понимал, что это за Восхождение. Как этот духовидец благословил роту солдат; как потом разорвалась ткань реальности в Рараку. Его и ободряла и тревожила мысль о невидимых хранителях – призрак Вала спас жизнь Скрипачу... но где Скворец? Он-то вообще хоть где-то появлялся?

Та ночь в лагере Ша'ик была сущим кошмаром. Во тьме слишком многие руки обнажили клинки. И некоторых призраков убийца видел собственными глазами. Давно погибшие «Мостожоги» вернулись – мрачные, как похмелье, и уродливые, – точно как при жизни. Если ему когда-нибудь попадётся этот таннойский духовидец, про которого говорил Скрипач...

Сапёр расхаживал туда-сюда в тени деревьев. Сидя на корточках, Калам Мехар присмотрелся к старому другу.

– Ладно, Скрип, давай, говори.

– Плохо всё, – пробормотал сапёр. – Даже не сочтёшь. Будто штормовые тучи собираются на горизонте – отовсюду.

– Теперь ясно, почему ты такой кислый.

Скрипач прищурился:

– Сам-то ты не многим лучше.

Убийца скривился:

– Жемчуг. Прячется, чтобы не попасться мне на глаза, но всё равно где-то рядом. Можно было бы ожидать, что эта пардуйка... как бишь её?

– Лостара Йил.

– Ага, она. Можно было бы ожидать, что она уж выбьет его из седла.

– Эти двое играют в свою собственную игру, – заметил Скрипач, – и пусть их. Как ни крути, понятно, что он тут до сих пор потому, что Императрице нужен кто-то рядом с Тавор.

– Всегда у неё с этим проблемы, – со вздохом пробормотал Калам. – С доверием.

Затем он покосился на сапёра:

– Ты прошёл с Тавор весь путь от Арэна. Распознал её? Хоть примерно?

– Я же сержант, Калам.

– Вот именно.

Убийца ждал.

Скрипач поскрёб бороду, подёргал за ремешки свой помятый шлем, затем расстегнул и отбросил его в сторону. Снова принялся ходить туда-сюда, пиная ногами листву и ореховую скорлупу. Отмахнулся от кровного слепня, который завис перед самым лицом сапёра.

– Она из холодного железа, Калам. Но ещё не испытана. Сможет она думать в бою? Сможет принять командование в поспешном отступлении? Видит Худ, её любимый Кулак, этот старик, Гэмет, не мог. Это не слишком хорошо говорит о её способности выбирать.

– Она ведь его знала давно?

– И доверяла ему, да, так и было. Он просто измотался. Что-то я стал не таким великодушным, как прежде.

Калам ухмыльнулся, отвёл глаза:

– «Великодушный». Да, уж это точно Скрип. – Убийца указал на костяной палец, болтавшийся у пояса сапёра. – А с костями что?

– Да, здесь она не подкачала, не спорю. Может, Опонны подсобили.

– А может, и нет.

Скрипач пожал плечами. Его рука метнулась вперёд и сжала слепня. Сапёр раздавил его между ладоней – с явным удовлетворением.

Внешне постарел, верно, но такой же быстрый и злой, как прежде. Волна сухого, мёртвящего воздуха разметала листву по песку, затем послышался громкий хлопок и Быстрый Бен шагнул из Пути. И зашёлся кашлем.

Калам поднял кувшин с элем и принёс магу:

– Держи.

Чародей хлебнул, снова закашлялся, затем сплюнул:

– Нижние боги, этот Имперский Путь – просто ужас.

И снова хлебнул.

– Отправь меня туда, – попросил Скрипач, подходя ближе, – чтобы мне тоже дали выпить.

– Рад видеть, что настроение у тебя улучшилось, – заметил Быстрый Бен, передавая сапёру кувшин. – Скоро у нас будет компания... но не раньше, чем мы перекусим, конечно, – добавил он, приметив свёртки с едой. – Я такой голодный, что готов жрать кровных слепней.

– Можешь мне облизать мне ладонь, – посоветовал Скрипач.

Чародей замер, оглянулся:

– Ты из ума выжил. Скорей я стану лизать руки торговцу верблюжьим навозом.

Он принялся разворачивать листья, в которые была упакована еда.

– Как прошла встреча с Тавор? – спросил Калам, присоединяясь к другу.

– Мне угадать не легче твоего, – ответил Быстрый Бен. – Видал я и прежде людей в осаде, но она возвела стены такие глухие и высокие, что даже дюжина озлобленных драконов, наверное, не пробьётся... а ведь врага нигде не видно.

– Тут ты, может, и ошибаешься, – заметил убийца. – Жемчуг не вертелся рядом?

– Ну, занавесочка слегка дрожала.

Скрипач фыркнул:

– Он не настолько плох. Это, наверное, Ян'тарь.

– Я не буквально, Скрип. Кто-то был на Пути. Рядом. Подсматривал.

- Значит, Тавор отложила свой меч, – заключил Калам.
- При мне она, слава богам, никогда его не держит.
- Ага, значит, предупредительная!
- Чародей мрачно взглянул на Калама:
- Не хочет высосать насухо своего Высшего мага, ты хочешь сказать?
- Прекратите вы, – возмутился Скрипач. – У меня уже в голове такие картинки, что лучше не надо. Дай лучше кусочек лепёшки-сехахи... нет, не той, от которой ты уже откусил, но всё равно спасибо, Бен. Вон... ай, ладно, забудьте.
- Сапёр сам потянулся за хлебом.
- Эй! Ты же мне песок в еду натрусил!
- Калам уселся на пятки. Скрипач словно молодец на глазах. Вот и хмурится, как раньше. Слишком надолго откололся от армии и всего, что к тому прилагается.
- Что? – поинтересовался Скрипач. – Боишься зубки до корней стереть? Тогда лучше хлеб не жуй.
- Да не такой уж он и засохший, – пробурчал с набитым ртом чародей.
- Верно, но песку в нём полно, Бен. С мельничных жерновов. Как бы там ни было, из меня теперь всё время песок сыплется. У меня песок в таких местах, что ты себе представить не можешь...
- Прекрати, у меня уже тоже картинки в голове.
- Если так дальше пойдёт, – беззастенчиво продолжил Скрипач, – я могу год просидеть в Даруджистане и всё равно буду испражняться песчаными кирпичиками...
- Да прекрати же!
- Калам прищурился, глядя на сапёра:
- В Даруджистане? Собираешься присоединиться к остальным?
- Сапёр отвёл глаза:
- Когда-нибудь...
- Когда-нибудь скоро?
- Не собираюсь я сбегать, Калам.
- Убийца лишь на миг перехватил взгляд Быстрого Бена и откашлялся:
- Ну... на самом деле, может, тебе и стоит сбежать, Скрип. Если бы я давал тебе совет...
- Если бы ты взялся советовать, я бы понял, что нам всем крышка. Спасибо, что настроение испортил. Бен, передай эля, пожалуйста. В горле пересохло.
- Калам сдался.* Ладно, хоть это, по крайней мере, прояснилось.
- Быстрый Бен смахнул крошки с ладоней и сел поудобней:
- У неё есть виды на тебя, Калам...
- У меня и так на одну жену больше, чем надо.
- А если она хочет, чтобы ты собрал взвод убийц?
- Что?! Из этого сброда?
- Ну-ну! – прорычал Скрипач. – Я знаю «этот сброд».
- И что?
- И ты прав, конечно. Бестолковые они.
- И всё равно, – сказал чародей, пожимая плечами. – К тому же, она, наверное, захочет, чтобы ты это сделал втихую...
- При этом Жемчуг вас подслушивал. Конечно.
- Нет, это уже потом было. Вторая часть нашей встречи прошла для зрителей. На чистоту мы говорим раньше, прежде чем подспеет Жемчуг или кто другой. Она устраивает наши встречи в самые непредсказуемые моменты. Посылает ко мне Свища.
- Чародей сотворил охранное знамение.
- Да он просто найдёныш, – сказал Скрипач.

Но Быстрый Бен только покачал головой.

– Значит, она хочет получить собственный отряд убийц, – проговорил Калам. – Так, чтобы Когти не узнали. Ох, не нравится мне это, Бен.

– Кто бы ни прятался за стенами, Лам, глупости там нет.

– Да вообще вся эта затея глупая, – объявил Скрипач. – Она же подавила восстание – чего ещё хочет Ласиин?

– Сильна, когда надо иметь дело с врагами, – проговорил Калам. – И слаба, когда нужно завоевать сердца.

– Тавор не по этим делам, так в чём проблема?

– Она может прославиться, завоевать сердца. Ещё несколько успехов – явных, где видно будет, что это не просто везение. Да ладно тебе, Скрип, ты же знаешь, как быстро армия может перемениться.

– Только не эта армия, – буркнул сапёр. – Она и так едва с земли поднялась. Мы – очень шаткая братия. Бен, она об этом хоть подозревает?

Чародей подумал немного, затем кивнул:

– Думаю, да. Но она не знает, что с этим можно сделать, кроме как поймать Леомана Кистеня и стереть в порошок вместе с его войском.

Скрипач хмыкнул:

– Вот этого Спрут и боится. Он считает, что мы все освежимся Раналом прежде, чем всё закончится.

– Раналом? Ах, ну да.

– Он мне уже мозги проел, – пожаловался Скрипач. – Всё талдычит про «ругань», которую припрятал на случай, если придёт к нам неминуемая гибель. Вы бы видели лица новобранцев, когда он на эту тему разливается.

– Похоже, со Спрутом надо поговорить.

– В рыло ему надо дать, Лам. Уж поверь, меня так и тянет...

– Но сапёры так друг с другом не поступают.

– Но я ещё и сержант.

– Но он тебе нужен на твоей стороне.

Сапёр мрачно согласился:

– Угу.

– Ладно, – заявил Калам, – я его наставлю на путь истинный.

– Только осторожно, он тебе под ноги может «шрапнель» бросить. Не любит убийц.

– А кто их любит? – философски заметил Быстрый Бен.

Калам нахмурился:

– А я-то думал, что меня любят и ценят... по крайней мере, друзья.

– Мы просто не рискуем, Калам.

– Вот спасибо, Бен, я это запомню.

Вдруг чародей поднялся:

– Сейчас придут наши гости...

Скрипач и Калам тоже встали и обернулись, чтобы увидеть, как вновь распахиваются ворота Имперского Пути. Наружу вышли четверо.

Убийца узнал двоих и ощутил одновременно радость и беспокойство: тревогу – при виде Высшего мага Тайшренна и искреннюю радость от встречи с Дуджеком Одноруким. По обе стороны от Тайшренна шли телохранители – один, пожилой сэтиец с навощёнными усами, казался отдалённо знакомым, будто Калам уже когда-то видел его, давным-давно. С другой стороны от чародея вышагивала женщина лет тридцати пяти – сорока пяти, ловкая и атлетически сложенная, что было хорошо заметно под тугими шелками. Глаза у неё были мягкие,

тёмно-карие и насторожённые; миндалевидное лицо обрамляли коротко подстриженные на имперский манер волосы.

– Расслабься, – тихонько прошептал Быстрый Бен Каламу. – Я же говорил, роль Тайшренна в... прошлых делах... мы неправильно поняли.

– Это ты так говоришь.

– И он пытался защитить Скворца.

– Да только опоздал.

– Калам...

– Ладно, я буду вести себя культурно. А тот сэтиец – это что, его старый телохранитель?

Со времён Императора?

– Да.

– Унылый ублюдок? Всегда молчит?

– Точно он.

– Он, похоже, слегка переспел.

Быстрый Бен сдавленно фыркнул.

– Что тебя так развеселило, Высший маг? – спросил, подходя, Дуджек.

– Добро пожаловать, Первый Кулак, – сказал Быстрый Бен и добавил почтительный поклон, адресованный Тайшренну. – Коллега...

Тонкие, едва заметные брови Тайшренна взлетели:

– Повышение в боевой обстановке, да? Что ж, быть может, даже запоздалое. Тем не менее, насколько я понимаю, Императрица ещё не утвердила его.

Быстрый Бен широко улыбнулся:

– Высший маг, а ты помнишь другого Высшего мага, присланного Императором в самом начале Чернопёсьюей кампании? Крибалаха Рула?

– Рула Грубияна? Да, помню, он погиб примерно через месяц...

– В ужасном чародейском взрыве. Так вот – это был я. В общем, я уже бывал прежде Высшим магом, коллега...

Тайшренн хмурился, явно припоминая подробности старой кампании, затем скривился:

– А Император об этом знал? Должен был, раз послал тебя... если, конечно, он тебя вообще посылал.

– Не стану спорить, там имелись некоторые бюрократические несоответствия, и если бы кто-то озаботился расследованием, вполне мог бы их обнаружить. Но тебе ведь это в голову не пришло, очевидно, поскольку я вполне сумел себя показать в деле – даже спас, помнится... от некоего мага-убийцы из тисте анди...

– Когда я потерял некое вместилище, содержавшее владыку демонов...

– В самом деле? Очень жаль это слышать.

– Того самого демона, который погиб впоследствии от удара меча Рейка в Даруджистане.

– Ах, какая незадача.

Калам наклонился ближе к Быстрому Бену.

– Мне показалось, – прошептал он, – что это ты *мне* предлагал расслабиться.

– Это всё дела далёкие и дальние, – ворчливо проронил Дуджек Однорукий, – и я бы обязательно похлопал, будь у меня вторая ладонь. Тайшренн, придержи своего сэтийца, прежде чем он сделает какую-нибудь глупость. Нам тут кое-что нужно обсудить. Так давайте обсудим.

Калам перехватил взгляд Скрипача и подмигнул. *Как в старые добрые времена...*

Лежавший плашмя на гребне холма Жемчуг хмыкнул.

– Это же Дуджек Однорукий, – проговорил он. – Он должен быть сейчас в Г'данисбане.

Рядом с ним Лостара Йил зашипела и принялась хлопать себя по телу.

– Блох-клещи, будь ты проклят! Их тут тьма тьмушая. Ненавижу блох-клещей...

– Так попрыгай да потанцуй, капитан, – предложил Жемчуг. – Чтобы они нас наверняка заметили.

– Шпионить – глупо. Я это ненавижу, и уже вспоминаю, как я ненавижу тебя, Коготь.

– Ах, это так мило с твоей стороны. Ладно. Вон тот лысый – это Тайшрэнн, на этот раз – с Хаттаром и Кыской. Значит, оценивает риск как серьёзный. Интересно, зачем им это именно сейчас понадобилось?

– Что понадобилось?

– То, что они сейчас делают, разумеется.

– Так беги скорей к Ласиин, как верный щеночек, и доложи ей обо всём.

Коготь сполз с гребня холма, перевернулся на спину и сел.

– Не стоит спешить. Мне нужно подумать.

Лостара проскользила по склону до того места, где смогла встать. И сразу же принялась чесаться под доспехами.

– Ну, я дожидаться не буду. Мне нужна молочная ванна с отваром эскуры, причём срочно.

Жемчуг смотрел, как она шагает обратно в лагерь. *Чудная походка, несмотря на то, что иногда подёргивается.*

Простейшее заклятье отвало блох от его тела. Наверное, стоило бы и её защитить.

Нет. Так намного лучше.

О, боги, мы просто созданы друг для друга.

Глава третья

*Иарет Гханатан стоит по-прежнему —
Последний и первый город — и там,
Где древние насыпи изогнулись луком,
Высятся песчаные башни, под ними
Вьются империи, армии маршируют,
Изломанные знамёна и калеки
Усыпали обочины, чтоб вскоре стать
Костями строений, воинами и равно
Строителями города, что вечно вмещает
Орду насекомых, ах, как горделиво
Башни те вознеслись, будто старые сны
В жарком дыхании солнца, Иарет Гханатан.
Город-императрица, жена и любовница,
Старуха и чадо Первой империи,
А я остаюсь вместе с роднёй —
Костями в стенах, костями в полу,
Костями, что ныне отбрасывают
Эту мягкую тень — первыми и последними,
Я вижу грядущее, и всё, что было,
И глина плоти моей узнала
Тепло твоих рук, жизненный жар,
Ибо сей город, мой город, стоит,
Как и стоял, вечно недвижимый.*

*Кости в стенах (фрагмент надписи на стеле
времен Первой империи, автор неизвестен)*

– Я могу стать этой вазой.

– Вот *этой* вазой ты точно не хочешь стать.

– Ну, у неё же есть ножки.
– Коротенькие. И по-моему, они не двигаются. Чистая видимость. Я помню похожие штуки.

– Но она красивая!

– А женщина в неё писает!

– Писает? Уверена? Ты видела, как она писает?

– Сама посмотри, Кердла. Там же моча внутри. Этой вазой ты точно стать не захочешь. Тебе нужно что-то живое, с подвижными ногами. Или крыльями...

Они продолжали перешёптываться, когда Апсалар вытащила последний прут из оконной решётки и положила на пол. Вскарabalась на подоконник и выгнулась, чтобы дотянуться до ближайшего стропила.

– Ты куда? – взвилась Телораст.

– На крышу.

– Мы с тобой?

– Нет.

Апсалар подтянулась и в следующий миг уже скорчилась на пропечённой солнцем глине, под поблёскивающим покровом звёздного неба. До рассвета оставалось немного, и город внизу казался безмолвным и неподвижным, точно умер ночью во сне. Эрлитан. Первый город, в который они прибыли в этой стране. Город, где начал странствие отряд, которому суждено было распасться под гнётом обстоятельств. Калам Мехар, Скрипач, Крокус и она сама. Ах, Крокус так разъярился, когда понял, что их спутники скрыли часть побуждений, заставивших их отправиться в путь – они хотели не только доставить её домой, не только исправить старую несправедливость. Крокус был такой наивный.

Как он там? Она решила, что в следующий раз обязательно расспросит Котильона, но потом передумала. Нельзя продолжать о нём беспокоиться; даже думать о нём не стоит, от этого только прорывает плотину потоп тоски, страсти и сожаления.

Нужно думать о других, более насущных вещах. Мебра. Старый шпион мёртв, чего и хотел Престол Тени, хотя Апсалар и не понимала, зачем богу это понадобилось. Спору нет, Мебра работал на всех, служил то Малазанской империи, то повстанцам, сторонникам Ша'ик. И ещё... кому-то другому. Важно – кому? Она подозревала, что ответ на этот вопрос объяснил бы решение Престола Тени.

Безымянным? Может, убийцу-семака послали, чтобы замести следы? Возможно и даже логично. «Никаких свидетелей», так он сказал. Но свидетелей чего? Какие услуги мог Мебра оказывать Безымянным? *Не стоит сейчас искать ответ на этот вопрос. Кому ещё он мог служить?*

В Семи Городах несомненно остались приверженцы старого культа Тени. Те, что пережили чистки после малазанского завоевания. Они вполне могли заинтересоваться многочисленными талантами Мебры, тем самым привлекая внимание и гнев Престола Тени.

Ей приказали убить Мебру. Но не объяснили зачем, не приказали поговорить с ним. Значит, Престол Тени считает, что ему уже известно достаточно. И Котильон тоже. Или наоборот, оба пребывают в прискорбном неведении, а Мебра просто слишком много раз переходил из одного лагеря в другой.

В её списке значились и другие цели: несвязный набор имён, но все они находились в воспоминаниях Котильона. Она должна просто переходить по порядку от одного к другому, и последняя цель – самая сложная из всех... но до неё, скорее всего, ещё много месяцев, придётся хитро маневрировать, чтобы подобрать поближе и нанести удар. Неспешно, осторожно выследить очень опасного человека. К которому она не испытывала никакой ненависти.

Это и есть работа для профессионального убийцы. А одержимость Котильоном сделала меня именно убийцей. И ничем иным. Я убивала и буду убивать снова. Мне больше ни о чём не нужно думать. Всё просто. Должно быть просто.

И она всё упростит.

Но зачем же богу убивать какого-то мелкого смертного? Мелочное раздражение от камешка, попавшего в ботинок. От ветки хлестнувшей по лицу на лесной тропе. Кто будет долго размышлять, прежде чем вытащить камешек и выбросить его? Или прежде чем сломать ветку? *Похоже, я и буду. Ибо я – рука этого бога.*

Хватит. Довольно слабости, довольно... неуверенности. Исполни задачу, затем уйди. Исчезни. Найди другую жизнь.

Вот только... как это вообще сделать?

И ведь есть у кого спросить – он недалеко, как она заключила, порывшись в воспоминаниях Котильона.

Апсалар присела, свесив ноги с крыши. Рядом с ней присела другая фигура.

– Итак? – спросил Котильон.

– Убийца-семак из Безымянных выполнил за меня задание.

– Этой ночью?

– Я с ним столкнулась, но допросить не смогла.

Бог медленно кивнул:

– Снова Безымянные. Это неожиданность. Неприятная.

– Значит, не из-за них нужно было убивать Мебру.

– Да. Старый культ зашевелился. Мебра собрался там выбиться в Высшие жрецы. Лучший кандидат – другие нас не беспокоят.

– Убираетесь в доме.

– По необходимости, Апсалар. Нас ждёт схватка. Жестокая.

– Ясно.

Некоторое время оба молчали, затем Котильон откашлялся:

– У меня пока не было времени его проведать, но я знаю, что он здоров, хоть и, по понятным причинам, расстроен.

– Хорошо.

Бог, должно быть, почувствовал, что Апсалар хочет на этом закрыть тему, помолчав, он сказал:

– Ты освободила двух призраков...

Апсалар пожала плечами. Вздохнув, Котильон провёл рукой по своим тёмным волосам:

– Ты знаешь, чем они были прежде?

– Воровками, я думаю.

– Да, верно.

– Тисте анди?

– Нет, но они довольно долго пробыли рядом с теми телами, чтобы... впитать некоторые аспекты.

– Вот как.

– Они сейчас служат Идущему по Граням. Мне любопытно увидеть, что они будут делать.

– Пока им хватает того, что они просто сопровождают меня.

– Да. Думаю, тыходишь в сферу интересов Идущего, Апсалар, из-за... наших прежних отношений.

– Через меня – к тебе.

– Я, похоже, привлёк его любопытство.

– Идущий по Граням. Это ведь вроде довольно пассивный призрак, – заметила Апсалар.

– Мы, – медленно проговорил Котильон, – впервые столкнулись с ним в ночь своего Восхождения. В ту ночь, когда вступили во Владения Тени. У меня уже тогда от него мурашки побежали по коже – и бегают по сей день.

Апсалар покосилась на него:

– Котильон, ты знаешь, что совершенно не подходишь на роль бога?

– Благодарю за доверие.

Она протянула руку и провела пальцами по его скуле, почти погладила. Заметила, как он задержал дыхание, чуть распахнул глаза, но взгляда на неё не перевёл. Апсалар опустила руку.

– Прости. Ещё одна ошибка. Многовато я их делаю в последнее время.

– Всё в порядке, – ответил бог. – Я понимаю.

– Правда? Ну да, конечно.

– Исполни задание, и всё закончится. Больше никто от тебя ничего не потребует – ни я, ни Престол Тени.

Было в его тоне что-то такое, от чего Апсалар почувствовала дрожь. И нечто вроде... угрызений.

– Ясно. Хорошо. Я устала. Устала быть тем, чем стала, Котильон.

– Я знаю.

– Я подумала, что неплохо было бы слегка отклониться от курса. Перед следующей целью.

– Да?

– По прибрежной дороге, восточной. Всего несколько дней пути через Тени.

Бог перевёл на неё взгляд. Девушка заметила лёгкую улыбку на его губах, и почему-то очень ей обрадовалась.

– А что, Апсалар... это будет весело. Передавай ему привет.

– Серьёзно?

– Абсолютно. Ему пора немного встряхнуться. – Котильон поднялся. – Мне пора. Уже почти рассвет. Будь осторожна и не доверяй этим привидениям.

– Врать они толком не умеют.

– Ну, зато я знаю одного Высшего жреца, который использует похожую тактику, чтобы сбивать с толку других.

Искарал Прыци. Теперь уже Апсалар улыбнулась, но промолчала, поскольку Котильон уже исчез.

Восходящее солнце пожаром охватило горизонт на востоке.

– Куда пропала тьма? – всполошилась Кердла.

Апсалар стояла рядом с кроватью и перебирала свой набор скрытого оружия. Скоро нужно будет хоть немного поспать – наверное, сегодня вечером – но прежде стоит воспользоваться дневным светом. Что-то важное скрывалось за тем, что Мебру убил семак. Эта весть потрясла Котильона. И хотя он не просил разобраться, Апсалар всё равно этим займётся. Во всяком случае, день-другой потратит.

– Солнце взошло, Кердла.

– Солнце? Клянусь Бездной, в этом мире есть солнце?! Они что, совсем сдурели?

Апсалар покосилась на перепуганное привидение. Оно начало таять в сероватом свете. Рядом в тени скорчилась Телораст, которая просто онемела от ужаса.

– Кто сдурел? – переспросила девушка.

– Ну... они! Те, кто сотворил, это место!

– Мы таем! – прошипела Телораст. – Что это значит? Мы перестанем существовать?

– Понятия не имею, – ответила Апсалар. – Вы, наверное, станете чуть менее материальными, если вообще были материальными, – но это временно. Лучше вам обоим оставаться здесь. Я вернусь ещё до сумерек.

– Сумерки! Да, отлично, мы будем ждать здесь сумерек. А потом настанет ночь и принесёт тьму, и тени, и тварей, которых можно одержать. Да, жуткая женщина, мы будем ждать здесь.

Апсалар спустилась вниз, заплатила ещё за ночь в таверне и вышла на пыльную улицу. Горожане уже проснулись и торопились на рынок, торговцы волокли за собой гружёных мулов, тележки с певчими птицами в клетках, или кусками солонины, или бочонками с маслом и мёдом. Старики сгибались под тяжестью вязанок хвороста и корзин с глиной. По середине улицы вышагивали двое «Красных клинков», которые с решительным возвращением имперской власти вновь стали грозными стражами закона и порядка. Они шли в ту же сторону, что и Апсалар – да и все остальные люди – к просторному скоплению лагерей караванщиков под стенами города к югу от гавани.

«Красных клинков» обходили стороной, но размеренная походка, руки в боевых перчатках на рукоятках вложенных в ножны, но не перевязанных узлом талваров превращали их заносчивость в нарочитую, оскорбительную провокацию. Тем не менее никто не решался ответить на их вызов.

За миг до того, как Апсалар должна была с ними поравняться, она свернула в переулочек слева. К лагерям караванщиков можно пройти разными дорогами.

Торговец, который нанял на службу пардиек и охранников-гралов, а также проявил недюжинный интерес к присутствию в городе Танцовщицы Тени, в свою очередь, сам вызывал интерес. Вполне возможно, что он просто покупает и продаёт информацию, но даже это пригодились бы Апсалар – хотя платить за сведения она, разумеется, не собиралась. Нанятые в племенах охранники означают долгое странствие по суше, между отдалёнными городами и малохоженными трактами, что их связывали. Такой торговец наверняка что-то да знает.

Как, кстати, и его охранники.

Она вышла к первому лагерю. С высоты птичьего полёта караванный городок выглядел бы покрытым оспинами – купцы постоянно прибывали и уходили со своими фургонами, конной охраной, сворами собак и верблюдами. На внешних краях устроились торговцы помельче. Расположение было продиктовано какой-то таинственной внутренней иерархией, которая позволяла высокостатусным караванам занимать места в центре.

Выйдя по тропинке между шатрами на главную торговую «улицу», Апсалар принялась за поиски.

К полудню она нашла торговца-тапу и уселась за один из крошечных столиков под навесом, чтобы перекусить жареным на палочке мясом с фруктами. Жир потёк по её рукам. Пока что она заметила оживление в лагерях караванщиков, которые успела посетить. Восстание и война явно плохо сказывались на экономике. Восстановление малазанского правления стало благословением для торговли во всей её алчной славе, и девушка видела повсюду открытое ликование. Звонким потоком текли из рук в руки монеты.

Внимание Апсалар привлекли три фигуры. Они стояли у входа в просторный шатёр и спорили, похоже, из-за клетки с щенками. Две пардийки и один из гралов, которых она видела в таверне. Девушка надеялась, что они слишком заняты, чтобы её заметить. Вытерев руки о штаны и стараясь держаться в тени, Апсалар поднялась, вышла из-под навеса и скрылась с глаз этой троицы.

Пока что довольно было их просто найти. Прежде чем допрашивать охранников или самого торговца, следовало исполнить другое задание.

Долгий пеший путь обратно к таверне прошёл без происшествий. Апсалар поднялась по лестнице и вошла в свою комнату. Солнце перевалило за полдень, и думала она уже только о сне.

– Вернулась!

Голос Кердлы послышался из-под деревянного топчана.

- Точно она? – спросила оттуда же Телораст.
- Я узнала мокасины. Видишь, вшитые железные рёбра? Не такие, как у другого. Апсалар остановилась, стягивая кожаные перчатки.
- Какого «другого»?
- Другого, который тут был раньше, где-то колокол тому...
- Колокол? – переспросила Телораст. – Ах да, ты про *эти* колокола, теперь поняла. Ими измеряют ход времени. Да, Не-Апсалар, примерно колокол. Но мы ничего не сказали. Мы молчали. Он не догадался, что мы здесь.
- Трактирщик?
- Сапоги, потёртые стремянами, обшитые бронзовыми чешуйками – ходили туда-сюда, здесь присел, чтобы заглянуть под кровать, но нас не увидел и вообще ничего не увидел, потому что ты ему не оставила вещей, в которых можно было бы порыться...
- Итак, мужчина...
- Мы разве раньше не сказали? Кердла?
- Наверняка сказали. Мужчина, в сапогах, да.
- Долго он тут пробыл? – спросила Апсалар, оглядывая комнату – вору здесь брать было решительно нечего, если, конечно, это был вор.
- Сотню ударов его сердца.
- Сто шесть, Телораст.
- Да-да, сто шесть.
- Вошёл и вышел через дверь?
- Нет, через окно – ты ведь вытащила прутья, помнишь? С крыши спустился, верно, Телораст?
- Или взобрался снизу, с улицы.
- Или, может, из соседней комнаты, то есть справа или слева. Апсалар нахмурилась и скрестила руки на груди:
- А он вообще через окно входил?
- Нет.
- Значит, Путь.
- Да.
- И это был вовсе не человек-мужчина, – добавила Кердла. – А демон. Большой, чёрный, волосатый, с когтями и клыками.
- И в сапогах, – напомнила Телораст.
- Точно. В сапогах.
- Апсалар стащила перчатки и бросила их на прикроватную тумбочку. Растянулась на топчане.
- Разбудите меня, если он вернётся.
- Конечно, Не-Апсалар. Можешь на нас положиться.
- Когда она проснулась, было уже темно. С проклятьем Апсалар резко села на топчане.
- Который час?
- Проснулась!
- Рядом парила тень по имени Телораст – нечёткий абрис тела во мраке, глаза тускло светятся.
- Ну, наконец-то! – прошептала Кердла с подоконника, где она скорчилась, точно горгулья, и вывернула голову, чтобы взглянуть на Апсалар, которая по-прежнему сидела на топчане. – Два колокола прошло со смерти солнца! Мы хотим гулять!
- Ладно, – пробормотала она, вставая. – Тогда идите за мной.
- Куда?

- Обратно к Джен'рабу.
- Фу-у, мерзкое местечко.
- Я там надолго не задержусь.
- Это хорошо.

Девушка подняла перчатки, ещё раз проверила оружие – всё тело ныло от врезавшихся в плоть рукоятей и ножен двух десятков кинжалов, которые она так и не сняла перед сном, – и подошла к окну.

- Мы по мостику пойдём?

Апсалар остановилась, пристально взглянула на Кердлу:

- Какому мостику?

Призрак обхватил оконную раму и указал наружу:

- Вон тому.

Проявление Тени, что-то вроде акведука, протянулось от подоконника через переулок и здания за ним, изгибаясь затем в сторону Джен'раба. По виду – камень, Апсалар даже могла разглядеть мелкие камешки и куски раскрошившегося раствора.

- Что это?

- Мы не знаем.

- Он ведь из Владений Тени, да? Наверняка. Иначе я бы не смогла его увидеть.

- О да! Наверное. Правда, Телораст?

- Конечно! Или неправда.

- А как давно, – спросила Апсалар, – он здесь появился?

– Пятьдесят три удара твоего сердца. Ты как раз просыпалась. Она ведь просыпалась, верно, Кердла? И дёргалась.

- И стонала. Точнее, простонала. Один раз. Тихо. Полстона примерно.

- Нет, – возразила Телораст, – это я стонала.

Апсалар вскарабкалась на подоконник, а затем, продолжая держаться за стену, шагнула на мост. Нога встала на твёрдую поверхность.

– Ладно, – ошеломлённо пробормотала девушка, отпуская спасительную стену. – Можем и так пройти.

- Мы согласны.

И они пошли вперёд – над переулком, жилым домом, улицей, а затем – горами развалин. Вдали показались призрачные башни. Теневой город, но совершенно отличный от того, что она видела прошлой ночью. Среди руин внизу поблёскивала вода в каналах, через которые протянулись более низкие мосты. В нескольких тысячах шагов к юго-востоку возвышался массивный купол дворца, а за ним – что-то вроде озера или широкой реки. По её водам скользили вытянутые корабли с квадратными парусами. Корабли из полуночно-чёрного дерева. Апсалар заметила несколько высоких фигур, которые переходили один из мостов в пятидесяти шагах от неё.

Телораст прошипела:

- Я их знаю!

Апсалар присела, внезапно почувствовав себя очень уязвимой на высоком акведуке.

- Тисте эдуры!

- Да, – выдохнула она.

- А они нас видят?

Не знаю. По крайней мере, по нашему мосту никто из них не идёт... пока что.

- Давайте, тут недалеко. Я хочу оказаться отсюда подальше.

- Согласны, о как мы согласны.

Кердла замешкалась:

- С другой стороны...

– Нет, – отрезала Апсалар. – Даже и не думай, призрак.

– Ну и ладно. Просто там, в канале внизу, лежит тело.

Проклятье! Апсалар подобралась к невысокому парапету и взглянула вниз.

– Это не тисте эдур.

– Ага, – подтвердила Кердла. – Точно не эдур, Не-Апсалар. Вроде тебя, да, вроде тебя. Только раздутый. Недавно мёртвый... мы его хотим...

– Если привлечёте внимание, на помощь не рассчитывайте.

– А она права, Кердла. Давай, она уходит! Стой! Не оставляй нас здесь!

Добравшись до крутой лестницы, Апсалар начала быстро спускаться. Как только она ступила на бледную, пыльную землю, призрачный город исчез. Позади неё возникли две тени, опустились к девушке.

– Жуткое местечко, – заявила Телораст.

– Но там был престол! – взвыла Кердла. – Я его почувствовала! Чудесный, восхитительный трон!

Телораст фыркнула:

– Восхитительный? Ты ума лишилась. Там только боль. Страдания. Увечье...

– Тихо вы, – приказала Апсалар. – Расскажите мне об этом троне. Но потом. Стерегите этот вход.

– Это мы можем. Мы отличные сторожа. Там кто-то умер, да? Можно нам забрать тело?

– Нет. Оставайтесь здесь.

Апсалар вошла в полузасыпанный храм.

Комната внутри изменилась. Труп семака исчез. Тело Мебры раздели, самую одежду порезали на куски. Немногочисленную мебель методично разобрали на части. Тихонько выругавшись, Апсалар подошла к проходу, ведущему во внутренний покой – занавес, прежде укрывавший его, сорвали. В крошечной каморке за ним – жилой комнате Мебры – при обыске проявили не меньшее тщание. Не обращая внимания на отсутствие света, девушка осмотрела обломки. Кто-то здесь что-то искал – или нарочно запутывал следы.

Апсалар вспомнила, как вчера появился семак. Она-то вообразила, будто он заметил, как она бежит среди валунов, и поэтому решил вернуться. Но теперь Апсалар уже не была так уверена. Возможно, его отправили назад потому, что задание было исполнено лишь наполовину. В любом случае, в ту ночь он не работал один. Она проявила беспечность, думая иначе.

Из внешней комнаты послышался дрожащий шёпот:

– Ты где?

Апсалар вышла обратно.

– Что ты здесь делаешь, Кердла? Я же сказала...

– Двое идут сюда. Женщины, как ты. В смысле, как и мы. Я забыла. Да, мы ведь все здесь женщины...

– Найди тень и спрячься, – перебила Апсалар. – Телораст, тебя это тоже касается.

– Ты не хочешь, чтобы мы их убили?

– А вы можете?

– Нет.

– Прячьтесь.

– Хорошо, что мы решили стеречь двери, да?

Не обращая внимания на призрака, Апсалар устроилась у выхода наружу. Обнажив ножи, она прижалась спиной к покатой стене и принялась ждать.

Апсалар услышала торопливые шаги, шарканье, когда они остановились снаружи, дыхание. Затем первая шагнула внутрь с прикрытым заслонками фонарём в руках. Ещё шаг – и женщина отодвинула заслонку, послав луч света на противоположную стену. Следом вошла вторая женщина, выставив вперёд обнажённую саблю.

Пардийки из охраны каравана.

Апсалар шагнула ближе и вогнала остриё одного из кинжалов в локтевой сустав руки с саблей, а затем ударила навершием другого в висок женщины.

Та повалилась на землю, выронив оружие.

Другая резко повернулась на месте.

Удар ногой пришёлся ей чуть выше челюсти. Женщина зашаталась, фонарь вылетел из рук и с треском врезался в стену.

Спрятав ножи, Апсалар подобралась к оглушённой охраннице. Удар в солнечное сплетение заставил пардийку согнуться пополам. Она упала на колени, затем повалилась на бок, скорчилась от боли.

– В самый раз, – проговорила Апсалар, – я ведь как раз собиралась тебя допросить.

Девушка отступила к первой женщине и проверила, в каком та состоянии. Без сознания, и ещё некоторое время не очнётся. На всякий случай Апсалар отбросила ногой саблю в угол, а затем избавила охранницу от ножей, обнаружившихся в ножнах подмышками. Вернувшись ко второй пардийке, она некоторое время разглядывала стонущую, неподвижную женщину, а затем присела и вздёрнула её на ноги.

Апсалар ухватила правую руку женщины, в которой та держала оружие, и резким движением вывихнула в локтевом суставе.

Женщина закричала.

Апсалар схватила её за горло и с размаху припечатала к стене так, что голова с треском врезалась в камень. Блевотина хлынула на перчатку и запястье девушки. Продолжая удерживать пардийку, она сказала:

– Теперь ты ответишь на мои вопросы.

– Умоляю!..

– Не умоляй. От этого я становлюсь только более жестокой. Отвечай так, чтобы меня устроили ответы, и я, может, оставлю вас с подругой в живых. Понятно?

Пардийка кивнула. По её лицу текла кровь, а под правым глазом набухал вытянутый кровоподтёк – там, куда пришёлся удар прошитого железом мокапина.

Почувяв приближение призраков, Апсалар бросила взгляд через плечо. Тени зависли над телом другой пардийки.

– Одна из нас могла бы её забрать, – прошептала Телораст.

– Легко, – согласилась Кердла. – Разум её помутился.

– Ушёл.

– Потерялся в Бездне.

Апсалар не сразу решила, но затем сказала:

– Давайте.

– Я! – зашипела Кердла.

– Нет, я! – взвыла Телораст.

– Я!

– Я её первая нашла!

– Вот и нет!

– Я выбираю, – сказала Апсалар. – Приемлемо?

– Да.

– О да, ты выберешь, дражайшая госпожа...

– Опять ты подлизываешься!

– Вот и нет!

– Кердла, – приказала Апсалар. – Одержи её.

– Знала, знала, что ты выберешь её!

– Терпение, Телораст. Ночь ещё не окончена.

Пардийка перед девушкой заморгала, в её глазах застыло потрясение.

– С кем ты говоришь? Что это за язык? Кто там... я не вижу...

– Твой фонарь погас. Не важно. Расскажи мне о своём хозяине.

– Ох, нижние боги, как больно...

Апсалар потянулась и ещё раз дёрнула вывихнутую руку.

Женщина завопила, затем обмякла, потеряв сознание.

Апсалар дала безвольному телу сползти по стене, в сидячее положение. Затем вытащила флягу и плеснула водой в лицо пардийке.

Глаза открылись, сознание вернулось, а вместе с ним – ужас.

– Мне не интересно, больно тебе или нет, – сказала Апсалар. – Я хочу знать о торговце. Твоём господине. Попробуем ещё раз?

Другая пардийка села у входа, начала хрипеть, затем закашлялась и сплюнула кровавой мокротой.

– Ага! – закричала Кердла. – Так-то лучше! Ох, как всё болит! Ой, рука!

– Тихо! – приказала Апсалар, затем вновь сосредоточилась на женщине перед собой. – Я не слишком терпелива.

– Тригальская торговая гильдия, – выдохнула женщина.

Апсалар медленно отклонилась назад так, что села на пятки. Неожиданный ответ.

– Кердла, убирайся из этого тела.

– Что?

– Живо!

– Ну, и ладно, всё равно она была поломанная. О, мир без боли! Так-то лучше – какая же я была дура!

Телораст хрипло расхохоталась:

– Дурой и осталась, Кердла. Я ведь тебе намекала. Не подходит она тебе.

– Хватит болтать, – сказала Апсалар.

Это следовало обдумать. Оперативная база Тригальской торговой гильдии располагалась в Даруджистане. Довольно много времени прошло с тех пор, как они посетили Владения Тени с грузом взрывчатки для Скрипача – если, конечно, это вообще был тот же самый караван, – но Апсалар подозревала, что тот же. Похоже, что в Семь Городов этих торговцев предметами и сведениями привело не одно задание. С другой стороны, возможно, они лишь отдыхали здесь, в городе – учитывая трудности путешествия по Путям – и чародей-торговец просто приказал подручным собирать все полезные сведения. В любом случае, нужно убедиться.

– Что привело его... или её сюда, в Эрлитан?

Правый глаз пардийки уже окончательно заплыл.

– Его.

– Имя?

– Карполан Демесанд.

Апсалар едва заметно кивнула.

– Мы, кхм, производили доставку – мы, охранники, мы же акционеры...

– Я знаю, как работает Тригальская торговая гильдия. Доставку, говоришь?

– Да, для Колтейна. Во время «Собачьей цепи».

– Давненько это было.

– Да. Прости, очень больно, говорить больно.

– Молчать будет больнее.

Пардийка скривилась, и Апсалар даже не сразу поняла, что это ухмылка.

– Я не сомневаюсь в тебе, Танцовщица Тени. Да, было и другое. Алтарные камни.

– Что?

– Резные камни, чтобы выложить священный водоём...

- Здесь, в Эрлитане?
Женщина покачала головой, скривилась от боли, затем сказала:
- Нет. В И'гхатане.
– Вы туда направляетесь? Или уже возвращаетесь?
– Возвращаемся. Мы передвигаемся по Путям. Мы... кхм... отдыхаем.
– Так Карполан Демесанд заинтересовался Танцовщицей Тени просто из любопытства?
– Он любит знать... всё. Ценные сведения дают нам преимущества. Никто не любит стоять в арьергарде на Переезде.
– На Переезде?
– По Путям. Там... жутковато.
Даже не сомневаюсь.
– Передай своему господину, – проговорила Апсалар, – что эта Танцовщица Тени не любит пристального внимания.
Пардийка кивнула. Апсалар выпрямилась:
– С вами всё.
Женщина откинулась к стене, прикрыла лицо левым запястьем.
Девушка уставилась на охранницу, пытаясь понять, что её так напугало.
– Мы теперь понимаем этот язык, – сообщила Телораст. – Она думает, что ты сейчас её убьёшь – и ты её убьёшь, правильно?
– Нет. Это же очевидно. Иначе она не сможет передать мои слова своему хозяину.
– Она не способна связно думать, – вмешалась Кердла. – К тому же, лучший способ передать твоё послание – два трупа.
Апсалар вздохнула, затем обратилась к пардийке:
– Что привело вас сюда? К Мебре?
Глухо из-под руки женщина ответила:
– Хотели купить сведения... но он мёртв.
– Какие сведения?
– Любые. Все. Что он был готов продать. Но ты убила Мебру...
– Нет, не я. В знак мира между мной и твоим хозяином я скажу вот что: убийца из Безымянных убил Мебру. Его не пытали. Просто уничтожили. Безымянные не искали его знаний.
Пардийка сдвинула запястье и уставилась зрячим глазом на девушку.
– Безымянные? Храни нас Семь Святых!
– Теперь, – проговорила Апсалар, обнажая кинжал, – мне нужно некоторое время.
С этими словами она ударила женщину наверху виском, и глаз закатился, а пардийка обмякла и сползла на пол.
– Жить будет? – спросила Телораст, подлетая ближе.
– Оставь её.
– Она ведь может очнуться и забыть всё, что ты ей сказала.
– Не важно, – ответила Апсалар, вкладывая кинжал в ножны. – Её хозяин в любом случае выяснит всё, что ему нужно знать.
– Чародей. Ах, да, они ведь странствуют по Путям, так она сказала. Рискованно. Этот Карполан Демесанд, видно, силён в сотворении чар – ты обзавелась опасным врагом.
– Не думаю, что он захочет со мной враждовать, Телораст. Я оставила жизнь его акционерам и даже подарила ему сведения.
– А таблички как же? – спросила Кердла.
Апсалар развернулась:
– Какие таблички?
– Ну, которые под полом спрятаны.
– Покажи.

Тень подплыла к голому трупу Мебры.

– Под ним. Тайник под камнем. Застывшая глина, бесконечные списки, которые, наверное, ничего не стоят.

Апсалар перевернула тело. Камень легко поднялся, и она даже подивилась беспечности обыскивавших. С другой стороны, вдруг Мебра мог выбрать, где умереть. Он ведь лежал строго над тайником. В земле была вырыта грубая ямка, заполненная теперь глиняными табличками. В углу расположился мокрый джутовый мешок с мягкой глиной и полдюжины костяных стилей, перевязанных бечевой.

Апсалар встала и подняла с пола фонарь. От удара о стену заслонка закрылась, но пламя внутри не потухло. Девушка потянула за кольцо, чтобы до половины приоткрыть заслонку. Вернувшись к тайнику, она подняла верхнюю из дюжины табличек, затем уселась, скрестив ноги, у ямы и принялась читать в неверном круге света.

«На Великий Собор культа Рашана явились Бридток из Г'данисбана, Септун Анабхин из Омари, Срадал Пурту из И'гхатана и Торахаваль Делат из Карашимеша. Глупцы и обманщики – все до одного. Торахаваль – сучка, ни капли чувства юмора, как у её кузена, и ни капли его смертоносности. Она играет только в одну-единственную игру, но из неё получится отличное украшение – Высшая жрица, соблазнительная, привлекательная для столь многих послушников. Что до Септуна и Бридтока, то последний – мой ближайший соперник, похваляется кровным родством с этим безумцем, Бидиталом, но я хорошо знаю его слабости, и скоро он не сможет принять участие в последнем голосовании. Из-за несчастного случая. Септун – рождён не вести за собой, но следовать, больше о нём нечего сказать».

Двое из этих культистов значились среди целей Апсалар. Она постаралась запомнить остальные имена, на случай, если подвернётся подходящая возможность.

Вторая, третья и четвёртая таблички содержали списки связанных за прошедшую неделю, с примечаниями и наблюдениями, из которых становилось понятно, что Мебра по-прежнему занимался вымогательством. Торговцы, солдаты, неверные жёны, воры, головорезы...

Пятая табличка вызвала у неё больший интерес.

«Срибин, мой самый доверенный агент, подтвердил: объявленный вне закона грал, Таралак Вид, побывал месяц тому в Эрлитане. Опаснейший человек, тайный клинок Безымянных. Это лишь укрепляет мои подозрения в том, что они что-то сделали, выпустили какого-то древнего, ужасного демона. Похоже, странник-хундрил не соврал и вся история про курган и сбежавшего дракона – правда. Охота началась. Но кто в ней добыча? И какова в ней роль Таралака Вида? О, лишь только вижу это имя на влажной глине, меня мороз пробирает до костей. Дессимбелакис побери Безымянных. Они никогда не играют честно».

– Сколько ты ещё будешь этим заниматься? – не выдержала Кердла.

Не обращая внимания на тень, Апсалар продолжала разбираться с табличками, выискивая теперь имя «Таралак Вид». Призраки болтались рядом, время от времени обнюхивая бесчувственных пардиек, иногда выскальзывая наружу, затем возвращаясь с бормотанием на каком-то неведомом языке.

В яме хранилось тридцать три таблички, и когда девушка достала последнюю, она заметила что-то странное на дне. Придвинув фонарь, Апсалар разглядела глиняные черепки. Фрагменты текста, написанного рукой Мебры.

– Он их уничтожает, – пробормотала она себе под нос. – Время от времени.

Апсалар присмотрелась к табличке у себя в руках. Её покрывал куда более толстый слой пыли, чем остальные. Буквы больше истёрлись.

– Но эту сохранил.

Ещё один список. Но имена в нём – знакомые. Апсалар принялась читать вслух:

– «Дукер наконец освободил Геборика Лёгкую Руку. Планы смешало восстание, Геборик исчез. Колтейн ведёт беженцев, но среди малазанцев скрылись змеи. Калам Мехар отправлен к Ша'ик, следом – „Красные клинки“. Калам передаст Книгу в руки Ша'ик. „Красные клинки“ убьют эту сучку. Я доволен».

Следующие несколько строк врезали в глину уже после того, как она затвердела. Почерк казался торопливым и неровным.

– «Геборик у Ша'ик. Теперь известен как „Призрачные Руки“. И в этих руках – сила, способная уничтожить всех нас. Весь этот мир. И никто не может его остановить».

Написано в ужасе, в панике. Но... Апсалар покосилась на другие таблички. Видимо, произошло нечто, успокоившее Мебру. Геборик погиб? Этого она не знала. Может, на его след вышел кто-то другой, кто-то, распознавший угрозу? Да и вообще, какого Худа Геборику – незначительному историку из Унты – делать в компании Ша'ик?

Очевидно «Красные клинки» не справились со своей задачей. Ведь в конце концов эту женщину убила адьюнкт Тавор, верно? На глазах у десяти тысяч свидетелей.

– Она сейчас очнётся.

Апсалар взглянула на Телораст. Тень парила у тела пардийки, лежавшей рядом со входом.

– Ладно, – проговорила Апсалар, сталкивая таблички обратно в яму и укладывая сверху камень. – Уходим.

– Ну, наконец-то! Там уже почти рассвело!

– И никакого моста?

– Только развалины, Не-Апсалар. Ох, слишком похоже на родину.

Кердла зашипела:

– Тихо, Телораст! Идиотка! Мы об этом не должны говорить, помнишь?

– Прости.

– Когда доберёмся до моей комнаты, – сказала Апсалар, – вы мне расскажете об этом троне.

– Она вспомнила.

– А я – нет, – отозвалась Кердла.

– Я тоже, – подхватила Телораст. – Троне? Каком троне?

Апсалар уставилась на двух призраков, которые встретили её взгляд немигающими, слабо светящимися глазами.

– Ладно, проехали.

Фалах'д был на голову ниже Самар Дэв (а она едва дотягивала до среднего роста) и весил, наверное, меньше, чем одна её нога, если отрубить её у бедра. Неприятный образ, конечно, но до ужаса реалистичный. В сломанных костях обосновалась сильная инфекция, изгнать которую удалось только усилиями четырёх ведьм. Это произошло лишь вчера вечером, Самар до сих пор чувствовала слабость и головокружение, и стоять здесь, на самом солнцепёке, было вовсе не легко.

Каким бы лёгким коротышкой ни был фалах'д, он изо всех сил старался производить внушительное, благородное впечатление, восседая на своей длинноногой белой кобыле. Увы, несчастное животное под ним тряслось и вздрагивало всякий раз, когда ягтский жеребец Карсы

Орлонга вскидывал голову или грозно косил глазами. Фалах'д ухватился обеими руками за луку седла, поджал тонкие губы, и в глазах его светилась даже некоторая робость. Расшитая драгоценными камнями теллаба фалах'да смялась, а круглая шёлковая шапка с подбоем перекосилась, когда правитель города взглянул на того, кого все знали как Тоблакая, бывшего телохранителя Ша'ик. Который, даже спешившись и стоя рядом со своим конём, мог и вполне намеренно смотрел сверху вниз на властителя Угарата.

Фалах'да сопровождали полсотни солдат дворцовой стражи, и ни сами они, ни их лошади явно не чувствовали себя уверенно.

Тоблакай разглядывал массивное строение, известное как крепость Моравал. Всю плосковерхую гору выдолбили изнутри, каменным склонам придали вид внушительных укреплений. Окружал крепость глубокий ров с крутыми стенами. Чародейство или морантская взрывчатка разрушили каменный мост через него, а на другой стороне были хорошо видны обожжённые и помятые, но крепкие ворота из железа. Можно было приметить несколько простых окон на высоте, но все они были наглухо закрыты железными ставнями со скошенными прорезями бойниц.

Осадный лагерь выглядел убого – всего несколько сотен солдат, расположившихся у костров и поглядывавших на приезжих со слабым интересом. К северу от узкой дороги раскинулось полевое кладбище – около сотни кустарных деревянных помостов высотой чуть ниже колена, на каждом из которых расположился завёрнутых в саван труп.

Тоблакай наконец перевёл взгляд на фалах'да:

– Когда в последний раз на стенах видели малазанца?

Молодой градоправитель вздрогнул от неожиданности, затем нахмурился.

– Ко мне следует обращаться, – протянул он тоненьким голоском, – соответственно с моим положением как Святого фалах'да Угарата...

– Когда? – повторил Тоблакай, лицо его потемнело.

– Кхм, ну, гм... Капитан Инашан, отвечай этому варвару!

Наспех отдав честь, капитан подошёл к солдатам в лагере. Самар смотрела, как он переговорил с полудюжиной осаждавших, видела, как в ответ на вопросы они лишь пожимали плечами, видела, как напряглась спина Инашана, слышала, как голос его зазвучал громче. Солдаты начали переругиваться между собой.

Тоблакай хмыкнул. Указал на своего коня.

– Оставайся здесь, Погром. Никого не убивай.

Затем великан подошёл к краю рва.

Самар Дэв не сразу решилась, но затем двинулась следом.

Воин покосился на неё, когда она остановилась рядом.

– Я буду штурмовать эту крепость один, ведьма.

– Это наверняка, – ответила Самар. – Я здесь, только чтобы лучше видеть.

– Вряд ли тебе будет на что смотреть.

– Что ты задумал, Тоблакай?

– Я – Карса Орлонг из народа теблоров. Ты знаешь моё имя, его и называй. Для Ша'ик я был «Тоблакай». Она мертва. Для Леомана Кистеня я был «Тоблакай», и он всё равно, что мёртв. Для восставших я был...

– Ладно, я поняла. Только мёртвые или почти мёртвые люди звали тебя Тоблакаем, но учти, что только это имя уберегло тебя от того, чтобы прогнать остаток жизни в дворцовых застенках.

– Щенок на белом коне – глупец. Я могу сломать его одной рукой...

– Да, его это, вероятнее всего, сломит. А его армию?

– Тоже глупцы. Хватит слов, ведьма. Узри.

И она увидела.

Карса спустился в ров. Мусор, сломанное оружие, осадные камни и иссохшие тела. На валунах засушились ящерицы, накидочники взмыли вверх, словно бледные листья на ветру. Теблор остановился точно под массивными железными створками ворот. Даже при своём росте он едва мог дотянуться до узкого выступа под ними. Воин оглядел обломки моста, разбросанные вокруг, затем начал сваливать в кучу камни, выбирая куски побольше, чтобы сложить грубые ступени.

Через некоторое время результат его удовлетворил. Обнажив меч, он взобрался по ступеням и оказался вровень с широким, прибитым заклёпками запорным механизмом. Карса поднял кремнёвый меч обеими руками, вогнал остриё в щель там, где по его расчёту должен был находиться замок. Выждав мгновение, пока угол клинка и положение рук не укрепились в его сознании, затем вытащил меч, отступил так далеко, как только смог, на самодельной платформе из обломков, занёс своё оружие – и ударил.

Удар достиг цели, неразрушимое кремнёвое лезвие вошло в щель между створками ворот. Клинок с хрустом вонзился в невидимый железный засов и застрял, а отдача волной пробежала по рукам и плечам Карсы.

Теблор заворчал, подождал, пока боль успокоится, затем с пронзительным скрежетом вытащил меч. И вновь прицелился.

На этот раз он не только услышал, но и почувствовал, как переломился засов.

Карса выдернул клинок и упёрся плечом в ворота.

Что-то тяжело звякнуло с другой стороны, и правая створка распахнулась.

Самар Дэв смотрела на происходящее широко распахнутыми глазами. Она только что увидела нечто... невероятное.

К ней подошёл капитан Инашан.

– Храни нас Семь Святых, – прошептал он. – Он же только что разрубил железные ворота.

– Именно так.

– Нам нужно...

Самар покосилась на солдата:

– Что нам нужно, капитан?

– Нам нужно убрать его из Угарата. И как можно скорее.

Тьма в коридоре – стены под углом, желоба и бойницы. Какой-то механизм опустил сводчатый потолок и сдвинул стены – Карса видел, что они висят, примерно на палец не доставая до мощёного пола. Двадцать убийственных шагов до внутренних ворот – широко распахнутых.

Теблор прислушался, но ничего не услышал. Зловонный, горьковатый воздух. Воин прищурился, глядя на бойницы. За ними тоже тьма, потайные комнаты за стеной не освещены.

Перехватив меч поудобнее, Карса Орлонг вошёл в крепость.

По желобам на него не посыпался раскалённый песок, никто не поливал его кипящим маслом, стрелы не полетели из бойниц. Теблор добрался до ворот. За ними раскинулся внутренний двор, на треть залитый белым солнечным светом. Карса вышел из-под арки и поднял глаза. Скалу и вправду выдолбили изнутри – над головой сиял прямоугольник голубого неба с огненным шаром солнца в углу. Стены по обе стороны от воина были покрыты укрепленными площадками и балконами, изъязвлены бесчисленными окнами. Он видел двери на балконах, некоторые из них – открытые чёрные провалы внутрь, другие – запорты. Карса насчитал на противоположной стене двадцать два уровня, восемнадцать на левой, семнадцать на правой и двенадцать на задней – внешней – стене, укрепленной ещё двумя боковыми выступами с шестью уровнями на каждом. Крепость оказалась настоящим городом.

Но, похоже, вымершим.

Его внимание привлекла глубокая яма в одном из затенённых углов двора. Плиты пола подняли и сложили рядом, а сама подкоп уходил куда-то в глубину. Теблор подошёл ближе.

Под плитами работники докопались до скалистого основания, но оно оказалось лишь выступом толщиной, наверное, в полсажени, который укрывал полый подземный зал. И оттуда доносилась вонь.

В подземелье вела деревянная приставная лестница.

Карса решил, что это самодельная выгребная яма. Ведь осаждавшие наверняка забили стоки в ров, надеясь, что в гарнизоне начнётся мор. Смерд недвусмысленно подсказывал, что яму использовали в качестве отхожего места. Но зачем тогда лестница?

– Странные интересы у этих малазанцев, – пробормотал он.

Рукой он чувствовал, как растёт напряжение в каменном мече – прикованные к клинку духи Байрота Гилда и Дэлума Торда внезапно забеспокоились.

– Или это случайная находка, – добавил теблор. – Об этом вы меня хотите предупредить, братья-духи?

Карса смерил взглядом лестницу.

– Ну, как скажете, братья, но я лазал и по худшим.

Карса убрал меч за спину и начал спуск.

Экскременты пятнали стены, но, к счастью, не ступени лестницы. Воин спустился мимо каменной крышки, и остатки свежего воздуха сверху выдавила густая, резкая вонь. Но в запахе чувствовались не только человеческие нечистоты. Что-то ещё...

Добравшись до пола подземного зала, Карса замер, стоя по щиколотку в дерьме и лужах мочи, пока его глаза не привыкли к темноте. Наконец он смог различить скруглённые стены с волнообразными горизонтальными выступами, но без всяких иных следов резьбы. Гробница-толос. Но такого стиля Карса никогда прежде не видел. Во-первых, слишком большая, а во-вторых, здесь не были ни следа платформы или саркофага. Ни погребальных даров, ни надписей.

Теблор не видел и формального входа или двери в стенах. Шлёпая по нечистотам, чтобы получше рассмотреть кладку, Карса чуть не упал, когда шагнул прочь с невидимой платформы – он стоял на возвышении, доходившем практически до самих стен. Отступив, он осторожно обошёл платформу по кругу. И в процессе обнаружил шесть железных штырей, вогнанных глубоко в камень, – две группы по три. Массивные шипы – толще запястья теблора в ширину.

Карса вернулся к центру, остановился рядом с лестницей. Если бы он лёг на пол, головой на центральный клин любой группы, то не смог бы дотянуться руками до другой. Будь он в полтора раза выше, справился бы. Видно, тварь, которую тут приколотили этими гвоздями, была громадной.

И, к сожалению, похоже, железные клинья подвели...

Лёгкое движение в тяжёлом, затхлом воздухе, тень слабого света, просачивавшегося сверху. Карса потянулся за мечом.

Огромная лапа сомкнулась у него на спине, два когтя прошили плечи, ещё два вошли под рёбра, а большой вонзился в тело под левой ключицей теблора. Гигантские пальцы сомкнулись и потащили его вверх так, что лестница перед глазами превратилась в смазанное пятно. Меч оказался плотно прижат к спине. Карса забросил руки назад, и его ладони сомкнулись на чешуйчатом запястье толщиной больше его бицепса.

Оказавшись выше скальной крыши, он понял по тому, как дёргались когти, что зверь карабкается по стене ямы ловко, точно бхок'арал. Что-то тяжёлое и чешуйчатое скользнуло по рукам теблора.

Затем – ослепительный солнечный свет.

Зверь швырнул Карсу через двор. Воин тяжело упал, заскользил по камням, пока не врезался во внешнюю стену.

Все кости в спине словно выскочили из суставов. Сплюнув кровь, Карса Орлонг заставил себя подняться на ноги, пошатнулся, оперся о нагретый солнцем камень.

Рядом с ямой стояла чудовищная рептилия, двуногая, со слишком длинными и крупными передними лапами, когти которых скребли по мостовой. Хвост – толстый и короткий. Широкие челюсти заполняли длинные, как кинжалы, клыки, над которыми крупные скулы и надбровные дуги прикрывали глубоко посаженные глазки, поблёскивавшие, точно мокрая галька на берегу. Зазубренный гребень шёл вдоль плоского, вытянутого черепа – бледно-жёлтый над серовато-зелёной шкурой. Зверь был в полтора раза выше Тоблакая.

Недвижная, словно статуя, рептилия разглядывала его. С когтей левой лапы капала кровь.

Карса глубоко вздохнул, затем вытащил свой меч и отбросил в сторону.

Голова чудовища дёрнулась, покачнулась из стороны в сторону, затем оно бросилось вперёд, наклонившись вперёд и отталкиваясь от земли массивными задними лапами.

И Карса ринулся прямо на зверя.

Такой реакции рептилия явно не ждала, поскольку теблор оказался внутри хвата огромных лап и под разинутой пастью. Он резко вскинул голову, ударив снизу в челюсть твари, затем вновь пригнулся, просунул руку между задних ног и обхватил правую. Врезавшись плечом в подбрюшье рептилии, воин крепко сомкнул руки на другой стороне захваченной ноги. С рёвом теблор поднял её, вздёрнул так, что зверь запрыгал на одной ноге.

Когтистые лапы врезались в спину, рассекли медвежью шкуру, принялись яростно терзать плоть.

Карса упёр правую ногу позади левой задней лапы зверя и изо всех сил толкнул.

Тварь повалилась, и теблор услышал хруст сломанных костей.

Короткий хвост дёрнулся, врезался в живот воину. Воздух рывком вырвался из четырёх лёгких Карсы, когда теблор снова взвился в воздух от удара и рухнул на камни, содравшие большую часть кожи с его правого плеча и бедра, проскользил ещё четыре шага... и свалился в яму, ударившись о край скальной крышки, отчего та обломилась, а затем грохнулся лицом вниз в лужу нечистот на дне гробницы, раскидав в стороны каменные обломки.

Карса поднялся, вывернулся, чтобы сесть, сплюнул зловонную жижу, одновременно пытаясь набрать в лёгкие воздуха. Кашляя и задыхаясь, он пополз к стене, прочь от дыры в потолке.

Вскоре он сумел восстановить дыхание. Стряхнув нечистоты с головы, Карса уставился на столб света, лившийся по обе стороны лестницы. Зверь не погнался за ним... или не увидел, что теблор упал вниз.

Воин поднялся на ноги и подошёл к лестнице. Посмотрел вверх, но не увидел ничего, кроме солнечного света.

Карса полез наверх. Оказавшись вровень с краем ямы, он остановился, приподнялся так, чтобы осмотреть двор. Рептилии нигде не было видно. Теблор поспешно выбрался на мостовую. Снова сплюнул, встряхнулся, и зашагал ко входу во внутреннюю часть крепости. Поскольку из-за рва не доносилось никаких криков, Карса решил, что зверь туда не побежал. Значит, оставалась лишь сама крепость.

Ворота были распахнуты настежь. Он вошёл в широкий зал, вымощенный гладкими плитами. Стены по сторонам несли едва заметные следы давно выцветших фресок.

Повсюду валялись куски изуродованных доспехов и окровавленной одежды. Рядом стоял сапог, из которого торчали две обломанные кости.

Прямо напротив в двадцати шагах виднелся другой проём, – створки дверей были изломаны и сорваны с петель. Карса двинулся к нему, но замер, услышав, как огромные когти царапают по плиткам во мраке. Слева, рядом со входом. Теблор отступил на десять шагов, а затем молнией рванулся вперёд. В дверь. Позади него пролетели когтистые лапы, и Карса услышал

разочарованное шипение – прежде чем врезался в низкий диван, перелетел через него и упал на невысокий стол. Под весом теблора ножки подломились. Карса покатился дальше, так что в воздухе закувыркался стул с высокой спинкой, и заскользил вместе с ковром. Перестук когтистых лап становился всё громче – зверь бросился в погоню.

Карса подтянул под себя ноги и нырнул вбок, что позволило ему вновь избежать хватки тяжёлых когтей. Опять врезался в стул, на этот раз массивный. Ухватившись за ножки, Карса взмахнул им навстречу зверю, который как раз взвился в воздух. Стул ударил по вытянутым лапам и отбил их в сторону.

Тварь рухнула на пол головой вперёд, во все стороны брызнули осколки плиток.

Карса пнул рептилию ногой в горло.

Задняя нога твари врезалась ему в грудь, так что воина вновь отбросило назад. Теблор приземлился на брошенный шлем, покатился дальше и упёрся в стену.

Несмотря на рокочущую боль в груди, Тоблакай поднялся на ноги.

Тварь тоже вставала, медленно, качая головой из стороны в сторону, дыхание вырывалось у неё изо рта рывками, перемежавшимися резким, хриплым кашлем.

Карса бросился на рептилию. Пригнувшись, ухватил за правое запястье, вывернул руку, продолжая двигаться вперёд, затем вновь развернулся, прокручивая лапу, пока та не хрустнула в плече.

Тварь взвизгнула.

Карса забрался ей на спину и принялся молотить кулаками по своду черепа. От каждого удара кости рептилии содрогались. Клацнули зубы, каждый удар вгонял голову всё ниже, она поднималась, лишь чтобы встретить следующий. Тварь заметалась по комнате – правая лапа безвольно повисла, левая вскинулась, пытаясь содрать теблора со спины.

Карса продолжал осыпать её ударами, от силы которых его собственные руки онемели.

Наконец он услышал, как череп треснул.

Хриплый вздох – его собственный или твари, теблор уже не знал и сам, – а затем рептилия рухнула на пол и покатилась.

Большая часть её огромного веса пришлась на миг Карсе между ног. Теблор резко заревел, напряг мышцы бёдер, чтобы зазубренный гребень не впился ему в пах. Затем рептилия дёрнулась в сторону, придавив воину левую ногу. Тот обхватил рукой бьющуюся в конвульсиях шею.

Продолжая катиться, тварь высвободила левую лапу, взмахнула её назад. Когти впились в левое плечо Карсы. Неимоверная сила стащила Тоблакаю, бросила на пол среди обломков низкого столика.

Карса нащупал одну из ножек столика. Приподнявшись, он изо всех сил обрушил её на вытянутую лапу зверя.

Ножка разлетелась в щепки, а лапа с визгом отдёрнулась.

Рептилия вновь поднялась на ноги.

Карса опять бросился на неё.

Но его встретил удар задней лапы, пришедшийся в грудь.

Внезапная чернота.

Его глаза распахнулись. Темнота. Тишина. Вонь нечистот, запах крови, оседающая пыль. Застонав, он сел.

Грохот, откуда-то сверху.

Теблор оглядывался, пока не заметил боковую дверь. Он поднялся и, хромя, двинулся к ней. Широкий коридор, а за ним – лестница.

– Это что было, капитан? Крик?

– Я не уверен, о фалах'д.

Самар Дэв прищурилась, разглядывая солдата в ярком свете. Он продолжал что-то бормотать себе под нос с того момента, как Тоблакай разрубил железные ворота. Основными героями его внутреннего монолога выступали, похоже, каменные мечи, железо и засовы, пересыпанные отборными проклятиями. И рефреном повторялась мысль о том, что великана-варвара нужно срочно убрать из Угарата.

Она вытерла пот со лба и вновь перевела взгляд на ворота крепости. По-прежнему ничего.

– Они там ведут переговоры, – заявил фалах'д, ёрзая в седле, пока слуги по очереди обмахивали своего возлюбленного повелителя большими веерами из папируса.

– Похоже было на крик, о Святой, – сказал, поразмыслив, капитан Инашан.

– Значит, ожесточённые у них переговоры, капитан. Иначе бы не затянулись так надолго. Если бы они там уже все перемерли с голоду, этот варвар уже бы вернулся. Если, конечно, он не нашёл добычу. Ха! Ошибся я в этом? Думаю, нет. Он ведь дикарь всё-таки. Сорвался с привязи Ша'ик, да? Почему он не умер, защищая её?

– Если правду рассказывают, – неловко проговорил Инашан, – Ша'ик пожелала лично сразиться с адьюнктом, о фалах'д.

– Слишком уж всё просто выходит в этой истории. Её рассказали живые, те, кто её оставил. Не уверен я в этом Тоблакае. Слишком уж он груб.

– Да, о фалах'д, – проговорил Инашан, – он груб.

Самар Дэв откашлялась:

– О Святой, в крепости Моравал добычи не найти.

– Вот как, ведьма? И отчего же ты так уверена в этом?

– Это древнее строение. Оно старше самого Угарата. Конечно, оно перестраивалось время от времени – древние механизмы оказались превыше нашего разума. Даже по сей день, о фалах'д. И сейчас у нас остались от них лишь отдельные части. Я долго изучала эти немногочисленные фрагменты и многое поняла...

– Мне уже скучно, ведьма. Ты так и не объяснила, почему там нет добычи.

– Прости меня, о фалах'д. Отвечаю: крепость обыскивали бесчисленное множество раз и ничего ценного не нашли, кроме этих разобранных механизмов...

– Бесплезный мусор. Ладно, допустим, варвар там не занят грабежом. Значит, он ведёт переговоры с жалкими, мерзкими мезланами, перед которыми нам опять придётся преклониться. Ах, меня ввергли в унижение трусливые повстанцы из Рараку. Ни на кого нельзя положиться.

– Похоже, что так, о фалах'д, – пробормотала Самар Дэв.

Инашан бросил на неё тревожный взгляд.

Самар вновь утерла пот со лба.

– О-ох! – внезапно закричал фалах'д. – Я просто плавлюсь!

– Стойте! – воскликнул Инашан. – Это что было? Рёв?

– Он, наверное, кого-то там насилует!

Он увидел, что рептилия ковыляет по коридору. Голова твари моталась из стороны в сторону, тыкалась то в одну стену, то в другую. Карса побежал за ней.

Зверь, должно быть, услышал теблора, так как развернулся, распахнул пасть и зашипел за миг до того, как воин настиг его. Отбив в сторону когтистые лапы, Тоблакай ударил тварь коленом в брюхо. Та согнулась пополам, так что грудная кость врезалась в правое плечо Карсы. Тот вогнал свой большой палец под левую лапу, нащупал там тонкую, нежную ткань. Проткнув её, палец вонзился в мясо, захватил сухожилие. Сжав кулак, Карса что было сил дёрнул.

Бритвенно-острые клыки сомкнулись у него на голове, оторвали напрочь большой кусок кожи. Кровь хлынула в правый глаз Карсы. Он потянул сильнее, откидываясь назад.

Зверь повалился следом. Вывернувшись в сторону, Карса едва сумел избежать тяжелой туши, но оказался достаточно близко, чтобы заметить, как неестественно разошлись рёбра твари при падении.

Рептилия попыталась встать, но Карса оказался быстрее и вновь оседлал её. И принялся молотить кулаками по черепу. С каждым ударом нижняя челюсть билась об пол, и теблор чувствовал, как подаются под кулаками пластины черепа. И продолжал бить.

Дюжину заполошных ударов сердца спустя он слегка сбавил темп, осознав, что зверь уже не шевелится под ним: голова твари лежала на полу и становилась с каждым ударом окровавленных кулаков всё более широкой и плоской. Из неё сочились жизненные соки. Карса прекратил избиение. С мукой вздохнул, задержал дыхание, чтобы удержать подступившую черноту, затем медленно выдохнул. И сплюнул кровавую мокроту на разбитый череп рептилии.

Подняв голову, Карса огляделся по сторонам. Дверной проём справа. В зале за ним длинный стол и стулья. Он медленно, со стоном поднялся, пошатываясь, шагнул за порог.

На столе стоял кувшин с вином. По обе стороны от него стройными рядами выстроились кубки – по одному на стул. Карса смахнул их со стола, подхватил кувшин, а затем лёг на покрытую пятнами деревянную столешницу. Теблор уставился в потолок, где кто-то изобразил пантеон неведомых богов. И все они смотрели вниз.

На их лицах застыла одинаковая издевательская гримаса.

Карса приложил оторванную полосу кожи обратно к черепу, ослабил в ответ на взгляды с потолка, а затем поднёс к губам кувшин.

Солнце уже почти коснулось горизонта, и вечер принёс благословенно прохладный ветер. Уже некоторое время в крепости царила тишина – с того самого, последнего рёва. Несколько солдат, которым пришлось выстоять не один час на солнцепёке, потеряли сознание, и теперь за ними ухаживал одинокий раб, которого фалах'д изволил выделить из своей свиты.

Капитан Инашан уже некоторое время собирал взвод, который собирался повести в крепость.

Фалах'ду массировали стопы и умащивали смесью масла и листьев мяты, которые прямо здесь же пережёвывали его рабы.

– Слишком долго возишься, капитан! – выкрикнул градоправитель. – Только посмотри на этого демонического жеребца. Как он косится в нашу сторону! Уже стемнеет, когда ты наконец соберёшься ворваться в крепость!

– Мы захватим с собой факелы, о фалах'д, – ответил Инашан. – Мы почти готовы.

Он собирался с такой очевидной неохотой, что было почти смешно, но Самар Дэв не решалась встретиться с солдатом взглядами – после того, какое выражение возникло на его лице, когда она в прошлый раз подмигнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.